

ВОКРУГ СВЕТА

4 1970
АПРЕЛЬ

22 апреля 1970 года исполняется сто лет со дня рождения Владимира Ильича Ульянова-Ленина — гениального продолжателя революционного учения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, создателя Коммунистической партии Советского Союза, руководителя величайшей социальной

революции и основателя первого в мире социалистического государства, вождя международного рабочего класса, всех трудящихся.

Из Тезисов Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

**ЗДЕСЬ
КАЖДЫЙ
КАМЕНЬ
ЛЕНИНА
ЗНАЕТ**

Ульяновск. Маленький деревянный дом. Здесь прошли детство и ранняя юность Владимира Ильича Ленина.

Волжские, российские места. Они слышали вольные песни Разина и Пугачева, стон бурлаков, хозяйские окрики миллионеров-заводчиков и купцов, одинокие голоса, ратующие за просвещение народное, жаркие разговоры в революционных кружках о «Капитале» Маркса...

Ленина «из недр своих подняла масса людей, — говорил чехословацкий писатель-коммунист Иван Ольбрахт, — чтобы в его ясных, твердых, как удар колокола, словах выразить свой нестройный крик, чтобы из мутного хаоса разрозненных помыслов он смог выковать идею, чтобы он руководил ими, сплотил их...»

Фото В. АРСЕНЬЕВА,
наш спец. корр.

1970

ВОКРУГ СВЕТА

**№ 4
АПРЕЛЬ**

Журнал основан в 1861 году

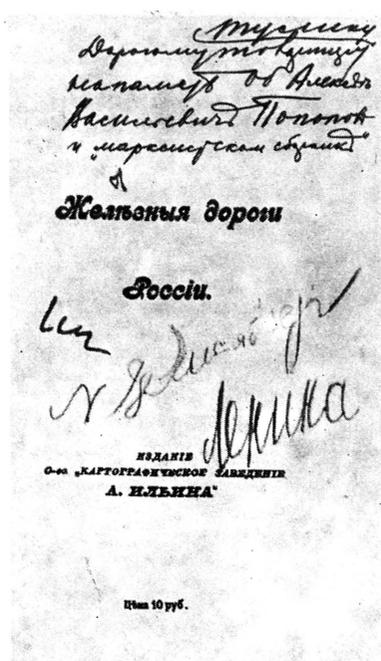
**НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ**

АТЛАС ЛЕНИНА

А. ШАМАРО, наш спец. корр.

Мы снова направляемся с вами в путь — в десятое завершающее путешествие по атласу «Железные дороги России», принадлежавшему Владимиру Ильичу Ленину.

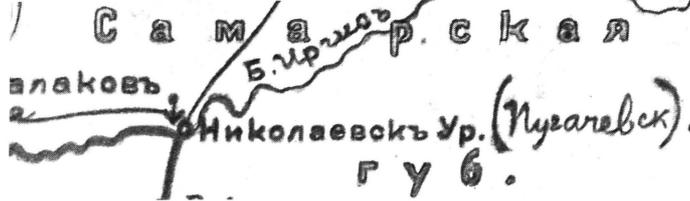
Маршрут этого путешествия пролегал из Москвы в саратовское Заволжье, в старинный русский город на реке Большой Иргиз.

Карта, которая сегодня поведет нас в этот путь, знакома читателям лучше, чем остальные. Дважды¹ пометки, сделанные на ней рукой Владимира Ильича

Ленина, направляли нас в путешествия в день нынешний и день минувший. Карта под номером XIII охватывает обширный район страны от Пензы до Астрахани, от Азовского моря до Каспия.

Уже в первые революционные годы новое время сделало поправки на географической карте России, дав нескольким старым городам новые названия. Одним из них был захолустный уездный городок в заволжских степях с традиционным для старой России, «царским», названием — Николаевск. Через некоторое время после Октября он получил новое имя. Владимир Ильич написал его в скобках после названия упраздненного:

¹ См. очерки из цикла «Атлас Ленина», опубликованные в журнале «Вокруг света» № 4 за 1967 г. и № 11 за 1969 г.

НИКОЛАЕВСК (ПУГАЧЕВСК)

Август 1918 года — знойный, бездождный, пыльный. Заволжские степи с редкими клочками лесов и кустов, прижавшихся к спасительным для них прудам и речушкам, с отлогими холмами, называемыми здесь «сыртами».

Уездный городок Николаевск на реке Большой Иргиз, медленно катящей свои теплые мутные воды в Волгу.

Когда-то Николаевск назывался слободой Мечетной, и проживали в нем старообрядцы, возвратившиеся из-за российских государственных границ «по милости» императрицы Екатерины II. Здесь, в раскольничьем скиту, обитал старец Филарет, в разговоре с которым беглый донской казак Емельян Пугачев, скрывавшийся под личиной старовера, впервые услышал о глубоком недовольстве ящиков казаков своей долей.

К двадцатому веку слобода превратилась в заурядный городок с купеческими особняками и хлебными амбарами, с непримечательной базарной площадью под благословляющей сенью неперемогенного православного собора.

...Август 1918 года — время ожесточенных боев в этом крае, боев Красной Армии с контрреволюционными отрядами так называемого «самарского правительства», составленного из членов распущенного Советской властью в Петрограде Учредительного собрания, прозванного в народе «учредилкой»... Учредилочки захватили Симбирск и Казань, они пробиваются к Саратову, чтобы отрезать Москву от всего хлебного Заволжья и сойтись с казачьей контрреволюцией на Дону.

20 августа учредилковским полкам удалось ворваться с севера в Николаевск.

...Улицы сразу же заполнили барышни и дамы из «благородных семей» — семей бывших чиновников, бывших землевладельцев, бывших купцов — одним словом, «бывших», которые в этот час мгновенно уверовали в то, что столь милое их сердцу бывшее вновь стало нынешним... Как из волшебного ящика иллюзиониста, вдруг в изобилии выпорхнули на улицы котелки, шляпки с аршинными перьями и накрахмаленные манишки. В белом штабе шла бойкая запись добровольцев для борьбы с большевиками — гим-

наристов, студентов, офицеров, «оставшихся верными воинскому долгу и присяге». Тут же всюду усердствовала контрразведка. В городе начались обыски, аресты, расстрелы прямо на улицах, во дворах. На заборах забелел свеженький приказ, предлагающий «всем лицам города Николаевска и окрестностей выдать немедленно сторонников Советской власти и всех подозрительных лиц». По улицам рыскала свежеспеченная «милиция» из купцов и лабазников, разыскивая и изымая конфискованное Советской властью имущество.

И в этом угаре никто не знал, не подозревал, что к городу с юго-востока стремительно продвигалась красноармейская бригада. Полки шли с невероятным напряжением сил, проходя в сутки по 90 километров.

Приказ выбить белых из Николаевска получил командир бригады Василий Иванович Чапаев. И вот оба его полка — Пугачевский и Разинский — уже в нескольких десятках километров восточнее города.

...Теперь, когда мы перечитываем исторические исследования и воспоминания об этих боях, в нашем представлении может сложиться не совсем точная их картина... «Фронт», «линия фронта» — эти слова заставляют думать об огромных воинских соединаениях, противостоящих друг другу, стоящих как бы плечом к плечу на протяжении десятков и сотен километров. А в действительности — если бы можно было одним взглядом окинуть тогда эти заволжские просторы с какой-то очень большой, почти космической высоты, — мы увидели бы гигантские степные пространства с редкой россыпью сел и деревенок, и на всей этой желтовато-бурой скатерти — десяток-полтора медленно перемещающихся точек — ступков вооруженных людей, полков и батальонов двух противоборствующих сил — 4-й Красной Армии и так называемой Народной армии, наспех сколоченной в Самаре. Радиосвязи нет, телеграфные линии, как правило, разрушены. И в этой схватке — в чисто военном отношении — победа достанется тому, кто лучше знает эти степи, кто сумеет продвигаться быстрее и скрытнее; кто сумеет обмануть,

перехитрить врага, напасть на него с той стороны, откуда он не ждет удара. В такой войне Чапаеву не было равных.

Сейчас против его двух полков стоял сильный отряд белых — четыре тысячи бойцов, десяток орудий, много ручных пулеметов. А полки Чапаева измотаны и обескровлены в боях с белоказаками под далеким Уральском. Наступать на город «в лоб» — значит наверняка уложить красноармейцев в степи. Чапаев отдает приказ: обойти Николаевск с тыла, с севера, скрытно достигь села Таволжанки, где сосредоточены резервы белых и где проходит дорога на Самару. Один полк, Пугачевский, будет отвлекать на себя внимание белых, наступая на это село более коротким путем; другой, Разинский, в это время проберется по оврагам и внезапно нанесет главный удар.

К вечеру Таволжанка была захвачена, в руки чапаевцам попали четыре исправных орудия, из них два тяжелых.

Надвигалась ночь. Оба чапаевских полка продолжали двигаться к Николаевску. К полуночи перерывные разъезды заметили редкие огоньки села Пузановки. До города оставалось верст десять.

Ночь выдалась облачной, черной.

Командиры склонялись к тому, чтобы дожидаться зари. Комбриг, невысокий, худощавый, очень подвижной человек лет тридцати, с острыми голубыми глазами, тонкими чертами лица и пышными усами, склонился над картой, освещенной тусклым фонарем... Он и слышать не хотел о задержке до утра. Но командиры настаивали, и Чапаев наконец согласился:

— Хорошо. Но как взойдет солнце, город должен быть наш! — Сегодня возьмем Николаевск! — сказал кто-то за всех.

И тут, к всеобщему удивлению, Чапаев взорвался.

— Николаевск! Николаевск! Царь был Николай — и город наш Николаевск... К черту Николаевск! Давайте назовем город Пугачевск. Как, товарищи?

Возражений не было.

Вскоре оба полка сошли с дороги и укрылись по обе стороны от нее в оврагах. Красноармейцы опустили на жесткую пропыленную траву и сразу же уснули.

Часа в два ночи на дороге, со

Рисунки В. КОЛОТОВОВА

стороны города, послышался колесный скрип и приглушенные голоса. К Пузановке приближалось несколько подвод. Вооруженные винтовками люди — человек семьдесят — сидели на телегах, шагали вслед за ними. Судя по всему, настроение у них было самое благодушное.

Красноармейская застава оставила обоз:

— Стой, кто такие?

С первой подводы прыгнул на дорогу человек в штатском пиджаке и с золотыми погонами на плечах. Город, занятый белыми, был так близок, что офицер явно не ожидал встретить почти под самыми его стенами кого-либо, кроме белого караула. Да и ночь была темна.

— Свои... — на всякий случай начал он, но тут же добавил: — Офицеры. Мобилизованы в Народную армию. Едем в Самару, в распоряжение командования, для формирования.

Выигрывая время, часовые стали препираться с офицерами: «Кто командировал? Где приказ?» А в эти минуты рота сторожевого охранения, которой командовал Иван Бубенец — местный уроженец, бывший гвардейский офицер, пользовавшийся у Чапаева, несмотря на всю его нелюбовь к людям с таким прошлым, безграничным доверием, — уже окружала обозников... Поступить «в распоряжение командования» им так и не довелось.

Прошел еще час. Уже стихли возбужденные разговоры, которые вели красноармейцы после недавнего происшествия. Вдруг издали вновь послышались голоса, скрип колес, понукания подводчиков. Звуки доносились уже с севера, со стороны Самары.

Сторожевая рота притаилась у дороги, ждала.

Передние подводы, натолкнувшись на часовых, остановились. Сзади послышались недовольные восклицания, ругательства.

— В чем дело? Двигай быстрее!

Иван Бубенец подошел к первой подводе. Кто-то лежавший на ней проговорил сонным раздраженным голосом:

— Я полковник Народной армии. Мой полк направляется в Николаевск, на помощь нашим частям.

Бубенец щелкнул каблучками и вскинул руку к козырьку:

— Рад приветствовать вас! Я немедленно дам знать о вас господину полковнику — командиру добровольческого отряда, в котором имею честь служить. Надеюсь, что не задержим вас.

Старая служба пригодилась Бубенцу: выправка его была безукоризненна, манера говорить и держать себя вне всяких упреков. Ни тени подозрения не зародилось в душу полковника: он приказал остановить обоз, растянувшийся по тракту почти на целую версту. Достал портсигар, предложил Бубенцу папиросу. Завязался разговор о последних военных новостях.

Бубенец нарисовал картину блистательных побед под Николаевском и в самом Николаевске — красные рассеяны, разбежались по степи, побросав оружие, целыми батальонами сдаются в плен и выражают горячее желание бороться с большевиками; в Николаевске же всеобщее ликование, хлеб-соль, тысячи добровольцев, новые полки.

— С одним из них вы, господин полковник, и повстречались. Красноармеец, посланный Бубенцом на батарею Разинского полка, тем временем прибежал туда. Он уже показывал на дорогу: на ней мерцало бесчисленное

множество багровых светлячков — огоньки папирос.

Нельзя было терять ни секунды: красноречие Бубенца не могло удерживать на дороге целый полк слишком долго, полковник мог заподозрить что-то неладное. Жизнь Бубенца висела на волоске. Он морочил голову своему собеседнику уже почти полчаса.

Оба полка бесшумно окружили в темноте белый обоз. Прозвучал условный сигнал — револьверный выстрел, и на подводы бросились и конники, и пехотинцы... Вражеский полк был разгромлен полностью. Чапаевцы захватили большие по тому времени трофеи: сорок пулеметов, десятки ящиков с патронами, гранатами.

А утром был взят Пугачевск. Позже он был официально назван Пугачевом.

Но когда, при каких обстоятельствах мог сделать поправку в своем атласе Владимир Ильич?

Вопрос этот я задавал научным сотрудникам пугачевских музеев — краеведческого и чапаевского мемориального, расположенного в том самом небольшом деревянном доме, где в 1918 году жила семья Чапаева.

Ответ везде был один: вероятнее всего, что Владимир Ильич сделал эту пометку во время беседы с одним из здешних партийных работников, делегатом VIII партийного съезда Раисой Борисовной Борисовой. Беседа эта происходила в один из последних мартовских дней 1919 года в кремлевском кабинете Ленина.

К большому сожалению, расспросить об этом саму Раису Бо-

рисовну не удалось: она скончалась недавно в Москве. Остались ее воспоминания, рассеянные по газетам и журналам, включенные в сборники и выпущенные отдельными изданиями. Вот что удалось разыскать.

В марте 1919 года на уездной партийной конференции в городе Пугачеве Р. Б. Борисову избрали делегатом на VIII партийный съезд. Раиса Борисовна только что встала на ноги после тяжелой болезни, на саму себя не была похожа и убеждена была в том, что ее теперь никто из тех, кто встречался с ней раньше, и узнать не сможет. Каково же было ее удивление, когда Ленин, проходя через зал заседаний съезда, остановился и протянул ей руку:

— Здравствуйте, товарищ. Вы делегат от Пугачевского уезда? Ну, а как Чапаев? Хорошо воюет?

— Да, сейчас он командует бригадой в 4-й армии под началом Фрунзе.

— И теперь поддерживает связь с уездным комитетом партии?

— Чапаев часто пишет, и мы навещаемся к нему.

Фигура Чапаева, видимо, сильно интересовала Ленина, и он завопил разговор о нем не один раз, когда в дни работы съезда встречался с делегатом из заволжского уезда. Однажды, увидев, что Борисова беседует с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой, Ленин, остановившись на минуту, сказал жене:

— Вот товарищ Борисова может тебе подробно рассказать о Чапаеве.

А в один из тех дней, в перерыве между заседаниями съезда, Владимир Ильич попросил Борисову зайти к нему в кабинет и рассказать о сельскохозяйственных колхозах в уезде.

«...Книги вдоль стен, книги на этажерках, рядом с письменным столом, книги на столе... — писала позднее Раиса Борисовна об этой встрече и этой беседе. — Карты. На них вся Россия с ее фронтами. Ильич во время нашего разговора часто взглядывал на карту.

На столе телефон, клей, ручка... Впрочем, подробно рассматривать обстановку мне было трудно. Я все время следила за выражением лица Ленина, за его руками. Иногда он что-то записывал».

Вполне возможно, что именно в эти минуты, следуя своей привычке видеть на карте тот район страны, о котором шла речь или которым были заняты его мысли, и рассматривая карту настольного железнодорожного атласа, Владимир Ильич и переправил старое название заволжского городка на новое, давно уже вошедшее в повседневный обиход. Так, очевидно, в атласе Ленина появилась поправка, которую сделал на карте России народный герой Василий Иванович Чапаев.

Несколько лет назад перед читателями журнала¹ была раскрыта впервые одна из страниц атласа — «Железные дороги России».

По свидетельству сотрудников Совнаркома, этот атлас был настольной книгой Владимира Ильича

¹ Рубрика «Атлас Ленина» была начата на страницах «Вокруг света» в 1965 году (№ 4).

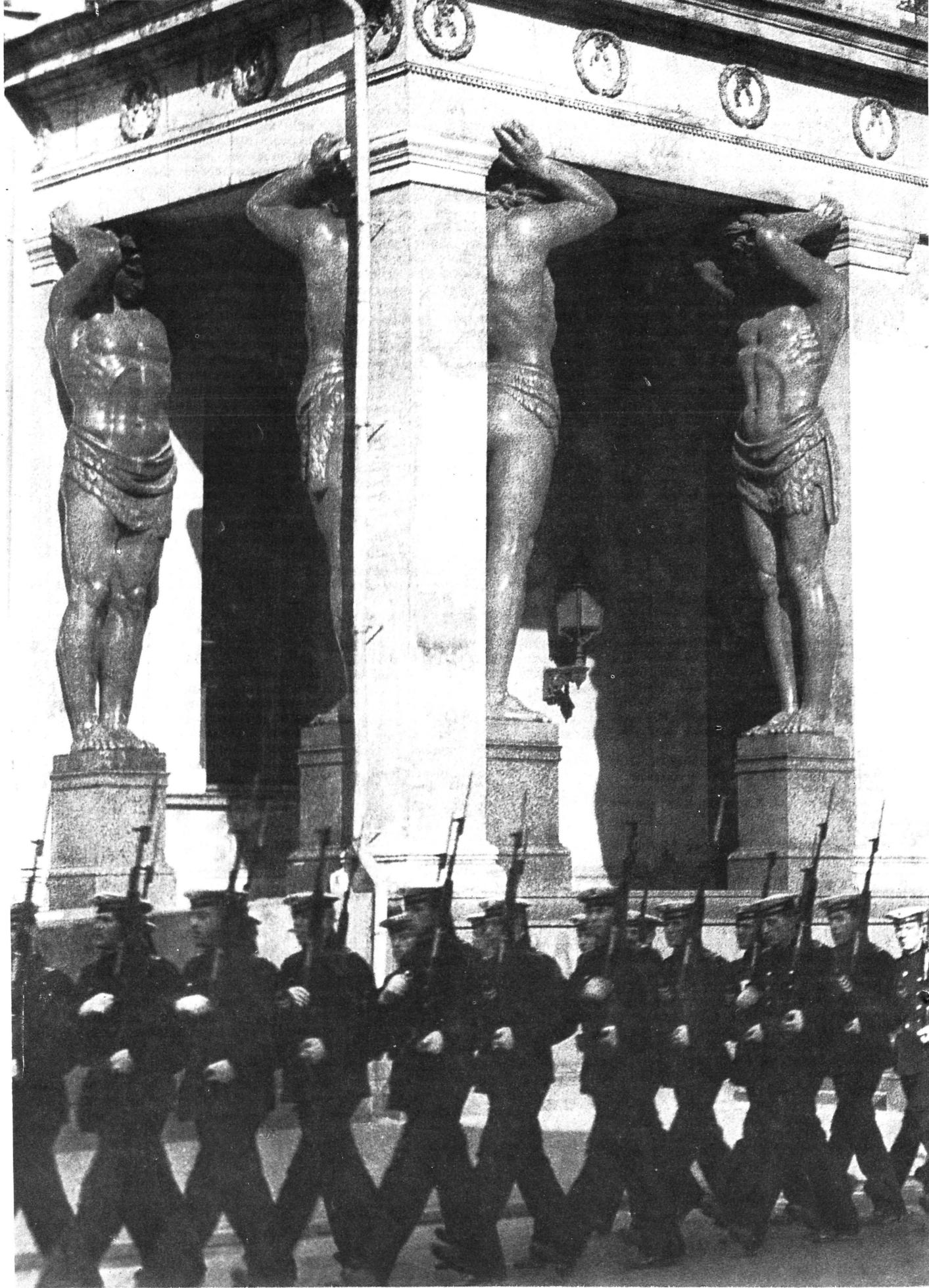
ча Ленина в его кремлевском кабинете. «Одним из справочников, которым Владимир Ильич постоянно пользовался и который обыкновенно лежал у него на письменном столе, был указатель железных дорог», — вспоминает Л. А. Фотиева.

Пометки в этом атласе несут в себе отзвук размышлений Ленина над судьбами страны в те богатые событиями годы.

Для нас сегодня пометки Владимира Ильича оказались поистине путеводными. Следуя от них к событиям, которыми, по всей вероятности, они были вызваны, и от событий к их участникам, их судьбам, к их подвигам, читатели за несколько лет познакомилась с легендарным командиром красных конников Николаем Дмитриевичем Томиным; с героическими рабочими-дружинниками, сражавшимися с мамонтовскими бандами; с бойцами 28-й красноармейской стрелковой «Железной» дивизии; с рабочим-нефтяником Александром Фомичом Зяблицовым, спасшим от поджога резервуары с эмбинской нефтью; с кремлевскими курсантами, сражавшимися в Ногайских степях; со строителями нефтепровода Каспий — Орск; с уральским шахтером Павлом Парагиным, защищавшим от белых железнодорожный мост; с рабочими, которые восстанавливали первую домну в Енакиеве; с балтийскими моряками, воевавшими на Волге, и, наконец, с замечательным полководцем Василием Ивановичем Чапаевым.

Ленинский атлас — один из документов, раскрывающих великое содержание жизни вождя.

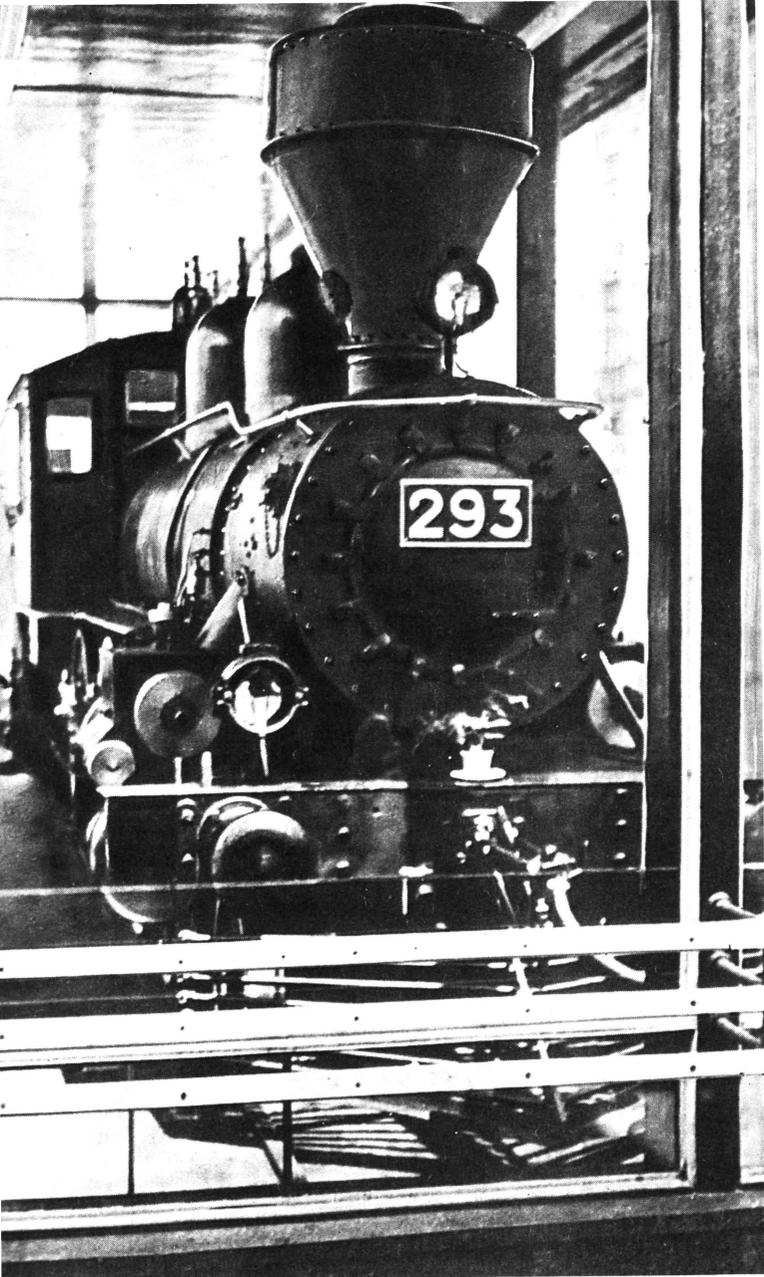
**ЗДЕСЬ
КАЖДЫЙ
КАМЕНЬ
ЛЕНИНА
ЗНАЕТ**

Ленинград. Печатая шаг, идут моряки Балтийского флота. Идут к Дворцовой площади, той самой, откуда более полувека назад, 25 октября 1917 года, их отцы и деды двинулись на штурм Зимнего. Приказ исходил из штаба революции — Смольного, от вождя революции — Ленина.

Революция свершилась. Началась новая глава всемирной истории. Осуществлением первого победоносного акта мировой социалистической революции руководила партия большевиков. Руководил Ленин.

«Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, — пишет американский журналист Джон Рид, видевший и слышавший Ленина в дни Октябрьских событий, — но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

Фото В. ОРЛОВА,
наш спец. корр.

Пристально взгляделся в лицо. Длинные усы. Пенсне. Сверил с приклеенной на пропуске фотографией. Точно. Повертел в руках картонку, пощупал ее, чуть ли не понюхал. Вещей с собой нет. Кажется, все в порядке.

И в самом деле, документ был подлинный, не липа, раздобытый с помощью знакомых в Генштабе на Дворцовой площади.

— Можете идти, — пробурчал пограничник.

— А ваши бумаги? — обратился он к спутнику Шотмана.

— Фамилия?

— Рахья.

— Имя?

— Эйно.

— Год рождения... Паспорт?

Финляндский гражданин. Такая же картонка пропуска. Вроде бы ничего подозрительного.

— Проходите.

Побродив с полчаса по фицской земле, друзья перешли обратно в Россию по другой тропе, по мостку через пограничную извилистую крутобережную Сестру. Под ногами осыпался песок. Но едва они переступили кромку берега, как их остановили. Еще тщательнее допрашивали: зачем? По какому случаю? Со всех сторон оглядывали, заставляли одного снять картуз, другого шляпу, сличали фотографии на пропусках с фотографией, которую пограничник вытащил из кармана. Разве что не на зуб пробовали и с неохотой, словно не веря, вернули документы.

Миновав тощий сосняк, друзья спустились в овраг, прошли по его песчаному дну подалее. Вечер был прохладный, но откуда-то несло торфяной гарью. Пройдя так километра полтора, взобрались по склону, чтобы снова перейти границу, в новом месте.

И снова их остановили пограничники и так же придирчиво сверяли пропуска, фотографии, паспорта, всматривались в глаза, ставили в профиль. Опять побродили они по земле Финляндии с полчаса и, притомившись, — не мудрено, ведь и до границы топали от самого Сестрорецка! — присели на пеньки отдохнуть.

Сантери Шотману, члену Петербургского комитета партии большевиков, давнему знакомому Владимира Ильича, Центральный Комитет поручил укрыть Ленина от ищеек Керенского в Финляндии. Помощником в этом деле Шотман взял своего приятеля, смельчака Эйно Рахья, став-

ГЕННАДИЙ ФИШ

МАШИНИСТЫ ПАРОВОЗА 293

ДВОЕ НА ГРАНИЦЕ

— **В**аши документы? «Сантери Шотман, финляндский гражданин, имеет право перехода через финляндскую границу туда и обратно», — прочитал пограничник на картонном пропуске, протянутом ему. Печать Генерального штаба. Все как положено.

шего потом связным Ленина в его последнем подполье.

— Ненадежно! Могут схватить... Так же как и вчера. Придется еще раз попробовать завтра, — сказал Сантери.

— Я ведь служащий, не буду отпрашиваться каждый день, если не объяснишь, в конце концов, для кого стараемся? Кого надо переправить? — проворчал Эйно.

— Тебе скажу — Владимира Ильича. Только молчок.

— Ну это другое дело. — Рахья сразу проник-ся серьезностью поручения. — Обещаю, перевезем так, что ни один черт не дознается!

Помолчали в раздумье.

— Знаешь, — сказал Рахья, — в двенадцатом году мы перебросили одного через границу на паровозе... Рейсовый поезд. Почему сейчас не повторить? Только вот машинист тот теперь в Финляндии.

— Надо прикинуть, что и как. А насчет машиниста не беспокойся. У меня друг детства есть. Верный человек. Вместе ходили в финскую школу для взрослых на Большой Конюшенной. Хуго Ялава. Знаешь?

— Знаю. Молчаливый человек! — согласился Эйно.

...На другой день, утром, на Выборгскую сторону, в Ломанский переулок, пришел Сантери Шотман. Лидия Германовна, жена Хуго Ялавы, разливала по чашкам душистый кофе, который становился все более редким напитком (война!). От кофе Шотман не отказался. Покалякали о том, о сем, а когда Лидия Германовна вышла, спросил у Хуго:

— Возьмешься «сплавить» через реку одного человека?

— Не впервой!

— Только имей в виду, на этот раз работа самая ответственная в нашей жизни! И преопасная...

— Не впервой!

Шотман знал, к кому обращался.

Это Ялава во время забастовки студентов Технологического института переделся булочником и на глазах оцепивших здание полицейских пронес туда корзины, где под хлебом и булками спрятал оружие и прокламации... Это он на своем паровозе увез деньги, добытые во время прогремевшей на весь мир экспроприации Казначейства в Фонарном переулке. А затем таким же манером и деньги, изъятые при экспроприации кассы завода «Новый Лесснер». После разгона Государственной думы первого созыва он переехал в Выборг депутатов-трудящихся, а позднее — большевика Скворцова-Степанова.

Три пуда русского шрифта на издание подпольной большевистской газеты, предназначенной для русских войск в Финляндии, было переправлено Ялавой из Питера за границу тоже на паровозе № 293. Не раз доставлял он из Суоми оружие и литературу, сбрасывая все в условленном месте, близ станции Шувалово, где их дождался путевой обходчик...

— У твоего паровоза, конечно, большие заслуги перед революцией, но имей в виду, сейчас предстоит самое рискованное и самое ответственное из всех твоих дел, — повторил Шотман.

— Ничего! Все пройдет хорошо! — улыбнулся немногословный финн.

«ПЛЕЧО» В ТРИ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ

В 1932 году в Петрозаводске, заходя в Совнарком Карелии, в старинное, державинских времен здание с колоннадой, я не раз встречал

в приемной сидящего за письменным столом немолодого уже, подтянутого человека. Однажды нас познакомили. Протянув руку, невысокий седой человек назвал свою фамилию:

— Ялава.

— Ялава? Вы не родственник того самого Хуго Ялавы? — обрадовался я.

— Да, он и есть «тот самый», — засмеялся знакомивший нас товарищ.

Это был он, машинист Финляндской железной дороги, который на паровозе № 293 в ночь с девятого на десятое августа семнадцатого года перевез Ленина через границу в Финляндию. Вернулся Ленин обратно, в революционный Питер, также на паровозе Ялавы.

— Да, это у меня Владимир Ильич «кочегарил». Хотя на паровозе моем этой должности не полагалось, был только помощник. — Ялава прятал улыбку в усах. — Ну что ж, пришлось нарушить штатное расписание...

Пока мы с Владимиром Ильичем разговаривали, сидя на козлах в паровозной будке, — рассказывал Ялава, — я незаметно к нему приглядывался. Среднего роста. Видать, крепкий. Продолговатое, с виду здоровое лицо. Большая лысина. Улыбчивый. Живые глаза... Казалось бы, ничего особенного. А впечатление незабываемое...

Хуго Эрикович был скромным и скрытным человеком: только в январе 1924 года, на другой день после смерти Ленина, в депо узнали, что это

Рисунок П. ПАВЛИНОВА

он, Ялава, в семнадцатом дважды перевозил Ленина через границу.

Позднее Ялава рассказал, что у него в квартире двадцать девять, в доме № 4-б по Ломанскому переулку, 14 октября семнадцатого года Владимир Ильич со своими сподвижниками обсуждал практические вопросы восстания.

— Вообще-то, — говорил мне Хуго Ялава в одну из следующих встреч, — нам, железнодорожникам Финляндской дороги, повезло. Мы были тесно связаны с Владимиром Ильичем. Эйно Рахья сам в молодости работал у меня на паровозе помощником. Мы с ним знакомы с пятого года — вместе избирались в стачечный комитет. Из-за этой стачки его и уволили из депо. А про железнодорожного почтовика — поэта Кесси Ахмала вы знаете?.. А про машиниста Блумквиста?..

В то время ни про Кесси Ахмала, ни про Блумквиста я еще ничего не знал.

— Ахмала передавал моей жене в Петрограде почту от Ленина, а в праздники я сам ходил на вокзал забирать ее, — продолжал Ялава. — За письмами Ленина чаще всего приходила Надежда Константиновна, а иногда Мария Ильинична.

От Ялавы Крупская получила привезенное Кесси «химическое» письмо, в котором Ленин звал ее в гости в Хельсинки и даже нарисовал план, как пройти к нему, никого не спрашивая. Это был путь от вокзала к дому железнодорожников № 17 на Тэёлёнкату к квартире паровозного машиниста Блумквиста. Долгое время, вплоть до сорок пятого года, мало кому известно было, что в Хельсинки из квартиры Густава Ровио Владимиру Ильичу пришлось перебраться к Артуру Блумквисту. Об этом умалчивали во вполне понятным причинам: ведь за участие в гражданской войне в Финляндии Артура Блумквиста после победы финской контрреволюции приговорили к смертной казни, а потом заменили этот приговор долголетним заключением.

В часы неторопливых бесед в Петрозаводске Ялава упомянул и о четырех поездах, которые в дни финляндской революции были посланы в Советскую Россию за хлебом для голодающих рабочих Суоми. Дал мне адреса нескольких участников этих рейсов...

Но мне, пожалуй, довольно было и одного адреса, чтобы затем, как по цепочке от одного к другому, познакомиться с десятком товарищей, имевших самое прямое отношение к поездам, которые посылали в Советскую Россию за хлебом. Их рассказами заполнилось несколько моих тетрадей.

От них я узнал, что паровозы к этим поездам были самые новые, выпущенные в Таммерфорсе в семнадцатом году, и работали уже на «перегретом паре», что черный цвет, которым крашены были финские товарные вагоны, привлекал в России всеобщее внимание.

В Хельсинки успел вернуться лишь первый поезд. Второй дошел, кажется, только до Выборга; третий остался в Петрограде: революция в Финляндии была подавлена. Четвертый же поезд и до Петрограда не добрался. Он пришел в Сибирь в самый разгар контрреволюционного восстания и попал в руки колчаковцев.

Белогвардейцы пытались заставить служить се-

бе финских железнодорожников, но это им так и не удалось. И, задержав состав, Колчак вынужден был отпустить железнодорожников как иностранных подданных. Трудными путями пробирались они на родину...

Когда однажды на квартире у Эйно Рахья в Ленинграде, в доме на Каменноостровском проспекте, зашла речь об этих поездах, он сказал:

— Мой брат Яков был комиссаром первого поезда. В этой поездке он вел дневник. Кое-что читал мне потом. Он многое мог бы вам порассказать, будь он жив... Впрочем, один документ... — подойдя к письменному столу, Эйно стал рыться в ящиках. Потом из кипы бумаг извлек одну и положил на стол.

— Вот! — Нижнюю часть бумаги он прикрыл рукой.

Я прочитал:

Народный Комиссариат Путей Сообщения.

29 января 1918 г.

Удостоверение.

Сие выдано Главному Уполномоченному Железных дорог Финляндской Республики по отделу Тяги тов. Я. Рахья в том, что на него возложено Финляндской революционной Рабочей и Крестьянской властью приобретение в пределах Российских республик продовольствия для нужд голодающих рабочих и крестьян Финляндии, а потому предлагается всем главным, районным и местным комитетам, железнодорожным организациям и отдельным лицам, до коих это будет касаться, оказывать полное и реальное содействие тов. Рахья к возможно успешному осуществлению возложенной на него задачи.

Народный Комиссар Путей Сообщения (подпись).

*Секретарь Народного Комиссара
Путей Сообщения (подпись).*

Когда я прочитал удостоверение, Эйно сказал:

— Самое главное все-таки в этом. — Он снял руку с бумаги и прочитал приписку с такой знаковой размашистой подписью:

Со своей стороны прошу оказать всяческое и всемерное содействие товарищу Якову Рахья и его отряду.

В. У л ь я н о в (Ленин).

Удостоверение напечатано на машинке, приписка же сделана рукой Владимира Ильича...

— Яков мне рассказывал, какой был всенародный праздник, когда первый поезд вернулся в Финляндию, — продолжал Эйно Рахья.

Встречать его на станцию Рахимяки выехали члены революционного правительства.

«Хлебные поезда» оценивались рабочей Финляндией как историческое событие.

«Во-первых, — писала газета «Туомиес» — орган революционного правительства, — этим доказано, что кажущиеся невозможными мероприятия могут осуществиться, если имеется действительное желание и решимость. Во-вторых, продемонстрировано великое значение международной солидарности рабочих... то, что было бы непосильным для буржуазного правительства, оказалось посильным для пролетариата и его правительства».

Смысл первой фразы о том, «что кажущиеся невозможными мероприятия могут осуществиться, если...» заключался в следующем: когда в Хельсинки, в Управлении железных дорог, узнали о предложении послать в Сибирь поезда за хле-

бом, с тем чтобы каждый поезд вела одна бесшумная бригада — с одним и тем же бессменным паровозом, — многие посчитали эту идею неосуществимой. Ведь до сих пор паровоз вел поезд лишь семьдесят — самое большое сто километров. Такой пробег у железнодорожников называется плечом.

А тут предлагалось плечо в три тысячи километров!

Да и путь лежал в неизведанную Сибирь, о которой знали только то, что там непролазная тайга, невыносимые холода, вечная мерзлота, — каменные, ссыльные места. Особенно ратовали за быструю посылку поездов народные уполномоченные Адольф Тайми, Константин Лундквист, машинист Артур Блумквист и Яков Рахья.

С Адольфом Тайми я познакомился летом со школьного года в Петрозаводске. И только тогда от него узнал, что и саму идею организации маршрутных поездов подал финским железнодорожникам Владимир Ильич...

Тайми с товарищами приехали к Ленину в Смольный хлопотать об оружии для финской Красной гвардии, рассказали и о том, как голодают трудящиеся Финляндии.

— Знаю, — коротко ответил Ленин.

Это было в те дни, когда Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, несмотря на то, что в Петрограде выдавали только по полфунта хлеба на человека, принял решение немедленно отпустить из своих запасов десять вагонов зерна для финляндских рабочих! В «Радиограмме всем, всем» Ленин сообщал: «...сегодня, 22.I.1918 старого стиля, петроградские рабочие дают 10 вагонов продовольствия на помощь финляндцам».

О том, что этот дар был великодушным актом самоотвержения, революционной солидарности, свидетельствует и другая телеграмма Ленина, отправленная в те же дни в Харьков Орджоникидзе и Антонову-Овсеенко: «Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть».

— «Раздумывая о чем-то, Владимир Ильич прошелся по кабинету, — рассказывал мне Тайми, — затем повернулся к нам и сказал:

— Видите ли, хлеб в глубине России есть!.. В Сибири его немало! Но везти не на чем. На транспорте у нас, как вам известно, разруха. Да, надо говорить правду — разруха! С паровозами беда! С дисциплиной тоже! Вы, финны, имейте и свои паровозы, и свои вагоны. А что бы вам самим послать поезда в Сибирь? У вас есть бумага, папиросы, кажется, хорошие, текстиль, сельскохозяйственные машины — пошлите их в обмен крестьянам-сибирякам, и везите отсюда хлеб!..»

Взволнованный рассказами рабочих-железнодорожников, я написал тогда повесть «Третий поезд».

Хуго Ялава поведал мне и некоторые детали «биографии» своего знаменитого паровоза № 293... Он был построен в 1900 году в Соединенных Штатах Америки по заказу Финляндской железной дороги. Выкрашен в темно-зеленый цвет. И труба у него не как у других паровозов, а похожа на воткнутую в бутылку воронку расрубом вверх.

— Весной двадцатого года, — продолжал Ялава, — этот паровоз разыскал на паровозном клад-

бище молодой помощник машиниста Вольдемар Виролайнен.

Корня над разбитым локомотивом в свободные от службы часы, он и трое его друзей на славу отремонтировали «старика». Это был их подарок стране к Первому мая! Виролайнен стал за рычаг этого паровоза уже не помощником, а машинистом. Парнишке не было и девятнадцати. Самый молодой машинист в стране! Целый год работал он на отремонтированном им локомотиве...

— Повстречайтесь с Виролайненом. Только берегитесь его рукопожатия. Силен, как медведь. Несколько лет Вольдемар был старшим машинистом одного из семи знаменитых продовольственных поездов. Опасная была работа, как на передовой...

...Осенью восемнадцатого года петроградцы получали по карточкам осьмушку фунта на душу в день — пятьдесят граммов! Подвозили хлеб к Питеру с большими трудностями.

И вот тогда-то в Финляндском паровозном депо Петрограда, памятуя о советах Ленина, финские железнодорожники решили организовать первые маршрутные поезда в стране для подвоза хлеба в Петроград — сначала с Поволжья, а затем из Сибири и с Украины.

Создано было семь маршрутных поездов, и в третьем из них за реверсом паровоза встал Вольдемар Матвеевич Виролайнен.

Главным же комиссаром всех этих семи поездов был Адольф Тайми.

— Полтора года я возил пшеницу в Петроград, а затем, по распоряжению Наркомпрода, и в Москву, — рассказывал мне Вольдемар Матвеевич. — Так как из депо я уже был отчислен, а у Наркомпрода такой штатной единицы, как паровозный машинист или котелар, не имелось, то мы, паровозная бригада целиком, все это время не получали ни копейки зарплаты. Но в те годы мы мало думали о зарплате, получали красноармейский паек и работали не за страх, а за совесть.

Чудесная эта профессия — машинист, — продолжал он. — Помню, как-то летом в двадцатом году я вел поезд по затяжному подъему в горах Урала. Стрелка манометра на красной черточке, регулятор открыт до отказа, реверс на предельном зубе, чтобы паровоз не сбуксовал. Справа высокие горы. Сосны слева, глубоко внизу течет спокойная речка. Утро. Солнце встает. Небо розовое. Всем существом ощущаешь, как паровоз, напрягая силы, ведет состав так, что труба, как говорят паровозники, «с небом разговаривает». Далеко в горах эхом отдается ее звонкий голос. А у меня, молодого машиниста, душа поет: за спиной тысячи пудов хлеба, который ждут москвичи и петроградцы. И сознание, что от тебя зависит, чтобы паровоз не сбуксовал, чтобы не было в пути никакой задержки. И чувство ответственности... И гордость... А тут горы звенят, и солнце встает... Это ли не поэзия!

СКВОЗЬ ОГОНЬ — К ЛЕНИНГРАДУ

С той поры прошло два десятилетия.

Декабрь сорок первого года, первого года Отечественной войны. Полутьма короткого зимнего дня вблизи от Полярного круга на станции Кемь. В настежь распахнутую дверь теплушки по широ-

кому настилу неохотно, испуганно озираясь, вошли необычные пассажиры. Их было двадцать шесть, низкорослых, коричневых, с белыми подпалинами северных оленей. Из глубины карельских лесов, из легендарного района Калевалы, из оккупированной противником деревни, через линию фронта пригнали их оленеводы в подарок детям блокированного Ленинграда.

Поезд, к которому прицепляли две теплушки с оленями, провожала гурьба кемских школьников. Несколько дней в подступающих к городу лесах и болотах, разгребая снег, ребята собирали сухой серовато-зеленый мох-ягель — корм оленям в их долгом пути в Ленинград.

Все тут было удивительно: и эти олени, и эта только что в невиданно короткие сроки рожденная дорога, по которой должен проследовать поезд с оленями.

«Кировская железная дорога выведена из строя, Карельский фронт отрезан от России. Считанные дни до падения Мурманска», — сообщали сводки гитлеровского командования.

И впрямь, Кировская железная дорога была перерезана. Последний поезд через станцию Мурманские ворота прошел 28 августа 1941 года. Но враг не знал тогда, что уже 1 сентября в Беломорск с востока прибыл первый поезд — вступила в строй новая железнодорожная линия Обозерская — Сорока, накрепко соединившая Карельский фронт и незамерзающий порт Мурманск со всей страной.

...Летом сорок первого года заместитель начальника Кировской железной дороги, депутат Верховного Совета Союза Вольдемар Матвеевич Виролайнен получил срочное задание — в самые жесткие сроки ввести в строй неоконченную линию Обозерская — Сорока. Что значила тогда для страны эта новая ветка, кому-кому, а Виролайне ну не надо было объяснять.

Не хватало рельсов, а время не ждет! И как вышедшие из окружения солдаты снова бросаются в бой, так на новое, только что насыпанное полотно ровным строем ложились рельсы Кировской дороги, снятые смельчаками под огнем с тех участков, что остались у врага.

Сколько мелочей, каждая из которых могла свести на нет огромный труд тысяч людей, пришлось предусмотреть! Сколько важных, не терпевших отлагательства решений принять на свой страх и риск. Но самое главное — дорога вошла в строй, работала и достраивалась одновременно. Две теплушки с оленями влились в поток грузов, хлынувших из Мурманска, — пятьсот вагонов в сутки...

В декабре сорок первого года Вольдемар Матвеевич добрался до Ленинграда, где у него оставались дочка и сын. Страдания родного города потрясли его. Как помочь?! И он стал настойчиво добиваться и добился назначения на Волховстрой — эту «форточку» в осажденный Ленинград.

Отсюда, со станции Волховстрой, в те дни, как по тоненьким капиллярам при перерезанных артериях, по ледовой «Дороге жизни» капельками просачивались в осажденный город живительные грузы, те самые «сто двадцать пять блокадных граммов, с огнем и кровью пополам».

19 800 фугасных бомб обрушила на станцию Волховстрой фашистская авиация. Сто двадцать семь километров железнодорожных путей было

разбито. Службы были загнаны под землю. И все же больше чем на два часа не прекращалась работа узла — движение поездов!

Январь сорок третьего года. Весть о том, что освобожден Шлиссельбург, пронеслась по стране. В сплошном кольце блокады приоткрылось «окошко» на Большую землю... Надо было распахнуть его настезь!

Станция Волховстрой все больше и больше напоминала плотину в дни паводка, около которой останавливался, накапливался, как вода в водохранилище, бесконечный поток поездов. Множество вагонов с продовольствием, боеприпасами, топливом для осажденного города, для войск Ленинградского фронта, для Балтийского флота. И этот напор нарастающего потока вагонов, всю его тяжесть повседневно ощущал начальник Волховского узла Вольдемар Виролайнен.

Но, только тонкой струйкой переливаясь через гребень плотины, продолжали свой путь драгоценные грузы: автоколонны шли через Ладожское озеро к городу Ленина.

Немедля протянуть от Волховстроя до Шлиссельбурга железную дорогу, подключить измученный Ленинград хоть одной ниткой ко всей сети железных дорог Союза. Перебросить мост с левого берега Невы на правый, чтобы через месяц-другой ладожский ледоход не вверг снова город в блокаду.

Что делать, если строящаяся дорога почти на всем протяжении простреливается неприятельской артиллерией?! Что делать, если новый разъезд Липки всего в пяти километрах от вражеских окопов?! Надо строить! И как только началась стройка соединительной ветки, паровозные бригады депо Волховстроя соревновались за право вести первый поезд в осажденный Ленинград. Виролайнен твердо решил: какая бы бригада ни победила, на этом паровозе будет работать и он.

Круглые сутки под огнем левый берег соревновался с правым — строили мост через Неву у разрушенного Шлиссельбурга.

...Морозным утром сразу после митинга со станции Волховстрой отправился в свой исторический рейс первый поезд с продовольствием в окруженный еще с других сторон Ленинград. Молодой машинист, победитель в соревновании, Иван Пироженко затормозил паровоз № ЗУ708-64 на разъезде Междуречье, увидев поджидавшего состав Виролайнена. Прежде чем взобраться на паровоз, Вольдемар Матвеевич убедился, что к тендеру прицеплена цистерна с водой. Не рассчитывая, что станционные водокачки смогут бесперебойно снабжать паровоз водой, он распорядился прицепить и запасную цистерну.

И тут началась «музыка». Срезанная снарядам, чуть ли не на самое полотно дороги свалилась вершина сосны.

По обе стороны пути стоял искореженный, со снесенными вершинами, с обрубленными ветвями, поредевший, прозрачный сосняк. Слово лес восклицательных знаков...

С треском разорвался около поезда снаряд, и пошла перещелкивать осколки, срывая кору со стволов. Просвистал третий снаряд, четвертый гулко шлепнул хлопущей.

Поезд вырвался из сосняка. Голая холмистая снеговина походила на щеки, изрытые черной оспой воронок. Почти до самых Липок вражеская

артиллерия не отпускала поезд, бегущий к Неве... Но ни один снаряд не попал ни в поезд, ни в рельсы.

Через несколько дней фашисты пристрелялись. Тридцатикилометровый перегон назвали «коридором смерти». Но первый поезд без особых приключений дошел до Липок, до разъезда Левобережный... Однако здесь пришлось остановиться. На перегоне грузился какой-то непредвиденный состав. Прошел час. Другой. И насколько паровозная бригада была спокойна под обстрелом, настолько люди нервничали сейчас. Ждали обстрела. Столбик ртуты приблизился к двадцати пяти.

Наконец Виrolайнен встал за регулятор. Вот и новый, только что наведенный мост через Неву. Мост, по которому, открывая дорогу другим, этот поезд должен пройти первым.

...Настыли подрагивали под тяжестью поезда. На свежих досках поблескивали крупные капли оледеневшей на морозе смолы. За спиной протяжно поскрипывали вагоны, словно сознавали всю ответственность своего сегодняшнего рейса. Семьсот тысяч килограммов сливочного масла должен доставить городу-герою первый поезд.

С высоты паровозной будки Виrolайнену открывались бескрайние торосистые льды Невы, ледовые просторы Ладожского озера. Впереди, на островке, с каждым оборотом колеса все приближаясь, вычерчивались на фоне белесого неба руины разбитой артиллерийским огнем старинной, построенной еще шведами крепости.

Десятиминутная остановка — и поезд, не набирая воды, ведь позади своя — хоть залейся! — полная цистерна, двинулся дальше...

Станцию Мельничный ручей Виrolайнен приветствовал прерывистыми гудками. Еще какой-нибудь час-другой — и поезд затормозит у платформы Финляндского вокзала. Но...

Километрах в двух перед станцией Ржевка оба инжектора отказали. Воды в тендере нет. Куда же она девалась?

Остановить поезд на перегоне? Нет, этого не позволяет Виrolайнену профессиональная гордость старого машиниста.

Ржевка.

Водомерное стекло показывает, что воды в котле меньше разрешенного минимума.

Бригада в тревоге.

— Иван Павлович, останови паровоздушный насос, выключи прогревы, надо прекратить всякий расход пара из котла, — приказывает Виrolайнен. — Проверь, есть ли вода в цистерне.

Помощник быстро возвращается: цистерна полна. И Виrolайнен вдруг понимает, в чем дело. Пока поезд на сильном морозе стоял на разъезде Левобережный, вода из цистерны почти не расходовалась, и рукав между тендером и цистерной прихватило морозом... Надо разогреть рукав!

Товарищи нервничают: успеют ли разогреть рукав до того, как вся вода уйдет из котла... Виrolайнену приходится то и дело подсказывать и держаться так, чтобы никто не заметил, что у него на душе кошки скребут.

А тут еще помощник испуганно докладывает:

— Воды в нижней гайке не видно! Сожжем топку... Разрешите потушить!

— Ни в коем случае... Я вел поезд, я и в ответе! — решительно говорит Виrolайнен.

И тут он видит, как от паровоза бежит кочегар и кричит во всю силу своих молодых легких:

— Вода пошла, Вольдемар Матвеевич, вода пошла!

И как только до сознания Виrolайнена доходит значение этих слов, туго натянутая струна рвется. Он падает без сознания. Стоящий рядом товарищ едва успевает на лету подхватить грузное тело.

...Когда поезд подходил к следующей станции Кушелевка, Виrolайнен был уже на ногах.

...В Ленинграде поезд принимали на первую платформу, ту самую, на которой в апреле семнадцатого года встречали вернувшегося в Питер Ленина.

Вместе с рабочими депо в тот апрельский вечер пришел сюда и ученик по ремонту автотормозов Вольдемар Виrolайнен. Ленин показался в дверях вокзала, и товарищи Вольдемара пропустили парня-силача вперед. И он первый подставил свое плечо, когда ликующие рабочие подхватили смущенного таким приемом Владимира Ильича на руки и понесли к броневнику.

И теперь он знал, что на площади перед вокзалом на бронзовом броневике бронзовый Ленин вместе с тысячами пришедших сюда ленинградцев ждет первый после прорыва блокады поезд с Большой земли!

И он был счастлив, что стоит у регулятора на паровозе этого поезда.

На платформе выстроился почетный воинский караул. Гул толпы и музыка оркестра перекрывал протяжный гудок паровоза. Густой, ликующий, он длился и длился, словно всю любовь к родному городу вкладывал в него Виrolайнен.

Он не знал, что голос этого паровоза, записанный тогда на магнитофонную пленку, станет одним из свидетельств великой борьбы и, передаваемый ленинградским радио в годовщину освобождения города Ленина от блокады, будет звучать на весь мир.

И снова минуло два десятилетия.

Новый год я встречал в Ленинграде в большой, дружной семье Вольдемара Матвеевича. Мы вспоминали своих друзей. Виrolайнен раскладывал передо мной старые фотографии.

Вот Хуго Ялава, знаменитый машинист паровоза № 293.

Вот бригада первого поезда, пришедшего в Хельсинки во главе с Яковом Рахья.

А вот около паровоза с широкой воронкой трубы четверо машинистов, которые отремонтировали его: Рикконен, Сикандр, Ханненен и молодой Вольдемар.

— Машинист Саволайнен сфотографировал нас перед тем, как я впервые выехал на паровозе № 293, — говорит Вольдемар Матвеевич и вспоминает, как в 1947 году он, тогда уже директор Кировской железной дороги, был в Хельсинки в составе нашей правительственной делегации на праздновании сорокалетия финского парламента.

Тогда-то он снова разыскал паровоз № 293, который в 1924 году был возвращен Финляндии. «Старик» был еще жив — он таскал под Тампере пригородные поезда.

В 1957 году правительство Финляндии подарило этот паровоз советскому народу.

Сейчас он стоит в городе Ленина у специальной платформы на Финляндском вокзале. Еще одна реликвия нашей революции.

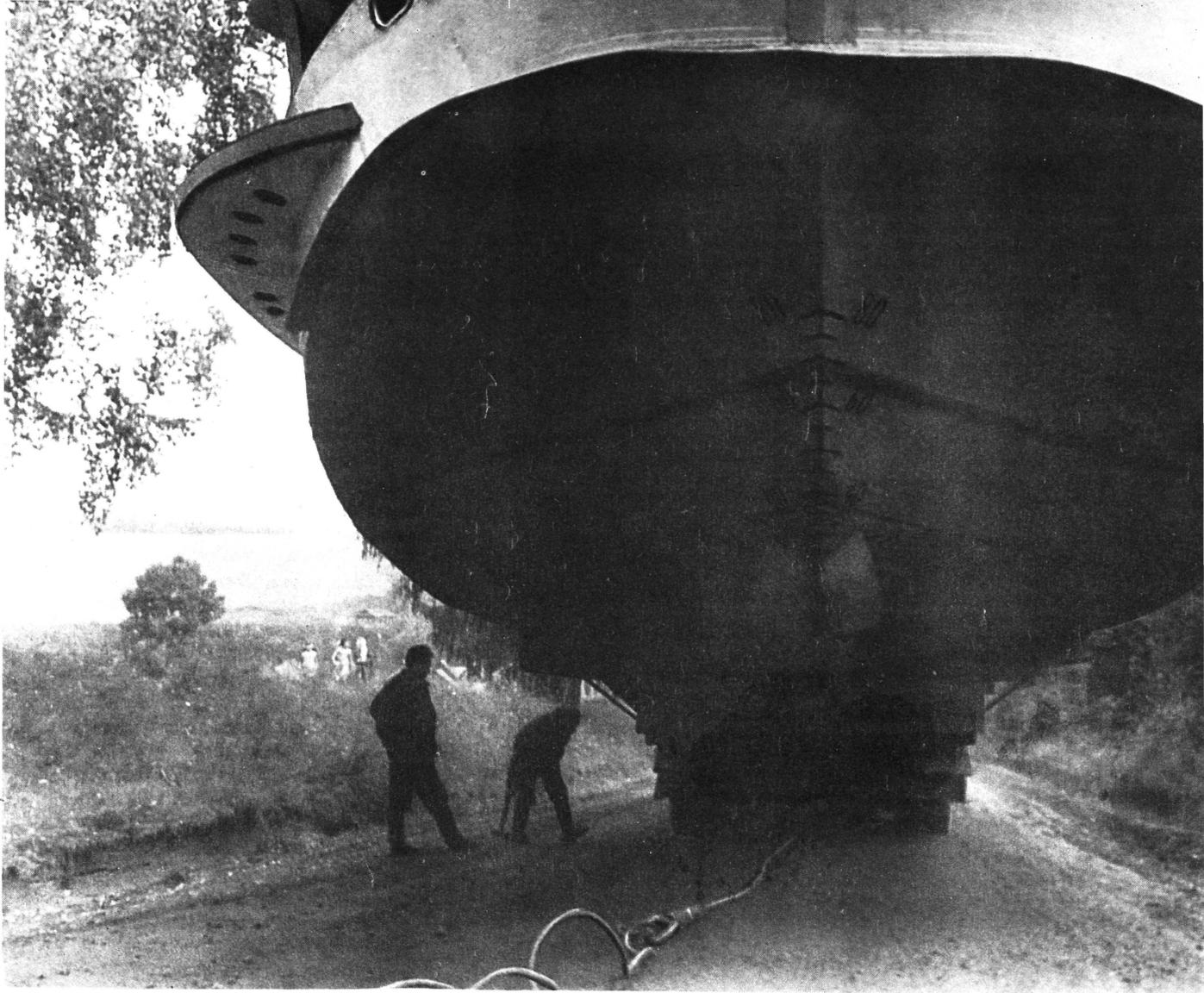

**ЗДЕСЬ
КАЖДЫЙ
КАМЕНЬ
ЛЕНИНА
ЗНАЕТ**

Москва. Кремль. Ленину. Телеграммы шли со всех фронтов гражданской войны, из всех уголков нашей страны. Война. Хлеб. Борьба с голодом. Топливо. Транспорт. Перестройка органов управления. Строительство школ. Первые коммунистические субботники. Первые стройки. Планы электрификации. Сотни больших и малых на острых кончиках вопросов находили разрешение в кремлевском кабинете Ленина. Отсюда шли ленинские распоряжения и советы, как отстаивать и развивать завоевания социалистической революции...

«...В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, — писал после встречи с Лениным английский писатель Герберт Уэллс, — я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как поднимается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава».

Фото В. КОНСТАНТИНОВА,
наш. спец. корр.

В. ОРЛОВ, наш спец. корр.
Фото автора

ПЕРЕСЕЧЬ УРАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ

Встречая 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, в преддверии XVI съезда ВЛКСМ советский молодой человек везде активно проявляет себя, отдавая делу строительства коммунизма все свои силы, способности и знания.

Об этом мы и рассказываем в очерках под новой рубрикой:

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ПОГОНЯ ЗА ЧЕТЫРЬМЯ «РАКЕТАМИ»

Я следил за подготовкой необычного перегона из Москвы. С Украины — с самого Черного моря «ракеты» шли своим ходом. Азовское море, Дон, Волга, Кама... До Перми летели на своих крыльях, а в Перми, на заводе «Памяти Дзержинского», с кораблей сняли крылья. Теперь до сибирских рек — до Оби и Иртыша — через горные хребты, путь почти в тысячу километров «ракета» предстояло преодолеть на колесах.

Уже началась осень: из-за нелетной погоды к началу перехода я опоздал. С этого все и началось.

В Перми я застал лишь сообщение газет о том, что пять дней назад караван выбрался из города. Наутро следующего дня я выехал на междугородном автобусе в погоню.

Пассажиры, входящие на остановках, ничего не знали про путешествующие посуху корабли, а шофер автобуса и вовсе меня озадачил. Оказалось, что в Перми ему вручили письма для автопоезда, и вот, который день таская их с собой, он не

знал, что теперь делать... Так где же «ракеты»?

На нашем пути появился небольшой местный аэродромчик, на котором гонял моторы всего лишь один АН-2, и я вылетел на перехват каравана, в Свердловск.

Но автопоезд в Свердловск не приходил.

На следующий день я начал обзванивать населенные пункты по трассе. Не мог же такой громадный караван бесследно исчезнуть! Наконец все выяснилось: Барачевский, возглавлявший операцию по перегону, ведет необычный караван проселками, про которые вряд ли кто знает, кроме него самого. Все время по шоссе он ехать не может — мешали бы туннели, мосты. А на проселке — дожди, осень — он мог и застрять...

Снова я ехал автобусом — теперь навстречу каравану, но сомнения, что мы опять с ним разведемся, терзали душу.

Подъемы, вот уже который час следовавшие непрерывной чередой, кончились. Видимо, горы выпускали нас. Автобус, покачиваясь, плавно катился в темноте куда-то все дальше вниз. Вдруг он резко встал, и

все увидели впереди выхваченные из мрака светом наших фар белоснежные корабли.

— «Ракета», — словно не веря своим глазам и призывая нас в свидетели, вслух прочитал надпись на борту водитель.

Да, это были они. Странное зрелище являли они здесь, в центре Уральских гор. Сверкая красно-зеленой иллюминацией топовых огней, «ракеты» будто парили над пустынной дорогой. Темнота скрывала формы трейлеров и кабины тягачей, и казалось, что это самч «летающие блюдца» недвижно и безмолвно застыли над землей.

С радостно бьющимся сердцем я пошел вдоль поезда. Все четыре «ракеты» были здесь. Обойдя весь поезд и никого не встретив, я поднялся по трапу, будто специально для меня оставленному, на одну из «ракет», где в капитанской рубке горел свет и звучала тихая и далекая музыка. Там, в темном и пустом пассажирском салоне, среди кресел и развешенного на веревочках мокрого белья, я встретился с усатым, заспанным капитаном и узнал от него, что Барачевский расположился в гостинице.

В гостинице был всего один общий номер, и, упав в темноте на свободную кровать, зная, что караван здесь, рядом, я заснул спокойно и крепко, как не спал все эти дни, разыскивая автопоезд с «ракетами».

ЛОЦМАН

Рассвет едва забрезжил, когда приятный тенор разбудил меня. Обращаясь к кому-то, он говорил:

— И пусть сразу же выходит... Сразу же! Никаких замен. У переправы будем стоять, там пусть и меняют колеса. А сейчас вперед и только вперед! Посмотри, опять дождь собирается...

Я открыл глаза. Говоривший сидел на кровати у окна. Он был атлетически сложен, с развитой мускулатурой и загорелой кожей. Какое-то изящество сквозило в тоне его речи, какая-то особая манера, которая отличает морских офицеров от прочих смертных.

— Нет, надо бросать это дело. Все, в последний раз! — говорил он снова, будто сам с собою.

Я увидел, что он смотрится в зеркало, поглаживая пальца-

ми щеки, заросшие двухдневной рыжей щетиной.

— Каждый день такого перегона прибавляет мне морщин и седины. Вернусь, наверное, и жена не узнает.

— Донат Матвевич Барачевский — вы? — спросил я, вставая.

Человек с интересом взглянул на меня. У него были хорошие, добродушные голубые глаза и светлые волосы.

— Да.

...В 1964 году он впервые доставил «ракеты» по горным дорогам к озеру Севан в Армении. А потом, как сам он говорил, «заболел Уральскими хребтами». Но, побывав первый раз на трассе, Барачевский убедился, что некоторые мосты на дорогах не выдержат подобной тяжести, а туннели не приспособлены для транспортировки, узки для речных судов. И пока он пробивал свои предложения, «ракеты» перевозились северными морями. Тяжелая ледовая обстановка иногда задерживала караваны в пути, терялся целый год. Успешное освоение сухопутной трассы сулило большие выгоды и, главное, открывало надежный способ доставки «ракет» в быстроразвивающиеся районы Сибири, где сказывалась нужда в быстроходном и комфортабельном транспорте как раз летом, в период распутицы, когда размокали небольшие местные аэродромы и автомобильные дороги. В конце концов, Барачевскому поручили переправить первый караван. Сейчас Барачевский перегонял второй, опять тратя на это собственный отпуск.

...Провожать «ракеты» выпало все село. Все были здесь — и старики, и молодежь, всюду прыгали ребятишки. Стоял праздничный шум. Хрипели встречные лошади, пятась и задыхаясь в сбруе. Нос впереди идущей «ракеты» раскачивался, на поворотах и ухабах он страшно кренился, и, казалось, еще мгновение — и корабль опрокинется вместе с тягачом.

— То-то и оно, — сказал сидящий рядом со мной в «Волге» Барачевский, искоса поглядывая на мое лицо. — Со стороны и глядеть жутко. А все очень надежно. — В основе конструкции, — продолжал он, — точный современный инженерный расчет. Обычные трейлеры пришлось пересчитать. Потом разре-

зать и варить заново персонально для каждой из «ракет»: у каждой из них вес разный.

Все очень надежно. Изначно и надежно, — после молчания повторил он.

Я почувствовал нотки гордости в его голосе, мне стало ясно, что и следующий свой отпуск он потратит на перегон «ракет» через Урал, а может быть, теперь уже через какой-нибудь другой хребет. И жене его придется привыкать к вновь появляющимся морщинам на его лице.

Не прошло и часа, как идущий впереди головной МАЗ с самой легкой «ракетой» встал. Подтягиваясь, остановился и весь автопоезд. Барачевскому преподнесли на память два кривых и ржавых гвоздя, выведших из строя пару колес трейлера. Перестановка их отняла часа полтора...

КАПИТАНЫ И ШОФЕРЫ

У Барачевского была своя карта. Книга в черном кожаном переплете, его собственноручно записанная лоция для Уральских гор. Ее он написал, путешествуя в этих местах, когда изыскивал возможность транспортировки кораблей. Изучая дорогу, он подолгу разговаривал с местными жителями и шоферами, и теперь его всюду встречали как старого знакомого. В Афанасьевском старики встретили нас на дороге и, окружив Барачевского, стали сетовать, что проехать через Бисерть в этом году будет трудно. Дожди прибавили воды, к тому же строители дороги брали вблизи переправы гальку, разрыли берег.

Но другого места для переправы не было. Ажурный деревянный мост, перекинувшийся через реку, был не для «ракет». И точно, едва въехав в речку, трейлер с «ракетой» намертво застрял. Вспомогательный МАЗ-500, который все называли «нянькой» и который помогал всем машинам взбираться на подъем, оказался бессильным.

Одного бульдозера оказалось недостаточно. Пригнали второй. Два бульдозера и «нянька» буксовали в реке, не в силах сдвинуть с места трейлер. Механики и капитаны то подкапывали гальку под колесами, то таскали откуда-то бревна, доски. Испробовав все варианты, охрипнув

от крика, люди все-таки нашли тот единственный и самый верный, и медленно, под нестройное «ура!» «ракета» переползла, касаясь килем воды, на другой берег. Две следующие — потяжелее — протащили с ходу, на том же дыхании, и лишь четвертая застряла. Это была пожарная, с двумя двигателями, самая тяжелая. Но удамой азарт борьбы, поселившийся в людях после первого успеха, от этого только разгорелся. Заглож один из бульдозеров, и вот уже кто-то тащит трос, раздвигаясь по пояс, ему помогает другой, сменяет третий — вода невероятно ледяная. Еще через час выдернули и эту «ракету». С ходу взяли еще одну — незначительную — переправу и застряли у шлагбаума через железнодорожный переезд.

— В прошлом году мы прошли эту речку с ходу. У меня записано, — говорит Барачевский. — А сейчас еще день потерян. И везде так. Дожди... Будто идешь каждый день по незнакомому месту.

День катился к вечеру, собирались было и заночевать в Афанасьевском. Но как только сняли мешающие автопоезду провода, шофер головной машины Виктор Кирш, словно изголодавшись по дороге и езде, рванулся вперед и не остановился после переезда. Другие двинулись за ним, сначала недоумевая и ожидая, что он вот-вот встанет, а потом и забыли про это. Начались подъемы, спуски. И снова подъемы, и опять спуски. Геннадий Шехерев едва успевал на своей «няньке» втащить на гору последнюю «ракету», как уже надо было мчаться вперед, помогать спускаться первой. У него да у капитанов сейчас была самая работа. Те шли пешком рядом с колесами трейлера, готовые в любую минуту, в любой момент подложить под колеса «чурбак — шпалу». При реконструкции трейлеров задние колеса остались без тормозов, и «чурбак» был единственной возможностью заставить затормозить вышедший из повиновения трейлер. Однажды у Суксуна уже было так — трейлер свернуло гармошкой, прижав кабину к обочине.

Спустилась ночь, а машины все шли и шли вперед. Поставив перед следующим подъемом, не найдя вдали огоньков «няньки», Кирш решил попробовать один

одолеть подъем. С полпути «ракета» потащила машину назад, заставляя ее перескакивать через шпалы, которые в отчаянии бросал под колеса капитан. Кирш сумел вывернуть руль и успел прижать трейлер к борке. Но, одолев этот подъем и спустившись, все встали.

В темноте у обочины начался суровый шоферский разбор. Барачевский молчал. Кирш, много лет проработавший с трейлерами, смог сказать единственное: если бы у трейлера были тормоза, он бы сам без труда взял этот подъем.

— Непривычно, — оправдывался он.

— И вечно ты, Кирш, гонишь, как на тот свет, — сказал Геннадий. — Вот и сейчас за тобой все погнались вместо того, чтобы поужинать в Афанасьевском. А теперь ночью голодный.

И тут все сразу вспомнили, что с утра ничего не ели. Капитаны совсем замолчали и полезли по своим «ракетам». Вдруг один из капитанов крикнул:

— Братцы, а ведь у меня в салоне курица сидит. Ей-богу! — Тьфу, — сказал Коля Ленский. — Да ведь это, кажется, тот парень, которого я вчера на корабль водил. Утром он притащил ее: возьми, у нас еще шесть есть... Придется завтра назад отвезти, а то мать ему уши надерет.

— Отвезем, — сказал Геннадий. — Если и надерет, ничего с ним не станет.

И мне показалось, что он в темноте улыбается. Я вспомнил, как он по дороге признался мне, что «озорным был мальчишкой в свое время и всего семь классов сумел кончить, вот ведь дурак был».

...Я распрощался с автопоездом в селе Кленовском. Барачевский говорил, что теперь им осталось немного: два объезда через железнодорожные пути, а от Свердловска до Тюмени дорога и вообще легкая, два дня ходу.

Ночью прошел дождь, дорога стала скользкой, ждали трактор, чтобы одолеть подъем. Меньли колеса.

Туман рассеивался, солнце пыталось пробиться сквозь свинцовые облака. Автопоезд стоял словно на дне чаши. Со всех сторон поднимались желто-зеленые осенние леса. Дорога напоминала серебряный обруч, другая половина которого исчезала где-то в облаках.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

АЛМАЗНЫЕ СТРАННИКИ КОСМОСА

В 1888 году русские ученые М. В. Ерофеев и П. А. Лачинов, исследуя метеорит Новый Урей, сделали сенсационное открытие: в метеорите были обнаружены зерна... алмаза. С тех пор другим исследователям удалось обнаружить еще в трех каменных метеоритах алмазные следы. Но каким образом образуются алмазы в «небесных странниках»? На этот вопрос ответа не было.

Несколько лет назад в Западной Австралии охотники нашли обломки нескольких каменных метеоритов. Австралийские исследователи передали образец одного из метеоритов в Москву, в Институт геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского. И советский исследователь Г. П. Вдовкин обнаружил в этом куске зерна алмазов, которые ничем не отличались от «земных». А дальнейшие исследования позволили выдвинуть гипотезу, объясняющую происхождение метеоритных алмазов. Как показал анализ, алмазы образовались в результате соударений метеорита с небольшими астероидными телами в космическом пространстве.

ЕЩЕ ОДНА КОМЕТА

Сотрудники обсерватории кафедры астрономии Киевского государственного университета вели на Каменском плато Зайлиньского Алатау наблюдения за кометой Кома-Солоа в созвездии Блинецов. И однажды, просматривая фотопластины звездного неба, исследователи увидели рядом с «преследуемой» фотообъективом Кома-Солой еще одну, неизвестную до сих пор науке комету. Сообщения о новой комете с ее координатами были переданы крупнейшим обсерваториям и научным центрам мира. Сейчас многие обсерватории ведут наблюдения за вновь открытой кометой, которая названа именами открывших ее астрономов — «Чурюмов, Герасименко, 1969 Н».

Как подчеркивали участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, во многих странах Латинской Америки «...еще сохранились феодальные пережитки и имеется масса безземельных крестьян».

В этом отношении Эквадор — весьма показательная страна.

В Эквадоре живет 6 миллионов человек, из них половина — индейцы: кечуа, аймара и другие.

В Эквадоре сейчас половина всей земли (а сельское хозяйство — основа экономики страны) принадлежит кучке латифундистов.

Эквадор — одна из самых бедных стран континента. Даже по официальным данным средний годовой доход на душу населения составляет лишь 160 долларов, но для индейских семей он еще ниже — всего 70 долларов. Лишь 5 процентов населения (по тем же данным) питается нормально. Из каждой тысячи детей 115 рождаются мертвыми, а 487 умирают в младенческом возрасте. Почти четвертая часть трудоспособного населения — безработные, больше половины взрослых неграмотны.

Почти триста лет длилось в Эквадоре испанское владычество.

Теперь на смену испанским конкистадорам пришли американские империалисты. «Зеленое золото» страны — бананы, по экспорту которых Эквадор занимает первое место в мире, — они «перечеканивают» в американские доллары. «Демократические» правители Эквадора, сменяющиеся с калейдоскопической быстротой (за довольно короткий промежуток времени они успели «подарить» народу 27 конституций), с готовностью помогают американским монополиям грабить страну.

Чтобы понять сегодняшний Эквадор, не обойтись без знания тонкостей местного языка. Слово

ФАУСТО АНДРАДЕ

НАД НАМИ КОТОПАКСИ

Арендаторы помещика Эриберто Кадены обратились в суд с жалобой:

— Двенадцать лет гомонал¹ не считает райя, — показывали они судье райя — палочки с зарубками, отмечавшими дни, отработанные на асьенде.

Но всегда заодно судья и помещик — асьендадо. Не желая разобратся в индейской грамоте, крестьян выпроводили вон, заявив, что суду нужны документы, а не эта дикарская бухгалтерия.

— Будь асьенда моя, посчитал бы я им райя кнутом по спине, — шепнул судья секретарю.

— Ваш покойный батюшка (корми, господь, его рожами!) за полцены отдал прекрасное поместье, когда кредиторы ему, как говорится, приставили крест ко рту.

¹ Гомонал (испан.) — пренебрежительное наименование помещика. — Прим. ред.

— Да, обездолил дон Октавио наследников.

— Сейчас бы самое время вернуть отцовское наследство. Кадена продаст землю вместе с индейцами. Торговаться не станет: он столько лет не платил им за работу, что теперь ему выгоднее избавиться от наглых безбожников, чем расчитываться с ними.

— А новый хозяин, разумеется, не обязан платить им долги своего предшественника, — сказал судья, и в тоне его прозвучали железные нотки хозяина.

Помешать совершиться бесчестной сделке между судьей и асьендадо можно было, лишь доставив в Кито петицию, подписанную индейцами имения Кадены. Но бумага должна была быть там прежде, чем они оформят купчую, поэтому мы спешили покинуть деревню, чтоб уже к утру попасть на Пан-американское шоссе. Но приближалась гроза, и индеец Хесус, деревенский староста, посоветовал нам переждать ее. Он показал заброшенную хижину,

«индеец» и слово «крестьянин» значат здесь примерно одно и то же, но слово «индеец» более емкое, ибо оно означает не только «крестьянин», но крестьянин непременно нищий, безземельный, бесправный, в полном смысле слова крепостной.

Или вот другое слово — «уасипунго». В испанский оно вошло из языка кечуа. Его трудно перевести, лучше объяснить. Вообще-то, «уасипунго» значит небольшой земельный участок. Хозяин дает его индейцу, а тот за это пять дней в неделю работает на его поле или пасет его овец. Но в понятие «уасипунго» входит

не только это. Каждый уасипунгеро (то есть тот, кому сдают уасипунго) обязан месяц в году отслужить в хозяйском доме, при этом хозяин его даже не кормит.

«Уже в момент зарождения нашей партии мы поднимали знамя борьбы за освобождение широких масс нашей родины, в первую очередь индейцев, которые являются париями на своей собственной земле», — говорится в манифесте Коммунистической партии Эквадора «Сорок лет борьбы за родину и народ». Эта борьба широко развернулась в наши дни. Первоочередной задачей коммунистическая партия считает

проведение аграрной реформы. К активной борьбе за нее нужно подготовить массы индейцев-крестьян.

Партия посылает в индейские деревни агитаторов. Их задача нелегкая: нужно преодолеть вековое недоверие крестьян к горожанам, нужно объяснить забитым, опутанным суевериями, привыкшим повиноваться католической церкви людям цели и задачи борьбы. Нужно помочь им почувствовать себя людьми.

Об этой трудной работе и рассказывает молодой эквадорский коммунист Фаусто Андраде.

Профессор С. ГОНИОНСКИЙ

где можно безопасно провести ночь, и дал телячью шкуру:

— Возьмите, подстелете или укроетесь, если холодно будет в чосе¹.

Мы поблагодарили.

Тучи навалились на гребни гор. Вдалеке рокотал гром. Чоса прилепилась над обрывом. К ней вела узкая тропинка. Ветры расстрепали гнилую солому на крыше, дожди проникали внутрь, и на земляном полу не просыхали лужи. Здесь хранили картошку. Пахло прелью, сновали мыши, оставляя за собой дорожки «горного риса». После захода солнца густая чернота тропической ночи окутала горы. Хотя, вероятно, было не более семи часов, внизу в чосах гасли огоньки очагов, нарабатывшиеся за день индейцы укладывались, что называется, «с курами». Исауро, мой спутник, привык ложиться по-индейски рано: принес охапку соломы, расстелил шкуру, укрылся своим пончо и через минуту крепко спал. Еще несколько лет назад этот белолицый парень с зелеными глазами жил в аристократическом квартале Кито. Потом порвал с родными, вступил в партию, был направлен работать среди крестьян и, смотри-ка, настоящим индейцем стал!

Мне же городская привычка засыпать за полночь не давала сомкнуть глаз, я не знал, как убить время. Хесус дал нам светильник, но читать при его свете невозможно: мошенник шофер бессовестно надул индейца, подсунув какую-то гадость вместо бензина. Пламя едва теплилось, а сажа летела хлопьями.

Погромыживало. Далеко на асьенде заржала лошадь, взвыла собака — и опять молчанье; тишину, непостижимую для уха, привыкшего к городскому шуму, нарушал лишь отдаленный рев вулкана Котопакси.

Исауро сладко причмокивал губами во сне. Мне всегда казалось нелепым, что человек чуть ли не половину жизни должен спать, когда и без того не хватает времени для выполнения наших намерений. Я подтолкнул Исауро в бок:

— Камарада, правда ли, что о тебе Хесус рассказывает?

— Что? — просыпаясь, переспросил он меня.

— Говорит, ты едва в тюрьму не попал.

— Хесус сказал — значит правда, — он отвернулся, не желая разговаривать.

— Где ж твоя хваленая осторожность? — не давал я ему уснуть.

— Чего ты пристал? — взорвался Исауро. — Осторожность! Вечно осторожность! Будто только она и нужна нам! — бушевал он.

«Теперь не уснет», — подумал я и подлил масла в огонь:

— Ты ведь не сам по себе, ты ведь член Коммунистической молодежи.

Исауро молча встал. По тому, как он со злостью быстрым движением накинул пончо, я понял, что задел его за живое, и был доволен. Сон удалось стряхнуть. Я приготовился выслушать парочку горьких истин и был удивлен, когда он спокойно начал рассказывать:

Рисунки В. КОЛТУНОВА

¹ Чоса (кечуа) — хижина. — Прим. ред.

— Понимаешь, я хотел проверить, имеет ли связь сборище на асьенде «Грасиа де Диос» с тем, что я узнал от Пачо.

— Пачо, который там? — ткнул я пальцем вверх. Исауро рассмеялся:

— Там бо́г, а Пачо чуть пониже, у Больших Камней. Он за неделю перед тем был в Латакунге. Носил картошку на базар, да что-то неудачно: всего 20 сукре за мешок выручил, а провозился до вечера, и пришлось ему заночевать, как обычно ночуют индейцы, на мостовой у рыночной площади. Жаловался, что не мог уснуть. Привык к тишине, а тут какие-то парни во всю глотку песни горланят, машины едут одна за другой. Намучился он и встал посмотреть: куда это они едут? И, говорит, увидел на горе огненные знаки. Допытывался я, какие знаки. Может, это буквы?

«Да, да, — говорит, — знаки».

Пытался индеец их нарисовать, но у него получилось что-то похожее на чосу.

«Сколько? Какие?»

Руками показывает.

«Большие. С зайца будут».

«Как же с зайца? Вы ведь издали смотрели?»

Зря я прервал его. Пачо совсем растерялся. По-нял я только, что он видел четыре знака, на расстоянии локтя один от другого.

— Ну, знаешь, Исауро, до огненных знаков могли молодчики из АРНЭ¹ додуматься. Знают, чем суеверных индейцев запугать.

— Вот именно. Так оно и было. Сборище фалангистов, а через неделю эта странно тихая фиеста на «Грасиа де Диос». Гомоналы собрались под предлогом именин сеньоры Авелы, матери этого болвана дона Галито. Было очень подозрительно, что на праздник пригласили самый узкий круг лиц, когда ежегодно в день ее именин — шумиха на всю страну: глухая старушка — одна из самых богатых дам Эквадора.

Как ты думаешь, кого я увидел среди гостей на асьенде? Того немца, который, помнишь, скрылся из Риоабмбы.

— Гилер?

— Гилер или Хилер, черт его разберет. Там был еще местный священник, потом мистер Перкер и другие, кого мне раньше видеть не приходилось, но губернатор дон Эмилио Конде ходил за ними как пришитый.

— Бесплатная пирушка никогда еще ему здоровья не портит.

— Индейцев на этот праздник не приглашали, но праздника без родео, а родео без пастухов не бывает, и многие пришли. Для такого случая все приоделись. Даже те, что грузили скот с машины в загон, даже те, что убирали двор и выгоняли бычков на арену. Они почистили свои войлочные шляпы, обвязали их полоской телячьей кожи, надели чистые рубахи, пончо доярче. Большинство, как и полагается индейцу, босиком, а на некоторых что-то вроде сандалий из старых автопокрышек. Ну, а некоторые были в настоящих альпаргатах, плетенных из камыша и раскрашенных, как картинка. Ты же знаешь наших индос! Они не знают дени, делают и деревянные сохи, и домашнюю утварь, и материю для одежды, и знаменитые пончо, и лекарство от печали.

— Ты увлекся, Исауро. Что это за «лекарство от печали»? Чича, что ли? Да и есть ли у них время

печалиться? — выразил я сомнение. — Пять дней в неделю за клочок земли на помещика спину гнут, а в остальные дни так усердно на своем поле работают, что им не до печали.

— А ты влезь в их шкуру да поживи как они, — отрезал Исауро. — Попробуй хотя бы натянуть штанины овчинные, вот тогда и почувствуешь индейскую печаль. Жуткую. До костей пронизывающую. Я вовсе не шучу, — горько усмехнулся он, — ведь даже эти штанины не принадлежат тем, кто их надевает. Чаще всего они хозяйские. Патрон дает их пастуху на время, да и то не каждому, а самым лихим ходокам.

Всю жизнь пастух пасет чужой скот в горах. Бесконечные туманные дни один на один с холодным ветром гор. Еда — окаменелые от холода вареные зерна маиса, и единственное утешение — длинная, как месяц одиночества, батута. На конце у этой трубы, ты знаешь, бычий рог, и, когда она ревет, собирая стадо, мне кажется, что душа пастуха рвется вон.

— Не в том зло, что пастух одинок... — начал я. Но Исауро не был склонен выяснять причины зла на земле и довольно сухо прервал меня:

— Вернемся к родео. Противно было смотреть на сынка дона Галито, — продолжал Исауро, — Пепе вырядился, как тореадор: шляпа, штаны в обтяжку, сапожки из лучшего шевро...

— Ну и пусть бы тешился. Зачем тебе в этом участвовать? Азарт, разъяренный бык, кровь...

— Какая кровь? Это же деревенская коррида! Не Мадрид и не Пласа де Торос! Хозяин по скупости не допустит, чтоб быка закололи вот так, за здорово живешь! Но зато деревенское состязание интереснее тем, что каждый может принять участие.

Для начала на арену выпускали таких флегматиков, хоть за хвост тяни, и Пепе успешно изображал из себя матадора, зад выпучивал, а сеньориты улыбались ему и аплодировали.

Потом выскочил из загона черный бычок с подпалинами и, не раздумывая, бросился напрямик на доморощенного матадора. Бедный Пепе, вместо того чтобы укрыться за загородкой, кинул свой желто-розовый плащ, перемахнул через колючую проволоку, ограждавшую арену, да зацепился и порвал штаны.

Плащ намотался бычку на рога и злил его. Он тряс головой, рвал тряпку в клочья, наступив копытом. Глаза у него стали бешеные, налились кровью, никому из господ не хотелось с ним связываться.

Я держался среди пастухов. Меня от них не отличить: обветренное лицо, кнут, вонючее пончо, поверх брюк для тепла надеты штанины, вывернутые мехом наружу.

Бык не казался мне страшным, и не с таким еще управляемся в загоне, но лезть гостям на глаза не хотелось. А бык такой свирепый был, воинственный, молодой, сильный! Уж драться так драться!

Словом, я не выдержал и выскочил на арену. Бычок пулей помчался на меня. Я чуть отклонился в сторону, и он проскочил мимо.

— Наверное, это была его первая коррида в жизни?

— Ну да. Его надо было подбадривать: эхó, торито, эхé! Когда мне удалось подхватить плащ и его розовая сторона замелькала перед мордой быка, он стремительно бросился на нее, но я легонько отводил плащ в сторону на вытянутую руку, и бык останавливался, не зная, что делать, опять бросался, пока не измучился. Спина у него взмокла, бока

¹ АРНЭ (Аксьон революсионариа насьонал Эквадориа-на) — фашистская организация в Эквадоре. — *Прим. ред.*

раздувались, как мехи кузнечные. Уходя с арены, я заметил, что дон Галито наблюдает за мной, пристально разглядывая мои рыжие брови.

«С какой ты асьенды?» — спросил он меня на кечуа. Я назвал ближайшую, хозяина которой не было среди гостей.

«Алло! Сеньор Хилер! — позвал дон Галито. — Полюбуйтесь. Это альбинос. Не правда ли, редкий экземпляр для индейца?»

«Таких у нас называют «Кохидо дель сол» — «Пойманный солнцем» значит, — вмешался в разговор управляющий, — видите, шурится, очень плохо видит, а некоторые и вовсе слепые бывают».

Сеньор Хилер с видом знатока заложил руки за спину, скомандовал:

«Индио, открыты рот! — и надавил на мою челюсть желтыми от никотина толстыми пальцами. — Это есть настоящий скот, — решительно заключил он, а взглянув на мой перебитый нос (я его, как ты знаешь, еще в Кито повредил, когда занимался боксом), добавил: — Это нос не есть арийский!»

«Редкий экземпляр» мог бы удалиться, если бы не священник:

«Что он индеец, это и по черным пяткам видно, вон они у него, словно копыта, все в трещинах. А вот откуда он взялся? Может, он вор или похуже птица? Отправьте-ка его в Латакунгу, дон Галито, пусть полиция разберется, кто он и откуда».

Дело мое было плохо. Священник здесь всех в руках держит.

«Эй, лонго! ¹ — крикнул мне Галито и кинул в кузов ремни, какими тянут бычков при погрузке. — Поедешь с ними. Шевелись!»

Я — пастух, индио, мне нельзя слушаться. В грузовик загнали трех бычков, дон Галито закрыл заднюю стенку кузова и запер ее. Я остался с бычками.

«Погоди, патрон, мне на асьенду надо вернуться». «Успеешь. До пастбища близко, а ты ишь какой ловкий, живо обернешься».

Все это он говорил мне на кечуа, а шоферу сказал по-испански:

«Сдашь его начальнику полиции в Латакунге. — И, видя, что тот с опаской на меня поглядывает, подтолкнул его в кабину: — Вези, чолито ², он ничего не подозревает!»

Хлопнула дверца. Грузовик развернулся и выехал с асьенды. Бык загородил меня от встречного ветра. Я прижался к его теплему боку. Хвост, гонящий мух, то и дело стегал меня по плечу.

— Ну, а в Латакунге? — спросил я Исауро.

Он только презрительно фыркнул:

— Так я и стал ждать, пока меня сдадут с рук на руки! Чуть отъехали, я перебрался через высокий борт и, пока машина пыхтела на подъеме, вывалился на обочину. Ногу разбил, — закончил Исауро и показал глубокий синеватый шрам. — Запомню толстомордого священника.

— Но ведь и он тебя, камарада, запомнил теперь?

Исауро не ответил.

Внезапно над самой головой оглушительно ударил гром. Показалось, что рухнул Котопакси, раскололись и посыпались в пропасть скалы. Ливень ринулся на землю, и мир захлебнулся в неистовом хаосе.

Исауро вскопчил, тревожно насторожился.

— Манунго бежит, — бросился он к двери.

Я напрягал слух, но все звуки тонули в грохоте грома. Эхо повторяло раскаты, и оттого треск стоял непрерывный.

«Конечно, ошибся. — подумал я, — никто в грозу не выйдет из чосы».

Однако скоро и я различил легкий бег босых ног возле самой двери.

Исауро дернул ее в сторону. Ослепительная молния, расколовшая мрак, осветила худенькую фигурку мальчика-индейца. С полосатого пончо ручьями стекала вода. Длинные волосы липли к щекам. Выжимая шляпу, он торопливо заговорил на кечуа, обращаясь к Исауро. Наверное, надо было сообщить что-то очень важное, иначе он не появился бы.

— Говорит, видел патрона. Хозяин Кадена и еще трое чужих идут к чосе Хесуса. Манунго их видел случайно: ходил искать теленка.

— Думаешь, уже кто-то донес?

— В такую ночь неспроста гуляют уайрапомучкас ¹. Хесус задержит их, но, пока змея не вползла, птичка должна выпорхнуть.

Исауро достал из сумки пачку газет, дал мальчику.

— Я вернусь, компаньерито, а вы передайте нашу газету Хесусу, он почитает и расскажет вам.

Мальчик спрятал «Эль Пуэбло» под пончо, выскользнул из чосы, но тотчас возвратился. Объяснил скорее жестами, чем словами:

— Те трое не с пустыми руками. Манунго пове-дет компаньерос к Большим Камням.

— Нет, нет, не надо.

— Скажи ему, Исауро, пусть уходит и не задерживается здесь. Его изобьют, если увидят с нами.

Я протянул, прощаясь, мальчику руку. Он не знал, что ему делать с моей протянутой рукой, и, пошарив по карманам, сунул мне кусок обсосанной распадур ².

Исауро, пряча улыбку, сказал с издевочкой:

— Получил? Благодарю за лакомство. Он его неделю грыз, и тебе надолго хватит.

Мальчик, не понимая, о чем мы говорим, опять начал объяснять что-то. Настаивал на своем. Возражал, когда с ним не соглашался Исауро. Глаза его сверкали: его маленьким считают, а он много раз ходил к Большим Камням, знает, как уцепиться на той тропке, чтобы не сбросил ветер. Надо прижиматься к стене. И он показывал, какая тропка узкая и как он идет по самому краю обрыва.

— Руми, чакинян, — повторил он мне, ища поддержки.

— Говорит, без него не пройти, тропа в один след.

— Чакинян, чакинян, — подтвердил мальчик озабоченно.

— Я помню, как идти, — сказал Исауро, — иди, Манунгито, иди. Не поймали бы тебя с газетами.

Собираясь покинуть чосу, мы решили затолкать телячью шкуру под крышу, чтоб не попала на глаза, если явится сюда Кадена. Не без труда свернули ее в тугой рулон.

— Ты еще мало знаешь о том, что здесь творится, — говорил Исауро, затягивая наспех шкуру жгутом. — В прошлом году Родольфо возвращался из Латакунги, и бандиты, подкупленные Каденой,

¹ Уайрапомучкас (кечуа) — злые духи; здесь — в переносном смысле. — Прим. ред.

² Распадур — дешевое лакомство из сока сахарного тростника; распадур очень популярна у индийских детей, она обладает крепостью камня, а потому сосать ее можно неделями. — Прим. авт.

¹ Лонго (испан.) — высокомерное обращение к индейцу. — Прим. ред.

² Чолито (чоло) — метис, здесь — горожанин. — Прим. ред.

пустили ему пулю в спину. Утром выступил на собрании рабочих профсоюзов, просил, чтобы поддержали требования пастухов, а вечером его ухлопали.

— Как это могло быть? Кондоры, что ли, на крыльях слухи носят?

— При чем тут кондоры? Другая птица соучастница всех мерзостей — черный ворон Ватикана. Тошнэ мне! Тошно! Кружат над живым, как над падалью! — с неожиданной болью прорвалось у него. Какое-то смутное предчувствие беды сжало мне сердце. Что я знаю о его жизни здесь? Что довелось перенести ему с тех пор, как он бросил колледж и ушел работать в горы?

Но Исауро уже овладел собой, только недобро сверкнули зеленые глаза под тонким изломом бровей да темный румянец проступил на щеках.

«Нет, — подумал я, — такому не нужна и тень сочувствия. Он знает свое место в жизни и не свернет с дороги, даже если ему не суждено дойти до конца».

— Помоги-ка мне. Посвети. — Исауро толкал шкуру под жерди, державшие крышу. Шкура застряла. Не шла. Что-то там мешало ей. Я приподнял светильник, но ничего нельзя было разглядеть; крышка на банке с бензином съехала в сторону, фитиль чуть торчал из нее, пламя металось, гоняя изломанные тени.

— Надо бы поправить крышку...

И тут проклятая шкура распрямилась, как пружина, и неуклюже бахнула, зацепив коптилку. Исауро подхватил банку. Бензин плеснулся ему на руки. Вспыхнул. Исауро инстинктивно отдернул лицо, пламя охватило его руки. Бросился на картошку, сваленную в кучу, нагребал грязные клубни на руки, сбивая пламя. Загорелась солома. Я бросил на нее шкуру и топтал огонь ногами. Яркий свет привлек внимание. К чосе бежали. На тропе слышался тяжелый топот городских сапог. Стук копыт доносился с асьенды. Мы бросились в спасительную тьму, под ливень. Вслед захлопали выстрелы. Гулко раскатилось эхо.

Скользили. Падали. Карбакались по крутизне, боясь потерять друг друга в темноте.

— К тайта¹ Пачо они не полезут! — крикнул мне Исауро. — Туда и днем-то опасно.

Он был уже на верхней площадке и протянул мне руку:

— Держи!

Как мог я тронуть эту сплошную рану в лохмотьях кожи? Невольно медлил.

— Каррахо! — взревел он. — О чем ты думаешь? Держи, говорю! — подхватил и сильно потянул меня к себе.

Беспорядочная стрельба наугад и топот преследователей остались далеко.

— Им бы хозяйскую чичу пить, а не за коммунистами гоняться, — сквозь зубы процедил Исауро.

От верхней площадки идти было легче, но мешал резкий ветер, и дождь промочил нас до нитки. У Больших Камней разыскали чосу тайты Пачо. Пачо отодвинул щелястую дверь, связанную из легкого тростника, и впустил нас. Раздул огонь в очаге. Поставил на него котел с водой и присел рядом на корточки. Дым тонкой струйкой вытягивался в дыру, проделанную в стене. Как и в других хижинах, никакого освещения здесь не полагалось.

Я снял с Исауро пончо и обгорелую рубашку. Огромные волдыри покрывали его руки до локтей и ободранные кисти, сочившиеся сукровицей.

¹ Тайта (кечу) — папаша. — Прим. ред.

— Останешься, пока заживут руки. У меня есть трава от ожога, — сказал Пачо и положил пучок сухих стеблей на камень, где размалывают зерна. Я принялся старательно толочь их в порошок.

— А цел ли плиего? — снова на кечу обратился Пачо к Исауро.

— Вот у кого кондоры на службе, — улыбнулся Исауро, переводя мне его вопрос, — кто ж, как не кондор, принес слух о петиции в такую высь? — Цела бумага, тайта, — успокоил он старика.

Беленькие пушистые кунситос — морские свинки — без всякого страха таскали солому из-под наших ног, доверчиво поблескивая рубиновыми глазками. Пачо придавил одну, зазевавшуюся у норки, темневшей в углу чосы. Потом он опустил кунсито в кипяток, счистил ногтями шерсть, распотрошил тушку, соскоблил сало с кишок, смазал им руки Исауро и присыпал их порошком из травы.

Тушку бросил в котел, туда же пошла горсть толченых ячменных зерен. Бедный крестьянин убивает морских свинок только в исключительных случаях, хоть вроде бы и полно их в хижине. Выгоднее продать их на базаре. Ими же платят священнику за крестины или за похороны; их приносят в глиняных горшках на могилы близких, как делали в древности инки. Жареные морские свинки очень нежное лакомство, но бедняку оно не по карману.

— Я приготовлю вам суп, компаньерос, — сказал Пачо и опустил в котел мешок, что висел над очагом на веревке, свитой из волокон агавы. Немного поварил и подтянул на прежнее место. В мешке хранились кости, их можно варить много раз, пока не купишь новые.

Подавая глиняную миску и самодельную ложку, Пачо сказал, что мог бы тоже подписать плиего, ведь и он ни гроша не получил за работу на Кадену. Хорошо поплевав на большой палец и тщательно обтерев его о штаны, он мазнул им по кот-

лу, где булькала похлебка, и приложил отпечаток к бумаге рядом с такими же подписями других уасипунгерос.

— Теперь нам дадут землю?

Исауро утвердительно кивнул.

— Сначала долг получи, тайта, потом возьмем и землю.

К рассвету буря стихла. Угольки в очаге подернулись пеплом. Исауро дремал, держа руки на весу, и часто вздрагивал во сне. Пачо показал мне поле, устроенное им позади хижины.

«Смывает ливень землю, придется старику снова носить», — подумал я, заметив огромный мешок у него за спиной. Простившись, он ушел по тропе, по какой мы вчера карабкались к нему.

Все от земли. Все начинается в земле и в нее возвращается. Пачо носил землю на свое поле снизу из долины. Мешок горбом торчал за его спиной. Нелегкий труд. Но и это мученическое поле может отобрать хозяин, если оно ему понадобится.

Исауро проводил меня до Панамериканы. Петиция лежала у меня в кармане.

Друг мой повеселел и насвистывал, как скворец на заре; может, эта похлебка оказалась целебнее всех лекарств.

— Ничего у меня не болит, — уверял он и все подставлял ветру пальцы.

Сияло солнце в синеве, и невесомо возносились над таявшими облаками белая шапка могучего Котопакси.

Ящерица скользнула на дорогу, подняла головку, качнулась, как цветок на гибком стебле, и вмиг исчезла за сочным листом агавы.

Меня подобрала попутная машина. Она везла в Кито ананасы с побережья. Дорога пошла круто вверх. Я оглянулся, надеясь еще раз увидеть Исауро, но горы сомкнулись и скрыли его алое пончо и поднятые к солнцу руки.

Н. САФИЕВ,
наш спец. корр.

КВАДРАТ В ОКЕАНЕ

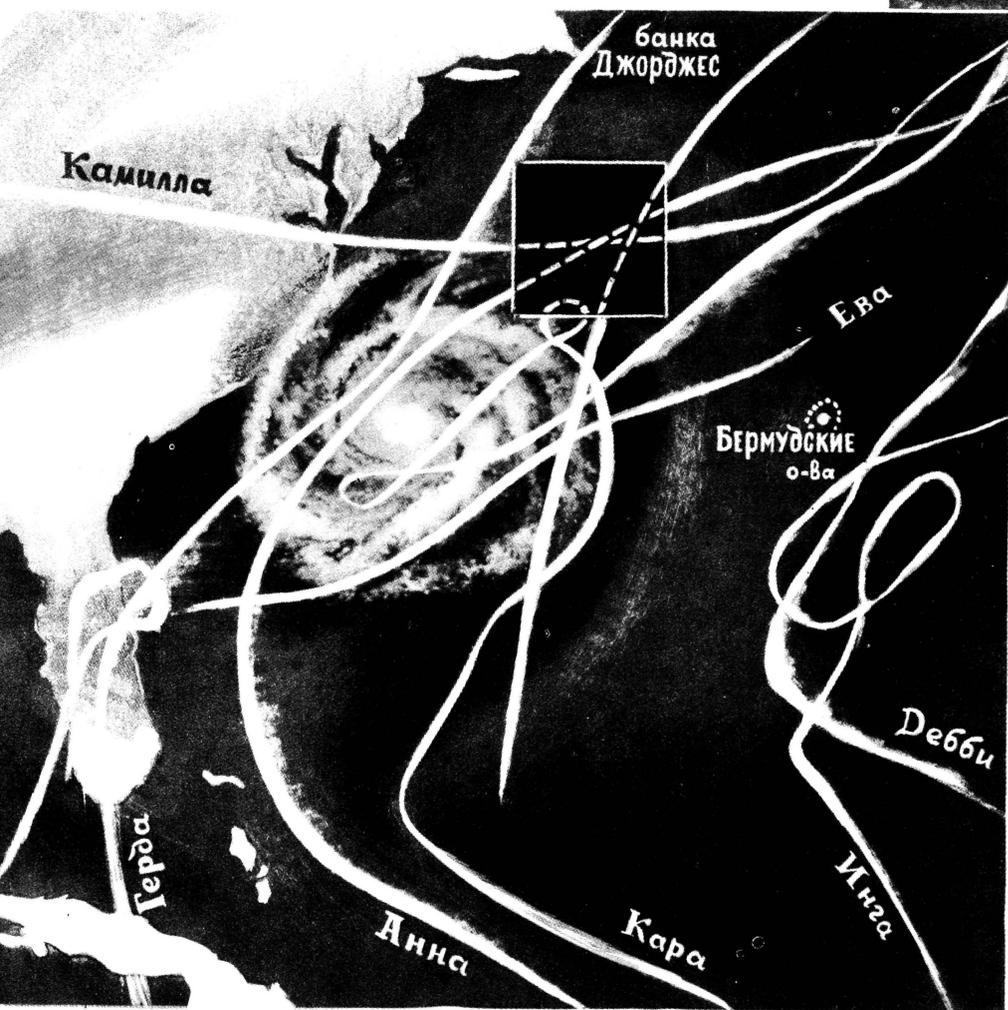
Молния выхватила из темноты кипящий океан, осветила бурлящие потоки воды и корабельные надстройки. Яркий режущий свет, треск — и через секунду снова ночь. В ходовой рубке, как ни глядявайся в иллюминатор, ничего не видно. Только рев волн и глухие стонущие звуки. Ощущение такое, что откуда-то из глубин поднимается гигантская энергия, выталкивает воду океана, а вместе с ней и судно. Сверху его прижимает плотная стена ливня, и обе эти силы, взвинченные ураганным ветром, вот-вот сплющат, раздавят кор-

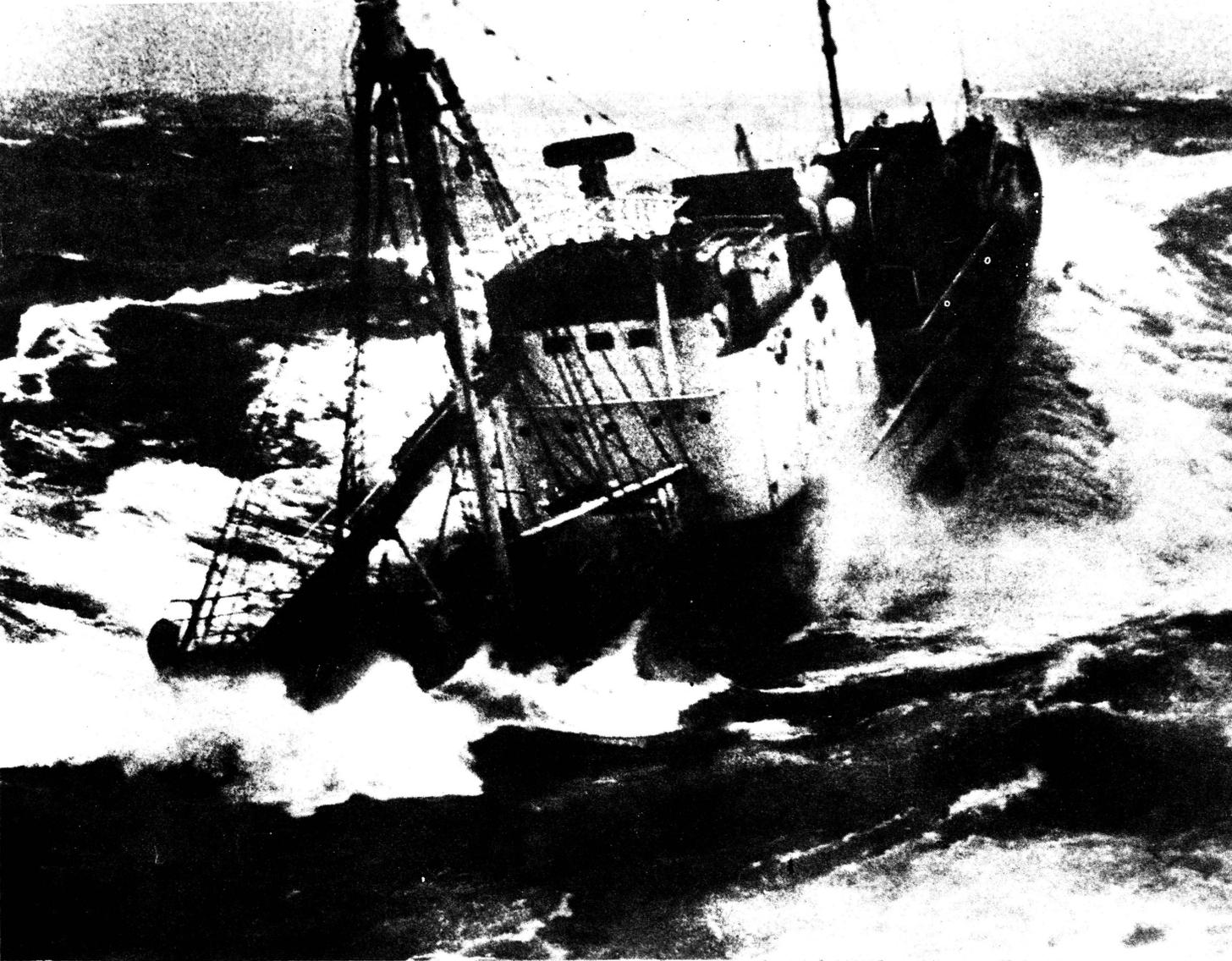
пус. Корабль содрогается, вибрирует, иногда вдруг затихает. И снова бьется в ознобе.

Судно не посылает в эфир сигналов бедствия. Машины работают на полных оборотах, и судно упорно пробивается вперед сквозь вихревые кольца урагана. Чем ближе к центру циклона, тем сильнее, яростнее напор ветра и волн.

Снова сухой треск и резкая слепящая вспышка. И снова чернота за иллюминаторами, только свет от приборов освещает рубку.

На палубе, пристегнув страховочный пояс к лееру, стоит с анемометром в руке метеоролог,

Океан штормит. Фотоэтид А. ИВАНЧЕНКО

измеряя силу ветра. Как в этом водовороте волн, дождя и ветра он ухитряется еще что-то делать?

Давление начало резко падать. Будто судорога прошла по корпусу судна, ветер ослабел. Наступила тишина. И ливень превратился уже в мелкий, нудный дождь, а потом и он перестал. Судно вошло в центр циклона. Оно идет быстрее. Тишина и штиль обманчивы. Через час вдруг снова мощный и резкий удар ветра, судно зарывається в кипящий поток и начинает пробиваться уже во внешние слои циклона, постепенно преодолевая его бешено вращающуюся спираль.

В августе — сентябре прошлого

года по Северной Атлантике прошло двенадцать тропических циклонов, девять из них достигли ураганной силы. Пять ураганов пересекли квадрат, где проводят исследовательские работы по изучению океана и возникновению циклонов наши суда. 21 августа судно погоды «Муссон» находилось в центре тропического циклона «Камилла».

«Камиллу» американцы называли «Ураганом века». Циклон возник в Карибском море и через Мексиканский залив двинулся на материк. Учинив в районе Нового Орлеана настоящий разбой, он унес сотни жизней, причинил разрушения нескольким городам.

Сила ветра «Камиллы» достигала на материке ста метров в секунду. Пройдя над сушей, ураган от трения должен был потерять свою разрушительную силу и, выйдя в Атлантику, распадаться.

20 августа «Муссон» дрейфует в Гольфстриме в квадрате 100 на 100 миль.

Многометровый буй медленно поднимают над палубой. Стрела крана переносит его за борт и плавно опускает в воду. Вслед за бумом в воду уходят подвешенные на тросе приборы, последним на

на стр. 30 ►

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

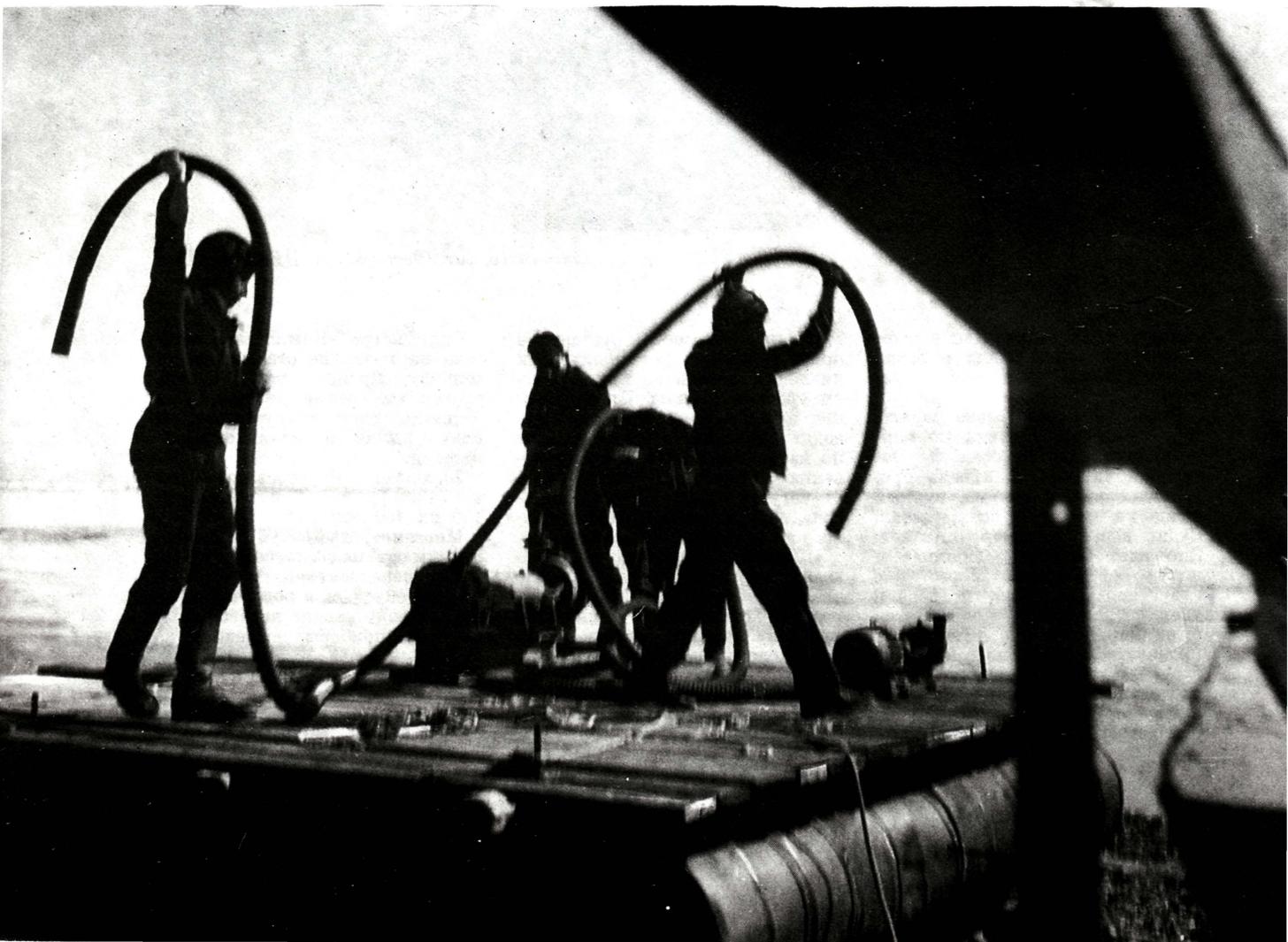
ОТКРЫВАТЕЛИ КАССИТЕРИТА

Там, где охристая, сочащаяся ручьями тундра круто обрывается перед Ледовитым океаном, на узкой полоске побережья раскинулся маленький лагерь — единственный населенный пункт на много километров. Деревянный домик, палатки и бревенчатая баня, построенная из плавника, с печью из валунов. Это Ванькина губа, восточное побережье моря Лаптевых.

Геологи обнаружили в этом пустынном заливе богатые залежи касситерита — «оловянного камня». Паустинская геологическая партия Якутского управления зимой, в сложнейших арктических условиях провела бурение подводных горизонтов со льда губы. Потом к ней присоединилась экспедиция Московского горного института, организованная Проблемной лабораторией по добыче полезных ископаемых на дне морей и океанов.

Москвичи смонтировали специальный понтон. Плавая в акватории губы, он пульпой отсасывает мелкую породу со дна моря, подавая ее на промывочную драгу. Так вместе с уточнением эффективности месторождения идет и опытная добыча. Наблюдать и контролировать работу пульпы под водой помогают аквалангисты.

А. ЛЕХМУС

дно опускается якорь. В спокойной воде хорошо видна верхняя часть буйа, окрашенная в оранжевый цвет. Судно дрейфует, его постепенно сносит, а буй уходит в сторону, и все тоньше становится похожий на антенну стержень с угловыми отражателями, по которым его с помощью локатора потом отыщет судно.

Синоптическое бюро на судне погоды — его мозг. Здесь все научно-исследовательские группы: океанологи, метеорологи, аэрологи, гидрологи. Они собирают и изучают полученную от приборов информацию.

В рубку вместе с метеорологом входит начальник синоптической службы Неонила Павловна Дудник и, обращаясь к капитану, разворачивает карту:

— Владимир Борисович, получили синоптическую карту. «Камилла» пока в силе, выходит в океан южнее Нью-Йорка. С юга на северо-запад, в направлении нашего квадрата, надвигается ураган «Дебби».

Капитан ничего не ответил, казалось, он был обеспокоен.

— Не нравится мне эта «Камилла», — подытожил метеоролог.

Всем трем понятны его слова. Случай довольно редкий: «Камилла», выйдя в океан, видимо, не потеряла свою силу на материке, а регенерировала, то есть возродилась, и с новой силой надвигается на квадрат.

Через два-три часа эти опасения подтвердились.

Ветер неожиданно резко усилился. Капитан отдал приказ:

— Задраить иллюминаторы и выходные двери на штормзаглушки. Боцману и палубной команде проверить крепления.

Пока океан не дает о себе знать, научно-исследовательские отряды на судне ведут наблюдения, каждый по своему расписанию: два раза в день запускают радиозонд, восемь раз измеряются температура воды, давление, сила ветра и т. д. Но когда надвигается циклон, метеорологи переходят на полчасовой график, и через каждые три часа синоптики обработав данные, передают их в метеоцентры Москвы, Одессы и Вашингтона.

Вечером те, кто спал, свободные от вахты, вылетели из своих коек от первого удара ветра и волн. После объявления штормовой готовности продолжать работы на палубе было разрешено

только метеорологам, их приборы установлены на верхнем мостике.

Валентин — молодой человек без бороды и широких плеч, внешне — ничего боцманского. Вместе с метеорологом Виталием Васильевичем он готовится выйти на палубу (как и другие матросы, боцман страхует ученых, работающих на мостике). Оба в черной штормодежде. Боцман быстро осматривает, правильно ли пристегнуты пояса, в порядке ли страховочная цепь с карабином.

В рубке экран радара стал белым от плотных дождевых туч — дождь начался сразу, обрушив на судно потоки воды. На палубе боцман и Виталий Васильевич пристегнули карабины к лееру и медленно двинулись вперед. Дождевой заряд, ослепительные молнии, после которых ничего не видно. Пробирались на ощупь. Установив термометры — с ними в темноте пришлось повозиться, — все также по леерам добрались до датчиков скорости и направления ветра. От всех датчиков и приемников на палубе тянутся провода дистанционного управления в лаборатории, где у каждого отряда свои столы с приборами. Но основные показатели с приборов нужно снимать и на палубе.

Жужжат аппараты, волнограф чертит кривые на миллиметровой бумаге, бегают зеленые зайчики на осциллографах, мигают лампы. Исследователи склонились над столами. Голосов не слышно, только хлопает дверь, щелкают переключатели. По одному экземпляру от всех данных ложится на стол синоптиков.

В рубке радиста открывается дверь. Метеоролог молча кладет перед ним лист. Стучит ключ передатчика.

В эфир летит: «Ветер западный, скорость 30 метров в секунду. Давление 746. Высота волны 8—9 метров...»

Эти же данные о скорости и направлении ветра, давлении, температуре воды и воздуха приносятся в штурманскую.

Неонила Павловна входит в рубку:

— Владимир Борисович, похоже, что еще два-три часа — и мы будем в центре циклона, — говорит она капитану.

Нужно запустить радиозонд.

Начальник аэрологического отряда Александр Александрович Артеменко обязательно сам наполняет зонд гелием.

— Боцман, полотно!

Валентин, едва держась на ногах под напором ветра, разворачивает полотно, накрывает зонд, чтобы не проколоть его о предметы на палубе. Затем пробирается на левый борт к радиолокационному аппарату «Метеорит», отворачивает крепления, и прибор оживает. Зонд с датчиком уходит вверх, скрывается за струями ливня, посылая радиосигналы, и головка «Метеорита» начинает вращаться, ловя сигналы поднимающегося зонда.

А в лабораториях продолжают жужжать приборы, щелкают переключатели, мелькают огоньки и вычерчиваются кривые на миллиметровке.

Синоптики пытаются определить и рассчитать направление урагана, его размеры. Данные о циклоне поступают в береговые метеоцентры. Но пока фототелеграф на судне примет от береговых центров отработанную синоптическую карту, синоптики «Муссона» и сами производят расчеты, чтобы потом сравнить их.

— Убавить обороты двигателя до ста пятидесяти, — командует капитан.

Ночью ветер изменил направление и усилился, достигнув двенадцати баллов. Давление упало до 736.

В синбюро ждут синоптическую карту. Она поступает через каждые четыре часа. В радиорубке включены все восемь фототелеграфных аппаратов. Два на прием, остальные в резерве. Радист, прислушиваясь к жужжащему прибору, посматривает на черную щель. Наконец раздается характерный звук работающего аппарата, и из черной прорези медленно ползет влажная бумага. Радист поддерживает ее и, словно торопя прибор, невольно потягивает лист на себя. Секунды тянутся долго. Но вот вышли из прорези темноватые, словно обожженные, края карты. Жужжание стихло. Хлопнула дверь, Неонила Павловна обернулась.

У стола с картой собралось несколько человек.

— Ну как?

— Наши расчеты оправдались, — отвечает Неонила Павловна.

— А как там «Дебби»?

— «Дебби» у Бермудских островов неожиданно повернула на северо-восток и пройдет намного восточнее нашего квадрата.

На южной оконечности Джорджес-банки работают наши рыбо-

ловецкие суда. «Камилла» движется к ним, и «Муссон» посылает им штормовое предупреждение: «...Ураган «Камилла» координаты 42 северной шпт 56 западной движется северо-востоку скоростью 35 узлов шпт максимальный ветер 55 узлов...»

У человека, который в первый раз видит синоптическую карту, она вызывает целую гамму переживаний.

Вначале на карте видишь только завихрения кривых линий, значки, цифры, стрелки, пунктиры, и больше ничего. Отвлеченная схема, которая никак не отражает того, что несколько часов назад ты пережил в океане. Вглядываясь в эту сухую схему, постепенно различаешь тускло обозначенные береговые линии, едва проявившиеся. Их немного. Все остальное пространство — океан.

Метеорологические станции покрывают сушу Земли довольно густой сетью, а в океане до сегодняшнего дня еще много «белых» пятен, не «охваченных» метеослужбой. Однако именно в океане формируются циклоны, оказывающие влияние на жизнь материков, на климат. Циклоны возникают в тропиках, где встречаются холодные потоки, идущие от полярных зон, и теплые ветры, дующие с экватора. Чтобы организовать всесторонние исследования, точнее знать, как возникают и развиваются циклоны, Всемирная метеорологическая организация обратилась к правительствам всех стран с предложением принять в этих исследованиях участие. И вот наши суда погоды вышли в океан. Два из них — «Муссон» и «Пассат» — работают в одном квадрате.

Вот он на карте, этот квадрат. Как и всякую другую, ее пересекают четкие, строгие линии

долгот и широт. Их привычная сетка, как и береговые контуры, помогает узнать тебе в этом листе и остальное, пока оставшееся непонятным. Жирные локальные линии как бы оживают, начинают перемещаться, и перед твоими глазами оказывается словно действующий макет океанских стихий. Цифры уже не просто метеорологические данные о давлении и силе ветра. Они становятся материальными: физически ощущаешь невыносимую тропическую жару, влажность и накаляющиеся откуда-то из темноты огромные водные валы.

Один из знаков с уже знакомыми тебе цифрами особенно привлекает внимание. Это же «Муссон» в заданном районе. А цифры — это сведения, что посылает он, как бы с рук на руки «передавая» ураган другому судну погоды, что ждет своего часа на своем месте. Суда в океане как бы связаны в единую цепочку, которая не выпускает циклоны из поля зрения, пока они угрожают кому-либо.

Вот у контурных очертаний Бермудских островов завихрения урагана «Дебби», повернувшего в сторону намного южнее нашего квадрата; там за ним тоже следит судно погоды.

И пока все корабли в океане, получив штормовое предупреждение, пытаются укрыться в бухте или проскочить опасную зону, суда погоды идут навстречу опасности, чтобы отвести беду от сотен других. Они изучают развитие урагана, силу ветра, скорость и, главное, помогают определить его направление. Зная направление, можно предупредить корабли от столкновения с ураганом.

Через два дня «Камилла» умчалась далеко на северо-восток. Океан все еще не может успо-

коиться. Небо прояснилось, но осталась тяжелая зыбь.

Получили радиограмму: «Капитану «Муссона». Полученные от вас сводки были особенно важны в прошедшие несколько дней. Мы благодарим вас за отличное сотрудничество. Бюро погоды, Вашингтон».

Через несколько дней «Муссон» вышел на поиски буй. Локатор молчит. Судно идет по течению Гольфстрим, но вдруг температура воды падает. Это было неожиданностью. Как будто Гольфстрим исчез. Испыхали весь район, но буй нет, а температура воды не повысилась. Сильные северные ветры сносят судно к югу. Предположили, что под воздействием северных и северо-восточных ветров Гольфстрим изменил направление, и «Муссон» круто повернул на юг. Поиски продолжались до позднего вечера, но локатор молчал.

В четыре утра начальника экспедиции Юрия Владимировича Истошина будит телефонный звонок. Поднявшись на мостик, он видит справа по борту перевернутый буй. «Муссон» лег в дрейф.

Поднимают буй очень осторожно. У основания стальной трос срезало, как ножом. Буй перевернулся, антенна оказалась под водой, и потому молчал локатор. Датчики висят на изодранных, измочаленных нитях оставшегося троса. Для страховки трос крепится дополнительно на стальных оттяжках. Они-то и удержали приборы.

Вместе с Гольфстримом, который «прогнулся» под влиянием ветров и сделал большую и глубокую полупетлю, буй продрейфовал несколько десятков миль.

Основная задача судна погоды — циклоны. А они не заставляют себя ждать. С юга на квадрат «Муссона» уже надвигался ураган «Герда».

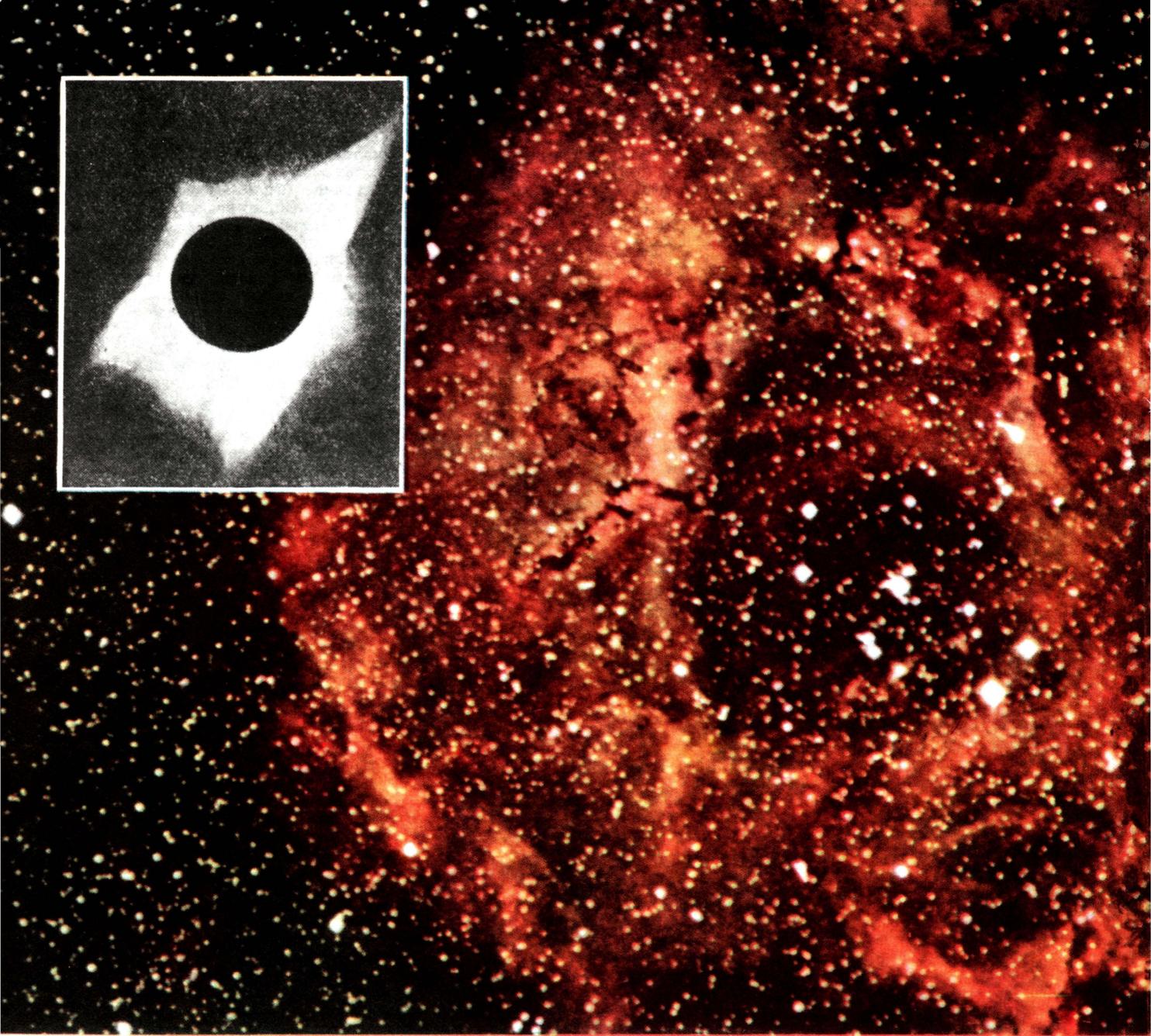
ПРОЕКТ «ОМЕГА»

Наша планета — этот гигантский магнит — создает вокруг себя магнитное поле, силовые линии которого идут с севера на юг, словно невидимые гигантские висячие мосты связывающие северное и южное полушария. И там, где эти мосты «опираются» на землю, одновременно происходят одинаковые электромагнитные явления, которые мы иногда наблюдаем как полярные сияния.

В журнале «Вокруг света» (№ 3, 1966 г.) уже было сообщение о совместных советско-французских исследованиях магнитного поля планеты, проводящихся одновременно в Архангельской области и... на острове Кергелен в Индийском океане — на двух опорах одного из «магнитных мостов» Земли.

Новый, намеченный на весну 1970 года цикл совместного исследования, который будет носить название «Омега», целью своей

ставит изучение так называемых энергичных электронов, вторгающихся в плотные слои атмосферы и рождающих полярные сияния. Согласно программе проекта в Архангельской области и с острова Кергелен одновременно поднимутся аэростаты с советской и французской аппаратурой. В ходе исследования будет установлена двусторонняя прямая связь Кергелен — Париж — Москва — Архангельская область.

СЛУЖБА «ЖЕЛТОГО КАРЛИКА»

Осень, такая в При-
морье ясная и свет-
лая, обернулась вдруг
ненастными днями. Сильных
ливней не было, но низкие
тучи, вытянутые длинно и
нескладно, раздерганные вет-
ром, неслись над сопкой со ско-
ростью бегущего невесты куда
бесконечного поезда. Порой
дождало.

В один из таких дней, под
вечер, тонкая дверь маленького
домика на самой вершине соп-
ки чуть отворилась. Кто-то на-
чал старательно топтать, очи-
щая ноги, и все три девушки,
сидевшие в комнатке рядом с
аппаратурой радиотелескопа,
обернулись, глядели с ожи-
данием. Сопка была слишком
высока, чтобы кто-то лез на
нее без дела, по телефону же,
как это обычно делалось, не
предупреждали, что кто-то со-
бирается к ним — на службу
Солнца.

Все еще топтали за дверью,
потом начали мелко постуки-
вать ногами.

— Да открой, Люд! А то
еще разуваться будет, — не
выдержала одна из девушек. —
Вверх и на себя! — крикнула
она тому, за дверью.

Девушка была черноволоса,
небольшого роста и, видно, са-
мая старшая из «солнцепоклон-
ниц». Звали ее Саша.

Люда встала, но уж не нуж-
но было.

— А мы-то думали — ка-
бан! — с притворным испугом
встретила черноволосая вошед-
шего парня.

Володя-шофер глядел только

«Желтым карликом»
астрономы называют наше
Солнце — типичную, в мас-
штабах галактики, желтую
звезду небольшого размера.

на нее, как обычно вошедший
в многолюдную комнату смот-
рит вначале только на того,
кто ведет себя или шумней
всех, или приветливей.

— Я-то что, — заговорил,
подхватывая игру, Володя, — а
вот вас он как-нибудь съест.
И закрыться не успеете...

— Кто же это?

— Кабан. Кто ж еще? Опять
он приходил.

— А может, это и не ка-
бан? — усомнилась Саша. —
Еще кто-нибудь...

— Я только что с огоро-
да, — оскорбился Володя. —
Картошки мы там не на-
роем... — Володя быстро взгля-
нул на Люду. — Всю он вы-
роет.

Все умолкли. Наверное, каж-
дый представил себе, как «он»
бродит ночью по картошке,
только ботва хрустит. И тут
прозвучал мягкий голос Вали:

— Вы, Володя, может, есть
хотите? У нас каша рисовая
сегодня осталась... Чай еще
теплый.

— Конечно. Поешь, — под-
держала ее Люда и, накинув
пальто, вышла.

Особых дел на станции по
вечерам не было. К тому же
«карлик» и днем сегодня не по-
являлся.

И вот он заходил. Строго го-
воря, Солнца уже не было над
горизонтом. То, что «карлик»
еще лежал на горбатой сопке
запада, не погруженный в нее,
было всего лишь обманом све-
та: свет шел к Земле и делал
видимым то, чего уже не было.
Пока Люда сбегала с сопки,
истекали те самые семь ми-

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

нут — семь минут нужно было свету Солнца, чтобы долететь и прикоснуться к нашей Земле. Солнце не могло погаснуть, но случись вдруг — умри однажды «карлик»! — и мы не узнали бы об этом еще целых семь минут... И как это ни было понятно уму, но это было противоестественно и не могло быть другим, как противоестествен свет умершей звезды.

Когда-то еще в школе на уроке астрономии Люда представила вдруг такую голубую, льющую свет, но уже угасшую звезду — и поразила. Память о том наивном испуге жила в ней до сих пор, хотя сейчас ей случалось говорить об умерших звездах лишь экскурсантам, да и то говорилось это «для оживления», чтоб поразить неискушенных. Наедине, проделывая свой обычный путь с сопки или на сопку, Люда уже не думала об этом. Путь был один-единственный — они жили под сопкой, среди тайги с всемогущим, убивающим все другие дыхания леса запахом гниющих прямо на корню великолепных огромных грибов. Их некому было собирать, в таком количестве они расплодись. Их запах то и дело перестилал дорогу, и в этих местах Люда невольно убистряла шаги.

Она сетовала на «карлика», как на живого: надо же, умудрился показаться только перед самым заходом! Как нарочно! Но долго сетовать на него она не могла, не умела. Вспомнила одну из серьезных сказок о Солнце и улыбнулась. Сказку рассказывали на экскурсиях обычно школьникам. И вот сейчас совершалось ее начало...

Там, за горизонтом, подплыл к Солнцу эскимос. Осторожно, чтобы не обжечь пальцы, он заворачивал Солнце в плотные шкуры и укладывал его в свой каяк. Потом брал весло, и его легкая лодка с костяным остовом, обтянутым шкурами, плыла к востоку — туда, где утром Солнце должно было всходить. Эскимос совершал свою работу каждую ночь, потому что каждое утро «карлик» должен был быть на своем месте. Это был очень сильный, добрый и добросовестный человек. Слабый не смог бы поднять Солнце, ленивый, хоть раз проспав, пропустил бы ночь, а злому человеку наверняка однаж-

ды пришло бы в голову наказать кого-нибудь тем, что откажется ему в Солнце...

Саша никогда не рассказывала эту легенду канадских эскимосов. Может, стеснялась ее наивно-детской радости, кто знает! Люде вспомнилась улыбка Саши, когда сказку рассказывали другие. Но тут же в голову ей пришло: «Не хватает нам еще этого кабана!»

Люда ничего не опасалась на этой дороге, привыкла к ней, но сейчас все чаще поглядывала по сторонам. Деревья возле дороги темнели, наполняясь угрюмыми, смутными движениями, и нельзя уже было сказать с определенностью, что их шевелил только ветер...

Солнца не было уже совсем.

Люда вступила на ровное, чистое от тайги пространство, охраняемое домом. Это окружение светлой пустоты было отвоевано у тайги лет тридцать назад первыми обитателями сопки. Люда даже не заметила, когда начала бежать. Она увидела себя вдруг уже запыхавшейся, бегущей с колотившимся сердцем. Теперь ничто, кроме захлопнутой за спиной двери, не могло избавить ее от страха. И действительно, она еще стояла, прислонившись спиной к двери, еще не зажигая света и едва опустив на пол сумку, а страх уже проходил. Она улыбнулась ему вслед: «Вот ведь трусиха-то... Солнце-поклонница!»

Дальнейшие ее мысли и заботы могли бы показаться, быть может, не стоящими особых сил и времени, но она-то знала им цену. Люда сидела, а надо было встать и обязательно переодеться. Потом так же обязательно заняться чаем, прибраться в комнате... Она поднялась, чтобы делать все это, уже мысленно распределив дела на весь вечер, уже видя себя занимающейся то тем, то другим, — и ее наполняло спокойствие.

Переделав все, Люда села к чистому столу. Чувство усталости и довольства собой почти баюкало ее. Книжки лежали перед ней веселым и нужным грузом. Люда знала, что это довольство пройдет, заменится сначала деловитостью, а потом и усталостью. Еще несколько

минут посидела она тихо, не придвигая книги к себе...

Над столом, приколота булавкой к стене, висела прямо перед ней картинка из какого-то журнала: снимок древнеегипетского каменного барельефа. Солнце тянулось на нем к Земле четырнадцатью лучами, и каждый луч был рукой — маленькой ладошкой. Ладонки опускались к Земле, чтобы прикоснуться к ней. Пространство между ними перечеркивал иероглиф ♂. Он означал Жизнь. Встречала лучи жрица. Она была одета, но, будь и обнаженной, она не была бы красивой — так откровенно одежды не скрывали ничего в ее прекрасном теле. Чуть запрокинув голову, словно готовясь пить льющиеся прямо на нее лучи, женщина смотрела на Солнце. Во взгляде не было ни мольбы, ни подобострастия — одно наслаждение...

«Карлик» не показался и на другой день.

Еще с утра Люда приготовила все, чтобы фотографировать его, и теперь помогала Вале. Включали радиотелескоп. Его антенна, хорошо видная в окошко, послушно шевелилась, и тогда с самописца быстро сползала лента, испещренная тонкими темными линиями. Это тоже были «фотографии» работы Солнца, только графические.

Земля, обласканная Солнцем, обязанная его теплу многим — и даже своей жизнью, — глядела на Солнце. И где бы и когда ни находилось оно, всегда на Земле были люди, которые смотрели на него пристально, даже с пристрастием. Едва лишь кто-то из наблюдателей замечал что-то подозрительное в жизни Солнца — и тут же — немедленно! — сообщение об этом шло в крупнейшие и удобно для постоянных наблюдений расположенные обсерватории: в Москву, в Вашингтон, в Токио... Новость мгновенно узнавали в Австралии, Чехословакии, Франции, Западной Германии. Сигнал геофизической тревоги облетал всех ученых, объединяя их, как бедствие на море объединяет моряков всех стран в одном желании: понять причины бедствия и, если возможно, спешно помочь... Едва лишь повышалась активность Солнца — и на сол-

нечные станции всех долгот приходил сигнал тревоги: «Алерт!»

«Алерт!» — Солнце не спокойно! И на куполах обсерваторий тут же распахиваются створки...

«Алерт!» — с «карликом» что-то происходит. И в небо с полигонов уходят всегда готовые к старту геофизические ракеты...

«Алерт!» — и ползут ленты самописцев.

Где-то под Москвой, в институте с красивым, прямо-таки космическим названием — ИЗМИРАН¹, совет «Солнце — Земля» ожидал сообщений о лобом «поступке карлика». Смысл же существования вот этой станции был в том, чтобы все эти люди, сидящие на сопке, были внимательны, чтобы наблюдения их были точны и постоянны и поступали в центр своевременно. Для этого и Саша, и Люда, и вот теперь еще Валя, и еще пятеро — да и по соседству были станции, тоже изучающие Солнце, — сидели здесь, в тайге; для этого еще раньше они изучали Солнце; и для этого же в скором времени им должны были сменить аппаратуру радиотелескопа, заменив ее новой. Поток их информации все шел в Москву, он не обрывался, и люди на сопке понимали, что иначе быть не может.

Сегодня «карлик» вел себя спокойно, и Люда все возвращалась в мыслях к той вспышке. Они ее засняли позавчера, и сейчас на столе перед Людой уже лежали фотографии. Верхний край солнечного диска украшал на них громадное светящееся облако. Люда отбрасывала в сторону снимок за снимком, вновь видя, как все произошло...

Спокойно висящее облако вдруг подбросилось — как бы само собой! — и тут же разлетелось в клочья. Огромные клочья, только что бывшие чем-то целым, темнели, снова высвечивались и ускользали в сторону. Прошло всего несколько минут — и они со страшной скоростью унеслись прочь... Теперь ждать оставалось недолго. То, что было выброшено, исторгнуто «карликом», неслось

сюда двое суток, через час оно будет здесь... Люда не могла ни видеть, ни тем более чувствовать это, но она видела и чувствовала. Через час кто-то из гипертоников может упасть... Люда представляла себе этого человека — еще не старого, высокого, чуть седого, — видела, как он быстро подносит руку к сердцу и оседает, с еще кричащими глазами, но уже немой ртом. Он никогда не узнает, что последний — смертельный — удар ему нанес «желтый карлик»... А кто-то попадет в аварию на дороге. Он тоже не будет знать, что его, возможно, бросил в аварию «желтый карлик»...

Вот почему Люда так понимала Чижевского, посвятившего всю жизнь изучению Солнца, когда он предлагал основать специальную — медицинскую службу Солнца. Она может многих спасти — предупредить. Когда-нибудь это будет сделано.

По самой сути своей профессии Люда знала о всех благах, которые несет Солнце Земле. Но смысл их наблюдений — не только их, но и еще многих, кто так пристально всматривался в Солнце, — был в том, чтобы изучить и понять те неожиданные и неприятности, которые нес «желтый карлик» Земле. А это и по его вине выходило из берегов реки — как раз тогда, когда этого никто не ждал! — и неслись пыльные бури, и Самарканд засыпало снегом, и бились в гриппозной горячке многие дети. Что таких случаев будет много, можно было в известной мере даже предсказать, наблюдая Солнце, как была предсказана почти сорок лет назад эпидемия 1965 года. Уже тогда профессор А. Л. Чижевский сопоставил многовековые сведения о гриппе с колебаниями солнечной активности и обнаружил, что каждый «взмах» активности совпадает с усилением распространения болезни. И чтобы продолжить эти наблюдения, надо было находиться здесь, на сопке, и всматриваться в лицо Солнца...

— Девочки!

Люда очулась, словно только что увидела сидевших рядом и Валю и Сашу. Саша стояла у телефона и улыбалась.

— На охоту приглашают...

— Володя?

— Ага. Есть охотники?

— Да какие мы охотники, — отозвалась Валя.

Саша прикрыла рукой трубку:

— А они такие же. Может, хуже... Ну! Решайтесь, девчонки...

Нет, Люда не хотела. И как это легко удастся малоразговорчивым людям, она быстрой вернулась к своим мыслям.

Нет, она, наверное, никогда не станет тем аптекарем из Дессау. Уже не открыть одиннадцатилетний цикл активности Солнца, открытый им. Но сколько еще всего! Да хоть эти пятна... Все еще загадочные, пусть и не так, как триста лет назад, в начале изучения Солнца... В конце концов главной была уверенность, что ты делаешь то, что в твоих силах, делая это серьезно и хорошо. «Как тот эскимос?» — подумала Люда и улыбнулась...

Ощувив всем телом — со всем не одними глазами, что «карлик» готов показаться, Люда поспешила на улицу. Но он только показал свой край в разрыве летящих туч и скрылся. Не хотелось так быстро возвращаться к столу. Люда обогнула большой телескоп и вышла к маленькому. За белой стеной ее не доставал ветер, стоять было хорошо: тепло и уютно. И виден был маленький телескоп. Так стоять ей случилось много раз.

...Люда завидовала тому первому человеку, который поднялся сюда. Его телескоп, такой маленький, почти игрушечный, стоял теперь рядом с новым, похожим на большое здание ангара. Маленький был уже историей. О нем, как и о том человеке, рассказывали каждой экскурсии.

Это было зимой. Были мороз и выюга... Разве могло быть по-другому?! Конечно, он был один, а сопка стояла так же высока, как и теперь. По-другому уже никто не представлял сейчас того, что происходило в те годы, в тридцатые. И Люда тоже.

Телескоп в нескольких ящиках лежал у подножья сопки. Человек впрягся в санки и потащил первый ящик. Он полз на четвереньках, падал совсем, снова отрывал лицо от снега и опять полз. Он вышел наверх. Потом он долго не знал, сколько же времени сидит так, не в силах даже стянуть ящик с саней. Но когда его голова перестала кружиться, он встал,

¹ Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР.

снял ящик и отправился вниз за новым... Так он проложил вот эту дорогу — дорогу на сопку, вершина которой ближе к Солнцу, чем другие вершины.

Нельзя было завидовать непосильной ноше, но Люда с ясным удивлением сознавала, что тот человек тогда мог поступить только так — и так поступил! И тому были доказательства: маленький телескоп, ставший историей. Его телескоп.

В дверь стучали... Так никто и никогда не стучал к ней. Люда подумала, что это ей снится. Уже с открытыми глазами, глядя в темноту комнаты, она никак не могла сообразить, что стучат в ее дверь. Наконец поняла: к ней.

В дверь все еще барабанили.
— Кто? Кто там?

Она едва догадалась зажечь свет, все еще спрашивая и уже боясь открывать.

— Сашка! Сумасшедшая... — и тут же умолкла.

В дверях стояла Саша. Едва взглянув на нее, Люда поняла: что-тостряслось. Люда не спрашивала ни о чем, только вдруг захотелось запахнуться плотней.

— Мы убили... убили его...

Саша заплакала — нервно, неумело. И ничего нельзя было разобрать, было понятно только, что они действительно убили — «горе-охотники!» — и очень испугались, потому что «это был совсем не кабан, был медведь»... И «разве можно было идти, если это знать!». Она все плакала, а Люда уже улыбалась украдкой, только прятала улыбку, когда Саша вдруг откидывала от лица руки.

Как когда-то, они легли вместе, укрывшись одним одеялом. Уже весело, Саша опять принялась рассказывать, как они сидели, как ждали и как медведь пришел...

Близилось утро. Уже эскимос на каяке подплывал с Солнцем к месту восхода. Может, даже начал вынимать его из шкур...

Вскоре над горизонтом должна была взойти совсем простая, рядовая звезда — желтая звезда небольшого размера. Она была в сто девять раз в диаметре больше нашей, в сущности, такой маленькой Земли. Но ее ждали.

«Молодые государства Азии и Африки неизменно находят опору в лице Советского Союза. Со многими из них наша страна сотрудничает в области экономики, науки, техники, культуры, подготовки национальных кадров».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из выступления на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве.

... **О**ни выехали в пустыню на трех машинах. Надо проехать по трассе будущей дороги: проект проектом, но листы синек и докладные записки не все могут рассказать о том, где им придется жить и работать.

Начальник строительства господин Забиди, Юрий Александрович Петров-Семичев, в прошлом главный инженер всех автодорог РСФСР, а теперь именуемый в министерских приказах главным специалистом строительства автодороги Ходейда — Таизз, и переводчик Таризель Гасанов устроились в ГАЗ-69. Во второй машине Владимир Иванович Никулин, главный инженер дорожно-строительного района, что-то горячо обсуждает со своим начальником, господином Хусейном. В третьей уселись остальные инженеры-дорожники.

Машина влетает в первый зыбун. «Самый трудный участок дороги — первые тридцать километров», — бесстрастно комментирует господин Забиди.

Шесть часов утра, а от жары уже некуда деться. Моторы готовы расплавиться, вентиляторы сосут вместе с воздухом песок, и трубки радиаторов сразу начинают блестеть — отполировались.

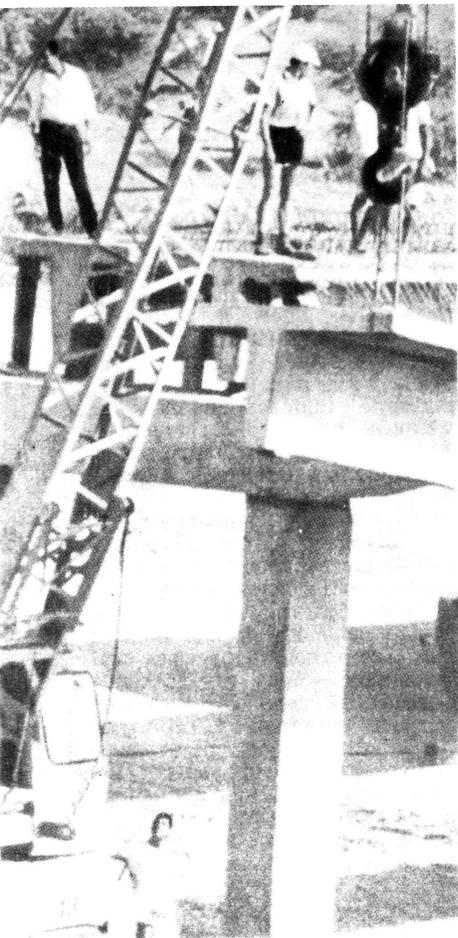
Еще до приезда в Йемен Юрий Александрович уже примерно представлял себе характер местности, через которую им нужно будет вести дорогу. Между портом Ходейдой и Таиззом — пустыня, прибрежная пустыня Тихама, бездорожье. Там нет колесного транспорта. Нормальная машина и повозка не могут двигаться по глубокому песку, перевозки — только вьюками. Значение в тех местах дороги трудно переоценить. Она станет артерией жизни для целого района, свяжет второй город в стране, земельный край, с крупнейшим портом страны, который, кстати, тоже был построен с помощью СССР.

...Зыбучие пески попадают все чаще и чаще. Вездеход не успевает выдернуть первый «газик», а второй уже закопался по самые двери в песок, как ящерица.

Юрий Александрович строчит карандашом в блокноте. «Худо, — думает он. — Второй фронт не выйдет — технику в такие пески не затащишь. Не строить же для этого вспомогательную дорогу! Значит, строить будем только из Ходейды, с одного конца. А это — дольше...»

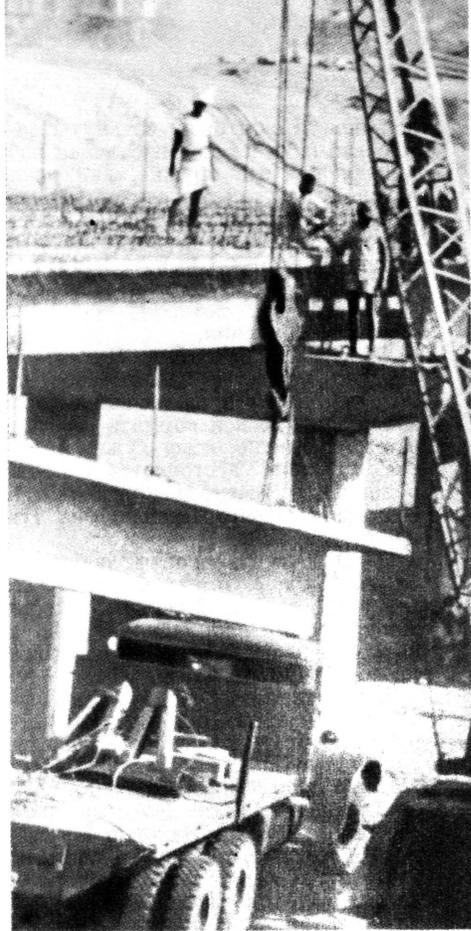
Песок как будто пошел плотнее, и водитель Саша Гонтарь даже замурыкал что-то себе под нос. Теперь можно проехать и без помощи вездехода. Колочку под колеса, и готово! Колочки в пустыне много — стелется по земле, цвет вот только у нее унылый, как у горчичника.

«Вади», — говорит господин Забиди, и сейчас же колеса проваливаются в тартарары. «Вади — пересохшее русло, — переводит Таризель. —

В. ДЕМИДОВ

ИДЕМ ЧЕРЕЗ ТИХАМУ

Здесь в паводок всегда вода. А в сухое время — зыбун. Вот так, Саша!»

К вечеру, осилив около двухсот километров бездорожья, караван попал в город Хейс. Здесь, на окраине, наши строители-дорожники уже поставили временное общежитие — передвижной вагончик с шестью нарами. Рядом из скважины бежала вода. Но вагончик оказался уже заселенным: по полу и кроватям ползало множество змей и скорпионов. Господин Забиди показал на маленькую невзрачную змейку у порога и коротко сказал: «Смерть».

После этого, не сговариваясь, решили, что на крыше ночевать даже интереснее: обдувает, и видны звезды.

Вполголоса разговаривали Юрий Александрович и Никулин. Ворковал приемник. Ночь не принесла прохлады, но темнота создавала иллюзию, будто зной уходит.

— Владимир Иванович, понимаешь теперь, почему еще американцы отказались здесь, в Тихаме, строить? Черт ногу сломит... А вади? Там же всю технику может в момент смыть, и не найдешь! Попробуй угадай, когда в горах дождь пролил. Про жару уже и говорить нечего...

— Строить будем одним фронтом, так? — угадывая главную невысказанную мысль, проворчал Никулин. — И откуда, интересно знать, мы возьмем шоферов, водителей и прочих? У нас вон две тысячи машин стоят под открытым небом. Обучим? Тысячи человек? Шутки! У нас инструкторов раз-два — и обчелся.

— Не кипятись, Владимир Иванович. Обучим. Утро вечера мудренее, давай поспим, — сигарета описала в темноте кривую и шлепнулась, разбросав искры, на песок...

Однажды Юрий Александрович отправился поглядеть Ходейду. В старой части стояли легкие низкие дома, кое-где побеленные, а чаще просто сплетенные и собранные из пальмовых листьев, кустарника.

Рынок помещался в самом центре, недалеко от моря. Его близость и определила главный товар — рыбу. Рыба лежала пластинами и поодиночке, большая и маленькая, на лотках, в корзинах, на повозках и просто на земле. Она отличалась всеми цветами радуги, пучила глаза на прохожих и собирала мириады мух.

Отчаянный крик висел над базаром. Казалось, что еще секунда — и веселая рыночная суматоха перерастет в кулачный бой. Кричали продавцы помидоров. Надрывались, рекламируя свой товар, разносчики кальяна и совали каждому под нос костяные мундштуки. Шумели у жаровен, где на раскаленных листах истекали жиром куски акульею мяса. И лишь темнокожие жители пустыни помалкивали и, найдя место потише, раскладывали гроздь бананов.

Юрий Александрович разглядел, что почти каждый мужчина носил при себе большой кри-

---

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

вой нож. Ножи были заткнуты за пояса даже у тех, кто явно не был избалован избытком реалов. Между тем этой оружию, как правило, было отдано золотой насечкой. И еще попадались люди в кандалах и цепях. Цепи иногда висели только на ногах, но встречались йеменцы, буквально опутанные ими. «Сектанты какие-нибудь, что ли...» — присматривался к ним инженер.

Переводчик, которому он рассказал о «сектантах», объяснил:

— Это заключенные. Цепи — калабуши. Интересное другое — здесь такое правило: истец, который добился заключения своего обидчика в калабуши, должен кормить его за свой счет. Так что не поймаешь, кому хуже. А ножи — это символ мужского достоинства, почти священные реликвии. Красивое у них название: джамбия! Как клич, верно? Правда, они тупые, даже дыни не разрежешь.

Юрий Александрович любил бывать на морском берегу. Хотя там было, пожалуй, даже жарче, чем в городе. Тяжелая вода почти всегда лежала темным зеркалом. Самые сильные ветры не могли раскатать эту гладь, состоящую больше из соли, чем из влаги.

В недвижимых водах как впаивные стояли самбуки — яркие рыбацьи лодки. Некоторые из них обсыхали на берегу, показывая обросшие ракушками днища. Суетились ловцы акул, стаскивая с промыслового плотика на тележку огромную зубастую рыбу. Ноги многих из них были в страшных рубцах. Наконец акула была погружена — хвост волочился по пыли.

На рейде басом закричал теплоход. За кормой легкий ветерок трепал красное полотнище. Теплоход был необычайно красив — чистенький, точно сразу со стапелей, он раздвигал крутым носом синюю воду и, словно айсберг, отражался в воде зеленоватым льдом. Теплоход просился в порт. Краны, как на разминке, двигали стрелами, и неторопливая мощь сквозила в этих простых движениях механизмов.

«...Что ж, попробуем... — решает Петров-Семичев и с удивлением замечает, как полубодитое чувство, сродни студенческому азарту, холодными иглами заполняет грудь. — Ну, Тихама, с чем тебя едят?»

Торжественное открытие строительных работ состоялось 28 марта 1966 года. Еще три четверти машин стояло сиротами, будущие водители только проходили школу у советских инструкторов, но начало было положено.

В те дни Юрий Александрович часто вспоминал первую «вводную лекцию», которую прочитал ему однажды вечером сосед по дому.

— Вы знаете, — говорил загорелый инженер, — у йеменцев есть пословица: йеменцу зубы можно показывать только в улыбке. Так вот, за все время, что я здесь, я ни разу не слышал, чтобы эту пословицу вспоминали при русских. Я даже один раз спросил у йеменца — может, такой пословицы и нет? Он расхохотался и говорит: «Есть, только вас она не касается, вы и так все время смеетесь. И работаете весело, приятно учиться».

Юрий Александрович вспоминал. Бывало и недо улыбок. Страсть к учебе у йеменцев была поразительна, но эта страсть порой и мешала. Некоторые бывшие чернорабочие полагали, что смо-

гут сразу сесть за руль современных машин. Бывали аварии.

...Приходилось работать, стиснув зубы. Сроки не ждали.

Но постепенно положение налаживалось, и Юрий Александрович видел, каких трудов это стоило. В школе механизации преподаватели Володи Курин, Олег Чурсинов и Саша Давыдов валились с ног от усталости. Днем и ночью на шестнадцатом километре, возле только что построенной производственной базы — целого городка с мастерскими, заводами и даже деревцами, ревели моторы машин — шли тренировки для грядущего наступления на пустыню. Одновременно готовились кадры бетонщиков, арматурщиков, сварщиков... Геолог Николай Степанович Ковалевский метался по пустыне и горам: искал камень для дороги, питьевую воду, намечал места для карьеров. Буровой мастер Павел Михайлович Лебедев бурил в земле скважины и, как фокусник, пускал на поверхность солоноватую воду. Горцы считали Лебедева большим начальником и приносили ему в дар сушеные ягоды. Вода в стране была главным богатством, а русские сказали, что вода из скважин — вода для всех...

Наконец настал памятный день: 37 бульдозеров двинулись в пустыню, оставляя за собой очищенную от колочки и сглаженную 16-метровую полосу. За ними шли грейдеры, скреперы, самосвалы. Полотно дороги поднялось над землей на первых километрах, словно утоптанная тропа на подтаявшем весеннем снегу. На слой грунта, укатанный тяжелыми катками, ложился гравий...

Опасения Петрова-Семичева оправдывались — строительство, начатое с одного конца, одним фронтом, подвигалось медленно. И тогда решили все же рискнуть — перебросить машины вперед, по бездорожью.

В два дня собрали колонну. Переход был трудным. Тяжелые машины застревают в песках. Моторы тягачей глохли, перегреваясь. Но второй фронт был открыт!

Господин Забиди был прав: первые тридцать километров Тихамы оказались самыми трудными. Зыбучие пески с наступлением рассвета приходили в движение. Песчаные бури скрывали солнце, но от этого жара не убывала. Наоборот, зной теперь шел не только сверху — со всех сторон, как в хорошей духовке. Ветры выдували грунт. И если строители задерживались и на песчаный первый слой дороги сразу не укладывали тяжелый гравий — работа шла насмарку, грунт словно испарялся в пустынный воздух.

Зато когда эти злосчастные тридцать километров остались позади и два фронта соединились — то-то был праздник!

Вечером над песками запылали костры. Йеменцы жарили на вертелах целых баранов. Пламя выхватывало из тьмы красные лица, и Петров-Семичев увидел, что теперь уже русских в толпе трудно от отличить от коренного населения. Все были одинаково смуглыми, у всех на ногах шамбалы — подметки с нехитрой перепонкой. И лишь шорты (йеменцы ходят в юбках) позволяли с некоторой уверенностью судить, что перед тобой земляк. А язык! В первые же месяцы на строительстве возникла чудовищная смесь арабских и русских слов, и, что самое странное, Юрий Александрович замечал: и йеменцы и рус-

ские преспокойно обходятся без всяких переводчиков!

Вот и сейчас смешанные группки перетекали от костра к костру, высмаргивая самых аппетитных баранов. Над песками стоял ровный гул разноязычных голосов. Митинг уже прошел, и приступали к «неофициальной части». Пустели бутылки с фруктовой водой, где-то негромко пели, но не было еще того толчка, какого-нибудь пустячного события, которое сразу и неожиданно задает празднику нужный тон веселья и бесшабашности. Но он не заставил себя ждать.

В круг света влетел йеменец. Как в бубны, десятки рук ударили в жестяные банки из-под керосина, и под их ритмичный грохот смуглый человек с белоснежными зубами пошел по кругу в стремительном танце.

«Первый праздник! — улынулся Петров-Семичев шоферу и забрался в машину. — А Тихама-то сдастся помаленьку!»

Его сильнее всего волновал битум. Нет, конечно, всяких хлопот было больше, чем надо. И с железобетонными мостами, и со щебнем. Шутка сказать — одного щебня необходимо полмиллиона кубов! Значит, взрывать камень, вези его к дробилкам, грохочи на грохотах... А вади... Петрову-Семичеву на днях сообщили, что у одного зазевавшегося прораба водяной поток, внезапно сорвавшийся с гор, унес бульдозер и несколько двадцатитонных балок...

Но битум... И в Москве-то летом иногда тротуар продавливается под каблуком. А что будет здесь, при пятидесяти градусах? Потечет как масло! Да, проблема...

Главного специалиста видели в один и тот же день в десятках мест. Он бывал на производственной базе на шестнадцатом километре, а от туда неутомимый Гонтарь мчал его в губернаторский дворец. Потом в передвижных лагерях он проверял, работает ли душ и чем кормят. Осматривал только что возведенные мосты и новые километры дороги. А мозг сверлила назойливая мысль: «Что будет с битумом?»

Проблема неожиданно решилась сама собой. Первые же метры черного покрытия легли прочно. Битум не плыл! И помогла в этом... Тихама: несомый ветром песок мгновенно обволакивал черную липкую поверхность и превращал ее в твердое, словно камень, полотно гладкой дороги.

Теперь представилась возможность съездить в Сану.

За окошком «газика» проплыли окраины Ходейды и скоро показались холмы свалок. Петров-Семичев привык, что подъезды к йеменским городам отмечались такими своеобразными вехами.

Вдоль дороги сидели огромные птицы с голыми шеями — грифы. Сновали собаки в рыжих подпалинах, напоминающие лаек. И собаки и грифы были радикальной санитарной службой. Без них свалки стали бы рассадником эпидемий. Да еще страшное солнце выжигало здесь всю нечисть.

У Ходейды грифы жили в песчаных норах, и Юрий Александрович часто слышал их пронзительный, неприятный до тошноты писк и клетот. В Сане орлы базировались на крышах. И в Сане,

и в Ходейде они вполне мирно уживались с собаками сворами.

В столице Петров-Семичев проехал по широкому проспекту, обсаженному деревьями черного перца, с глиняными оградами от коз, немощеному, как и другие улицы Саны, и углубившемуся в лёссовую почву, словно русло реки. По сторонам проспекта теснились старинные многоэтажные дома, украшенные замысловатым гипсовым кружевом. Солнце горело в граненых стеклах витражей. Город поражал своей живописностью. Особенно удивляли Юрия Александровича роскошные входы в строения, даже самые убогие хибары имели тяжелые резные двери, украшенные гвоздями с медными шляпками.

В Сану на третий день вслед за Юрием Александровичем приехал Слава Герасимов. Он был секретарем парторганизации советских специалистов-дорожников и нравился Петрову-Семичеву отчаянной энергией и какой-то застенчивостью. Застенчивость не мешала Герасимову временно становиться жестким, добиваться своего во что бы то ни стало. Они подружились в первые дни и любили повторять, что соли из Красного моря съели вместе не меньше пуда — оба были заядлыми ныряльщиками и выходные проводили в море — гарпунили рыбу, таскали раковины...

Разыскав Петрова-Семичева и блаженно усевшись под эркондишн, Слава рассказывал:

— Работаем по ночам — днем у битума стоять рядом даже нельзя. Да вы же начало видели? Теперь дорожка растет по часам. А красота ночью! Прожекторами зальем полкилометра — светло, как в полдень. Битум ложится камнем. Вот только на свет москиты валом валят — спасения нет. И мыши к свежему гудрону прилипают. Утром идешь — сидят! А один раз лиса даже приклеилась, худая, хвост облезлый. Всеми четырьмя лапами приклеилась. Бензином оттирали, выпустили...

Ночью они долго не могли заснуть. В Сане — несколько десятков минаретов, и в урочный час с высоких площадок начинали кричать динамики, транслируя магнитофонные записи голосов муэдзинов. Диссонирующие, резкие звуки будили собак, и через мгновение динамики захлебывались и растворялись в истошном псином вое.

Герасимов лежал с закрытыми глазами и слушал, как Юрий Александрович размышлял вслух:

— Представляешь, вот мы закончили дорогу и несемся с тобой в открытом «газике». Ветер бьет в лицо, Тихама вроде уже и нет, а мы замечаем: ага, вот вади, где «сидели» первый раз. А вот на этом месте отказала электростанция, и строители — без воды...

В сентябре 1969 года они ехали по новенькой прямой дороге, и под колеса «газика» бежала смиренная Тихама. Ветер бил в лицо. Мелькали белые дома и зелень юных рощ.

На торжественной церемонии Петров-Семичев делал последний доклад.

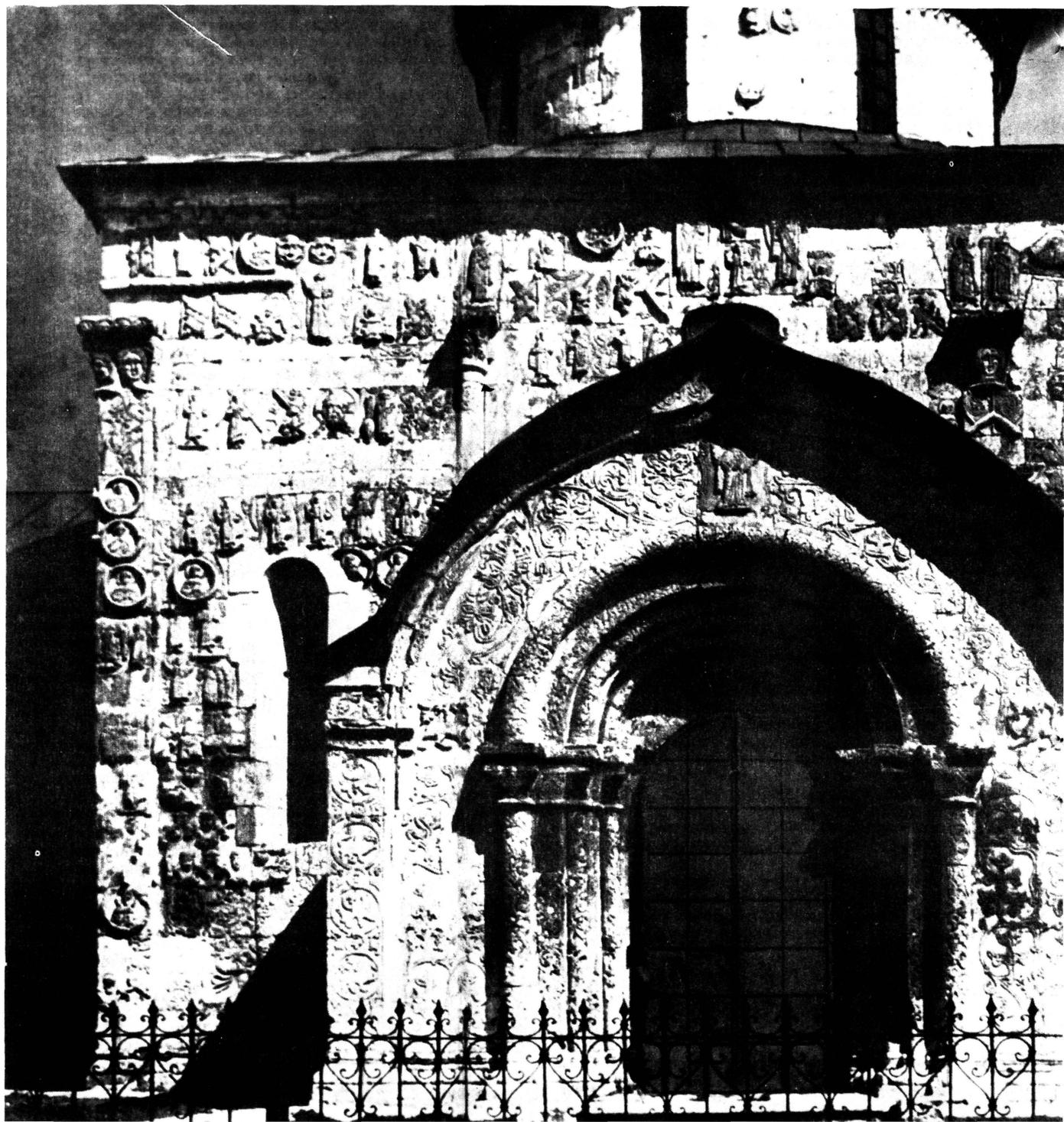
Доклад был сух и деловит. Он пестрел цифрами тонн и кубометров, числом машин, названиями построенных заводов и мастерских. Он был прекрасен своей сухостью, и ничего не требовалось к тому, что все видели своими глазами: дорога блестящей полосой разрезала Тихаму.

Ю. ЛОЩИЦ,
наш спец. корр.

О, ПОЛЕ СВЕЛОЕ

Белое, белое, белое...
И так на десятки кило-
метров, по обе сторо-
ны пути, только поля в
белом и серое сверху, да ры-
жеет кое-где не присыпанная
снегом стерня, да еще телеграф-
ные столбы мелькают, и рябят
в глазах щиты снегозадержа-
тельных линий.

Так чуть не прозевал было са-
мого начала. Похоже, будто пар-
ок проскользил над снегами
в одном и в другом месте, и на

миг смазалась там граница земли и неба. Что это? Прихоть зрения или кто надыхал на стекло? Да нет, еще и еще снялось что-то полупрозрачное с места, зависло в жгут, рассыпалось в прах. Вот уж у самой дороги рванулось вперегонки с автобусом сыпучее колесо.

Минута — вскипела метель. Косо, под еле заметным углом к насту, ударил снег, и все пропало: провода, щиты, малые деревца посадки, небо, поле —

все. Будто автобус на полном ходу влетел в глухое облако, в середине которого неистовствуют, сшибают, валят друг друга и снова вскакивают и грызутся озверелые воздушные токи. Каждая зеринка со своим негодующим нетерпением зазвенела о стекла косою крупой.

— Ишь, кака деруга, — громко сказала пожилая женщина и покачала головой. — Ишь, дерет...

И все в автобусе оживились, заерзали на сиденьях, стали обмениваться впечатлениями. Сколько сделалось неожиданной радости! В середине стихии, отгороженные от нее лишь тонким прозрачным стеклом, мы сидим тут все, и нам тепло, уютно, и, должно быть, у каждого в уме веселый вызов: ну пусть еще прибавит, пусть еще наддаст!

Так и в город мы въезжаем почти вслепую, на мохнатый свет ранних огней. На стоянке живо высыпали, со смехом, визгом, оханьем, кто куда в колючую мглу, каждый к своему жилищу, теплому очагу.

Весь вечер и всю ночь надрывался за стеклами ветер. Метели обложили город осадой, ломались с полей на улицы, раскачивали тяжелые фонари у архиерейских палат, облизывали в торговом ряду витрины с сувенирами. И какая-то диковатая свежесть была сейчас в облике города, будто непогода снова поворотила его в то прошлое, ради встречи с которым сюда ездят на автобусах и летят в межконтинентальных лайнерах все языки земли.

Всю ночь порывы ветра доносили с соборной колокольни металлический отсчет минут, и пять могучих куполов угадывались вверху со своими космическими звездными сферами, а внизу, на снегу, бросая отблики на апсиды, под котлом со смолой гудело до утра оставленное рабочими пламя.

Перед рассветом метель откатилась в поля. К почти девяти своим векам Суздаль прибавил еще одни сутки.

Стояла Киевская Русь.

Стояла Русь Полуденная — щедрая и тучная поднепровская земля. А выше, за болотами, за

зернистыми валунами водораздела, открывалась в тенях облаков Полуночная Русь — область новгородцев.

Была еще Русь Червленая — к ней идти на запад, туда, где эхо гуляет в Карпатах и где видны сторожевые вежи — башни из белого камня. По-над этим краем жили кривичи, а города у них Полотеск, Друтеск...

Скромней других и не вдруг заявила о себе еще одна сторона Руси — могучие пахотные пространства Залесских ополий, что в междуречье Волги и Оки; — покатые бугры, изумрудные луга, нежные перелески под тихим, медлительным небом. Из многих здешних полей собирается одно большое, и имя ему будет Ополье. Мерными валами уходит оно во все стороны, ничем не стесненное. Так, все расширяющимися кругами летит от своего источника звук — о-о-о! — а в нем радость и вопрос, избыток щедрой силы. И невольно в самом этом имени, в самом звуке — Ополье — современному слуху чудится первоначальное изумление новосела: о поле!

Тут Ростовский, Суздальский, Владимирский приделы киевского материка, та Русь, которую сегодня мы зовем срединной, — светлорусая, светлоокая, окаящая.

От Москвы до нее рукой подать. Там, где начнут окать, там, считай, и она начинается. Утром, в Александрове, когда набьется в московский поезд веселый народ грибников, ягодников, охотников и рыболовов, различишь это особое от столичного говореенье — свежащую речь с глубоким, старательно-округлым «о», которое, еще чуть-чуть, и сойдет за «у». Или где-нибудь на полдороге от Москвы до Владимира, на маленькой автостанции, услышишь, как женщина зовет с крыльца:

— Ольк, а ну домой, уроки готовить...

И это сокровенное «о» — тебе знак, что за каких-нибудь два часа ты промахнул пространство, которое когда-то преодолева-

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

ли за сутки. И упоминание, что ты уже внутри Владимирской земли.

Или в колокольном Ростове, где говорят негромко и не спеша «озеро Неро», а не «озера Нера», как произнес бы приезжий москвич, или еще севернее будешь, на Волге или в Вологде, — везде умилит это открытое, по-детски незащищенное «о». Станный, подумаешь, народ, с утра до ночи катит на них свои волны столичное радио, каждый почти имеет в доме телевизор, да и вообще как население-то перемешалось везде, но вот же окают по-прежнему, будто ни в чем не бывало, как окали тут сто и более лет назад: о поле!..

И вдруг открываешь для себя: да ведь оно круглое — Ополье! Явись нужда, так, кажется, и обозначил бы его в виде круга. Потому что оно кругло, как раздольные окоемы, открывающиеся здесь взгляду, как буква «о», столь любимая здешними жителями, как заснеженные земляные валы старых городов, как, наконец, шипучие вьюжные колеса, которые из края в край, по всей опольной округе гонит ветер.

Ветер ли, другая какая сила затянет тебя сюда, к историческим стенам, к ветхим камням, и уже на всю жизнь ты в этом кругу.

Так и «золотой век» владимиро-суздальского зодчества, век белокаменных храмов, на встречу с которыми люди едут в автобусах и летят в межконтинентальных лайнерах, хочется изобразить в виде круга. Этот мысленный круг, охватывающий неполное столетие, прочерчен от строгих, аскетических стен храма с выпуклыми лбами трех апсид и простым арочным пояском по стенам, стоящего в четырех километрах от Суздаля, в селе Кидекша; мимо владимирского Успенского храма с его золотым оглавным шеломам; мимо ставшего рядом Дмитриевского собора, на который будто принаброшена сверху легкая и полупрозрачная накидка с фантастически затейливыми узорами; мимо дворца в Боголюбове и храма Покрова на Нерли — мимо всех этих знаменитых, описанных в летописях и стихах строений. И у точки замыкания, на мелкой речушке будет малый, по преимуществу изысканный, городок

Юрьев-Польской. А в центре его (хочется сказать: в самой сердцевине Ополья) окольцованный белыми валами белый же Георгиевский собор.

Но странное чувство разочарования охватит, когда окажешься у этой последней черты. После горделивых и стройных храмов Владимира Георгиевский собор видится каким-то старчески оплывшим, стоит грузно и сугробисто. Это ли, думаешь, вершина строительного дерзания, это ли достойный итог целой зодческой эпохи? Не преувеличивают ли знатоки?!

...Каждое из изображений — лев, положивший голову на лапы, слон с когтями на ногах, китоврас-кентавр, воин, мученик, подвижник — каждое из них действительно прекрасно, и к ним хочется притронуться рукой, погладить, удостовериться в том, что это не сон, а прочный камень, мастерски обработанный когда-то резчиком.

Но все вместе? Там сбившейся группой стоят святые воители, там лев «влез» под стол, за которым восседают три ангела, там спящий юноша полулежит среди камней с растительно-звериным орнаментом, отделенный от остальных «отроков эфесских», хотя им надлежало бы находиться вместе, в одной группе. Глянешь ли на лица — в одном угадываются смягченные черты князя-русича, другое строгим профилем напомнит византийца, в третьем различишь усатого жителя Карпат или даже угорца, а вот лицо и совсем уж неожиданное, по-восточному широкооскулое. И только плечами пожмешь: чья ж это прихотливая фантазия собрала вместе и поместила впритык друг к другу столь несоединимые лица, фигуры, сюжеты?

Что за странная метель накатилась сюда однажды из засугробленных оврагов и в одну ночь перемешала все, что было на стенах, перекрутила, перекожежила, искособочила и с визгом отскочила в темень, тешась содеянным?

В далеком 1234 году, за четыре года до нашествия степных орд, здесь, в Юрьеве, будто в томящем предчувствии близких бурь, каменщики возвели строение, которому суждено было не только прозвучать

мощным финалом «золотого века», но и всю русскую культуру предыдущих веков озарить высоким прощальным светом.

Собору посчастливилось уцелеть в воинских бурях, и он более двухсот лет простоял, пока не сделался «ветх днами». В XV веке произошла катастрофа — своды Георгия рухнули. О том, как ценилось это здание на Руси, говорят быстрые и решительные действия Москвы, посланной на восстановление храма известного архитектора В. Ермолина.

Легче всего бранить Ермолина за спешную и неумелую реставрацию. Но будем помнить о том, что большое все-таки видится на расстоянии. Ермолин этого большого увидеть не сумел или не смог и даже невольно сделал его малым: дело не только в том, что в новом виде храм сделался значительно ниже, приземистей, кургузей, чем был вначале. Самое печальное было в том, что своды и стены возводились из первых попавшихся под руку плит, по мере того как извлекали их из руин, и вот в результате лев угодил под ноги ангелов «Ветхозаветной Троицы», «отроки эфесские» лежат в разных местах, а для множества фигур, масок, композиций места на стенах не нашлось.

...Бывает, читаешь какую-нибудь старую книгу, увлечешься, разгонишься — и вдруг будто сорвешься в пустоту: оказывается, треть текста отсутствует, вырвана или выпала по ветхости из середины. И с обидой откладываешь книгу: что ж читать дальше, если как раз на этих недостающих страницах, может быть, самые главные события!

Примерно так и с Георгиевским собором получилось. Пробовали его «листать» — и откладывали: темно, невнятно, безнадежно...

Однажды в Юрьев приехал человек, заинтересовавшийся рельефами Георгия, наш современник, историк древнерусского искусства Г. К. Вагнер. Он ходил у покрытых лишайником стен, присматривался, недоумевал, огорчался и в отличие от нас, научных сегодня его книгами, ничего почти не знал наверняка о первоначальном Георгии.

Вокруг текла жизнь, урчали

грузовики за валами, стучали копытами низкорослые лошадики из ближних сел, зимою женщины возили детей в плетеных санках-кошечках. И может быть, как это бывает у людей, которые изучают что-то резко отдаленное от сегодняшней обыденной жизни, его иногда тоже тревожила эта очевидная отдаленность. И право, так ли уж нужно знать, каким именно было семь столетий назад милое и беззащитное в своей грузности строение? Нужно ли такое знание колхозникам, толпящимся у торговых рядов, нужно ли оно румяным школярам, что несутся на санках по крутому скосу земляного вала?

Но если у человека есть забота о детях и ответственность перед ними и перед их детьми, перед всеми, кто будет после нас, то вправе ли мы думать, что нет у нас и обратной ответственности — перед отцами и дедами, перед этим необозримым и неисчислимым сонмом людей, которые корчевали неподатливую землю, рыли колодцы, разминали в руках глину, писали прочные буквицы на пергаменных листах, ходили на сечи с супостатами, пели тягучие песни, растирали цветной камень в ступочках, собирали травы от сердечной боли, плавали в разведку по новым руслам, крошили хлеб на могилах, стучали резцом по белым плитам, пускали на ночлег сирот и нищих, рождались и умирали незаметно, — вправе ли мы отказаться от этой нашей общей и по преимуществу безымянной пражизни?

А если мы за эту жизнь отвечаем, то как же пренебречь тем, что составляет, может, наиболее полное ее выражение и в чем она представлена своей вечной, неотменяемой стороной! Прошли годы, пока не увидел ученый то, что исчезло, казалось, безвозвратно.

...От основания стен, будто продолжение трав и стеблей, зеленющих внизу, ползут вверх густые каменные заросли, сквозь которые глядят на нас полувывы-полурастения, звери с птичьими клювами и крыльями, сирены, барсы, кентавры, пернатое, клыкостое, кишмя кишущее по зарослям зверье. Это живая материальная стихия, растительно-животная плоть материи земли, все то, что расподобилось

без числа на роды и виды, чтобы на свой манер радоваться общему воздуху и свету.

А выше — там люди, для которых солнцелюбиво и пышно цветет земная почва. Там венец творенья — многоликий человек: мы видим лица ратников и князей, подвижников и мастеровых, юношей и старцев — всех, кто победил в себе страх перед слепыми «языческими» силами природы и научился видеть в ней добро, беззлобное и праздничное начало.

Еще же выше, в закомарах — третья, «небесная» сфера изображений, тот идеальный космос, в ликах и образах которого средневековый человек искал подтверждение своим думам о справедливости, о смысле жизни.

Так и стоит здесь человек, тесно связанный с землей, с ее текучими событиями, но одновременно и обращающий глаза к небу, и именно через человека осуществляется связь земного и небесного, временного и вечного, «перстного» и духовного. Человек как бы пребывает внутри круга, того самого, что, по понятиям той поры, означал вечность.

Но не только эту общую мысль извлек ученый из хаотических рельефных нагромождений. В задании заказчика, в работе мастеров столько было неповторимо личного, что и оно не могло не выплеснуться на стены. И вот поддалась прочтению: горячая забота о единстве и величии Владимиро-Суздальского края, любовь к зрелищу, к гротескному и фантастическому началу в природе; наконец, стремление донести в линии и объеме опыт своих учителей, запах земель, из которых они пришли в Ополе.

Так и удивлявшая было нас вначале «многоликость» представленных на стенах персонажей становится объяснимой: кроме русских, работали тут мастера из других стран. Ученый даже подсчитал, сколько точно было резчиков и кто над каким камнем трудился.

А все вместе мастера сказали поистине соборное слово, потому что все, что было лучшего на земле и «в человеках», было здесь ими собрано и представлено.

Наш современник услышал это слово, понял его смысл и пересказал нам. Ученый произ-

вел «мысленную реставрацию», и в том, что работа удалась, видно действие особого закона — закона исторической справедливости. Какая ни свирепствуй на земле непогода, какие ни обрушивайся на страну беды, но ничто истинно великое не может исчезнуть в истории, в темной ее пучине. Хоть как-то, а намекнет оно о себе, скажется, и если очень мы его возжаждем, то в конце концов ливится оно в своем изначально чистом виде.

Улягутся вихри, заблестят под солнцем снега, проступят стройные формы, отвоєванные человеческой мыслью у хаоса.

Как это у Пушкина сказано?

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

На главной площади Суздаля задержались мы ненадолго возле свежерытого котлована. Внизу стоял бульдозер и видна была свежая кирпичная кладка. Шла обыденная работа, бригада строителей готовила фундамент под строение, которое продолжит здесь торговые ряды. Да не так уж мы и любопытствовали, что тут будет. Просто был тихий предвечерний час. Небо после ночной метели светилось едва вятной умиротворенной лазурью. Несколько мальчишек стояли на гребне глинистого выброса и молча смотрели вниз, на каменщиков. Те только что выскребли до дна бадью с цементным раствором и теперь устроили перекур. Спокойные краснолицые люди в телогрейках негромко переговаривались, попыхивали папиросками, обнажали в улыбке зубы. И было в неспешности, с которой они все это делали, что-то прочное, надежное. Вот такие же, в сущности, люди, с такими же глазами и улыбками строили на этой земле и когда-то. То узкую плинфу, то белый камень, то звонкий кирпич принимали в руки, пробовали на вес и примеряли на глаз, долго ли будет нести службу... Такие люди умеют вылечить пострадавшие от времени стены, умеют найти в густой земле раскопа стертый угол древнего фундамента. Да они и сами еще сумеют возвести на этой земле такое, что не стыдно будет перед мастерами былых времен.

ИМАГАДАБАМУА!

Фантастический рассказ

Что знаем мы, двадцатилетние, о войне? Мы, ни разу не видевшие разрывов бомб, не слышавшие свиста пуль, никогда не голодавшие, не знавшие, что такое похоронная, безногий отец, в тридцать лет поседевшая мать.

Что знаем мы о войне?..

...Близилась экзаменационная сессия. Около университетской роши нельзя было пройти, не захлебнувшись запахом цветущей черемухи. Днем уже было жарко. Вечером — еще прохладно. Проспект Ленина от Дворца Советов до Лагерного сада заполняла шумная, смеющаяся толпа. Время вечерних и ночных гуляний.

Я учился в Усть-Манском университете на историческом факультете. Мы гурьбой шли с лекции по теории прогнозирования на лабораторные занятия в главный корпус.

— А вы знаете, — сказал Валерий Трубников, — эта лабораторная — практически зачет по прогнозированию будущего.

— Ну да! — ахнула идущая рядом со мной Вера и схватила меня за локоть. — Это правда?

— Правда, правда. — Трубников утвердительно закивал головой.

— Откуда ты взял? Откуда ты знаешь? — загадели вокруг.

— Знаю, и все. Сами увидите.

Нельзя сказать, что его заявление нас обрадовало. Все знали педантичную скрупулезность старшего преподавателя Тронева, который вел лабораторные. Его любимой фразой было: «С временем шутить нельзя».

Он выжимал из нас все. Он заставлял нас думать так, что голова раскалывалась на части. Его не устраивали витиеватые или слишком эмоциональные рассуждения и доказательства.

Рисунок И. ГОЛИЦЫНА

Ему была нужна строгая логика. Только логика. Мы считали его сухарем.

После яркого солнца легкий полусумрак коридоров был даже приятен. Рассчитанные на двух человек учебные машины времени располагались в правом крыле старинного здания на втором этаже. Все лабораторные я делал вместе с Верой, и в группе уже перестали острить на эту тему. Привыкли.

Содержание лабораторных работ всегда сводилось к следующему: нам отводился определенный участок времени в прошлом, и минут пятнадцать мы могли наблюдать события, происходящие в нем. А потом, пользуясь математической машиной и своей головой, мы должны были сделать заключение, что изменилось бы, не будь тех событий, которые все-таки произошли. Ведь историкам полагалось не только знать прошлое, но и разбираться в нем, проследить его неосуществленные возможности, мыслить исторически, делать выводы и на их основании видеть будущее, потому что даже историка, занимающегося изучением древнейшего мира, в первую очередь интересует все-таки настоящее и будущее человечества.

У нас уже были подобные лабораторные. Не очень сложные, часто в присутствии преподавателя. Сегодня же все должно быть гораздо сложнее. Теперь мы должны узнать, чему научились.

Старший преподаватель Тронов вошел в кабину и положил на стол конверт.

— Если кому-нибудь станет плохо, нажмите вот эту кнопку, — сказал он. — Это слушается.

— Почему? — спросила Вера.
— Война... Что вы знаете о войне? — Тронов пожал плечами.

— О какой войне? — осведомился я, стараясь казаться деловитым молодым историком.

Тронов как-то странно посмотрел на меня и пожевал губами, словно что-то хотел сказать и передумал. Рука его двигала конверт по столу. Я машинально проследил это движение глазами. «Великая Отечественная... 1941 г. ...» — было написано на конверте. Остальное загромождали чуть заметно вздрагивающие пальцы. Странно, сухарь Тронов волновался и хотел скрыть это.

— Об этой войне мы знаем. И много, — уверенно сказал я. — Брест. Ленинград. Севастополь.

— Сталинград. Берлин, — подхватила Вера.

— Люди, в первую очередь люди, — тихо сказал Тронов и пошел к выходу. — ...То была война за вас.

— Что он сказал? — спросил я Веру.

— Что это была война за нас. Так, значит, мы будем участвовать в войне! Сережка, ведь это здорово!

— Участвовать, — передразнил я ее. — Смотреть со стороны. Кино.

— Нет. Это не кино. Это действительно было.

Мы прочитали задание, набрали на пульте машины координаты пространства и времени и включили ее.

...Пронзительно завизжали тормозные колодки, и поезд остановился. Из теплушек, как горох, посыпались люди. Над головой на бреющем полете пронеслись один за другим три самолета. Горели два средних вагона. Люди скатывались с насыпи и бежали в степь. Женщины и дети.

Эффект присутствия был ошеломляюще полным.

Рядом со мной упала женщина. Она была в сером тяжелом платье, черном платке и кирзовых сапогах. Девчушка лет пяти раза два дернула ее за руку, говоря: «Мама, мама». Потом, поняв, что мама уже не поднимется, закричала страшно, захлебываясь слезами и трясая маленькими кулачками:

— Ма-а-а-а!

Рядом, оставляя за собой полосу крови, ползла женщина к краю воронки, где еще что-то шевелилось, полусасыпанное землей, что было ее ребенком, мальчиком или девочкой.

В открытом поле смерть настигала людей быстро и безжалостно. Горели уже почти все вагоны. Люди бежали по полю, падали, зарываясь ногтями в землю. Пахло горелым. Пахло цветами. Это смешение запахов было настолько неестественным, диким, что хотелось закричать.

Все это навалилось на нас так внезапно. Смерть, смерть кругом. После солнца и весны, после запаха черемухи...

Какой-то лейтенант, еще почти мальчишка, пытался навести порядок в этом кричащем мире,

приказывая лежать или бежать к балке, видневшейся метрах в трехстах, в зависимости от того, где были самолеты.

На тендере паровоза застроил пулемет. Трое в военной форме с грязными полосками бинтов разворачивали его навстречу ревушим самолетам. И вдруг один из самолетов, выпустив черный шлейф дыма, с визгом понесся к земле и ухнул где-то за полотном дороги.

Вера стояла на обгоревшей траве рядом с воронкой.

— Ложись! — крикнул я, хватая ее за руку и рывком пытаясь бросить на землю. — Ложись!

Она вырвалась и бросилась к сидевшему метрах в пяти ребенку, спокойно подбрасывающему комья земли. И когда земля, рассыпаясь, летела ему в лицо, он смеялся и смешно отплевывался, пуская пузырьки. Совсем рядом с ним возникли бурундучки пулеметных очередей. Это его не испугало. Для него еще не существовало понятия «война».

Вера бросилась к нему и вдруг в полуметре, широко расставив руки и навалившись грудью, как бы уперлась в упругую стену воздуха, не пускающую дальше. Она стучала о невидимую преграду кулаками и что-то кричала, пока, обессиленная, не сползла вниз, к траве.

Я на ощупь нажал кнопку возврата. Панели пульта управления, высокие стойки аппаратуры, мягкий, приглушенный свет, букетик цветов в стакане на столе. Скорченная фигура Веры в углу кабины, возле самого выхода. Я бросился к ней и приподнял, думая, что она потеряла сознание. Но она широко открытыми глазами посмотрела на меня, через меня, вдаль, в пустоту и осторожно высвободилась. Подошла к столу, села, уронив голову на ободранную крышку стола. Я знал ее, знал, что творится в ее душе.

Так она сидела довольно долго, и я не смел потревожить ее. Потом она подняла голову и сказала:

— Все сначала.

— Можно отказаться от этой работы и попросить другую.

— Другой такой быть не может. Я выдержу.

...Пронзительно завизжали тормозные колодки, и поезд остановился... Мы стояли на краю

воронки. Ветер, смешанный с дымом, рвал волосы.

Плача и размазывая слезы по грязным щекам, кричала девочка:

— Ма-а-а-ма!

Играл сухой обгоревшей землей ребенок. Он был еще настолько мал, что нельзя было понять, девочка это или мальчик. Бурунчики пулеметных очередей возникли почти рядом с ним, и он, смешно переваливаясь на коротеньких неокрепших ножках, затопал к этому месту, неумело повторяя: «Мма... мма... мма...»

Через секунду он был убит.

Страшный эпизод далекого прошлого на мгновение смазался — и изображение исчезло.

— У нас мало времени, — сказала Вера. — Начнем моделирование. — Ее глаза сухо блеснули, встретившись с моими. — Ничего, Сергей. Мы успеем.

Нам нужно было проследить судьбу малыша в предположении, что он останется живым. И мы делали десятки таких предположений, выбирая наиболее вероятный вариант его будущей жизни. Логическая машина, исполняя информацию о прошлом человека, о людях, которые его окружали, событиях, выбирала наиболее возможный вариант, и мы его видели. Вся трудность заключалась в том, чтобы учесть наибольшее количество существенных, главных факторов, отыскать их среди, может быть, на первый взгляд более бросающихся в глаза, более эффектных. Эта работа требовала железной логики, умения мыслить строгими логическими категориями, сдерживать в себе раздражающее сознание взрывы эмоций, обязательно возникающие при этом. Эта работа требовала обширных знаний о том времени.

И вот мы увидели, как маленький человек неуверенно сделал шаг к своей смерти, покачнувшись и упав, не дойдя до нее двух шагов. А через минуту самолеты, израсходовав весь свой боезапас, скрылись на горизонте.

Вокруг плакали, перевязывали раненых, искали родных и знакомых и находили их лежащими в неестественных позах смерти.

Потом вереница людей потянулась вдоль насыпи на восток. Ребенка несла на руках чужая

старуха, почерневшая от горя, сухонькая, маленькая. Как она только его несла?

Мальчик, это оказался мальчик, попал в детдом, окончил школу, Томский университет. В сорок лет он разработал математическую теорию раковых заболеваний. Это почти на год раньше, чем произошло на самом деле. Кто-то другой сделал это на год позже. На год позже... Сколько жизней не удалось из-за этого сохранить.

Второй человек, тот, который грязным комком еще шевелился на краю воронки, не стал бы выдающимся ученым. Он был бы учителем истории.

До звонка оставалось не более трех минут, когда Вера сказала:

— Я хочу изменить судьбу девочки. Пусть ее мать останется живой. Хоть краем глаза я хочу посмотреть на это.

Я молча кивнул.

Сначала мы увидели то же, что и раньше. Женщину, лежащую с запрокинутой головой, и девочку. Услышали ее крик:

— Ма-а-а-ма!

Потом то, что хотели увидеть: улетающие на запад самолеты и женщину, иступленно целующую свою дочь. Слезы радости, безмерной радости и счастья, что ее дочь жива и невредима, что она будет жить. Девочка, прильнувшая к матери. К заплаканному, постаревшему лицу матери.

Я тронул Веру за локоть:

— Звонок.

Она сама нажала кнопку возврата в настоящее.

Вся группа собралась в коридоре. Не было обычного оживления и вопросов «ну как!», «успели?».

Ну что ж. Мы выполнили задание лабораторной работы. Осталось сделать выводы. Тронов обычно не торопил нас. В своем маленьком кабинетике он будет работать допоздна. И мы можем прийти к нему когда захотим.

Мы вышли из университета. На воздухе по-прежнему было солнечно и жарко. По аллее возле фонтана гуляли с детьми мамы и бабушки. Где-то вдалеке пели песню. Низкий женский голос радовался маю и цветам. Мы прошли мимо фонтана и свернули вправо, к библиотеке. Там, под ветвями сосен, было прохладнее. Все молчали, потом Трубников сказал:

— Так и будем молчать?

Я уже сделал выводы. Тут и размышлять-то особенно нечего.

— Эх, война, война, — со вздохом сказал кто-то.

— Что война?! Надо было спасти этого гения любой ценой! Если бы было возможно... я бы спас его. Он бы принес столько пользы человечеству!

— А других? — спросила Вера.

Трубников любил мыслить глобальными масштабами.

— Раз уж так получилось... А он ведь гений!

— Нет. Ответ должен быть другим, — сказала Вера. — Разве дело в том, что одним великим человеком могло быть больше? Просто человек мог быть... Дело не в том, что убили будущего ученого. Они этого еще не могли знать. Убили чью-то радость, чье-то счастье. Главное в том, чтобы не было этого страшного крика: «Ма-а-а-ма!» Чтобы никогда не было этого страшного крика. Пусть из нее или из него не получилось бы гения, все равно людям от этого было бы лучше... Но это было... было за нас.

— Тронова этим не возьмешь, — сказал Трубников. — Ему нужна только логика, строгие доказательства, без эмоций.

— Это самая лучшая логика! Я пойду...

— Я с тобой, — сказал я.

Мы побежали по молодой, еще только начинающей выбиваться из земли траве. Почти вся группа...

Тронов поднял на нас чуть настороженные глаза, когда мы ввалились к нему в кабинет. И я понял, почему волновался этот сухарь, когда раздавал нам конверты с заданием. Уж конечно, не потому, что боялся, вдруг мы не выдержим, он хотел знать, что мы сами из себя представляем...

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. По лицу Тронова скользнула улыбка. Нет. Мне не показалось. Этот человек был счастлив. Потом он отвернулся к окну и сказал:

— Логика. Только логика. Заходите по двое.

А когда он отошел от окна, то снова стал таким же, как и всегда. Только теперь мы стали немного другими. И мы видели его по-другому.

Запах цветущей черемухи врывался в открытое окно. В Усть-Манске это было время вечерних и ночных гуляний.

ПОД СОЛНЦЕМ РАЗУМА

ПРИРОДА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: НОВЫЙ ПОДХОД К БИОСФЕРЕ.

В Куприна есть рассказ «Болото». Спокойный и жуткий рассказ. Читателя медленно охватывает тяжелый запах гнилых водорослей, липко колышется туман, жирно хлюпает ти-на, и голос глохнет, точно отсырев. Посреди болота, посреди мокроты и сумерек живет семья лесника.

«— Что-с? — переспросил Степан. Густая щетина на его лице разошлась, и опять из нее глянули добрые усталые глаза. — Больная, вы спрашиваете? Все мы тут больные. И жена, и эта вот, и те, что на печке. Все. Во вторник третье дитя хоронили. Конечно, местность у нас сырая, это главное. Трясемся вот, и шаша!..»

— Отчего же вы не перевелись куда-нибудь в другое место?

— Чего-с? Да, в другое место, вы сказываете? — опять переспросил Степан. Казалось, он не сразу понимал то, что ему говорят, и с видимым усилием, точно стравивая с себя дремоту, направлял на слова Сердюкова свое внимание. — Оно бы, барин, чего лучше перевестись. Да ведь все равно кому-нибудь и здесь жить надо... До меня в этой самой сторожке жил лесник Галактион, трезвый был такой человек, самостоятельный... Ну, конечно, похоронил сначала двоих ребяток, потом жену, а потом и сам помер. Я так полагаю, Миколай Миколаевич, что это все равно, где жить».

Что здесь страшней — рабская зависимость от социальных условий, покорность в мыслях или власть природы над человеком, — не знаю. Образ болота, символ гнетущей земли, вобрал в себя все.

В хронике предоктябрьских дней есть один выразительный штрих. Последнее подполье Ленина — квартира Фофановой. Канун революции. Ожидая новостей, Владимир Ильич листает книги хозяйской библиотеки. Отбирает для чтения несколько томов. Среди них — популярная книга о достижениях замечательного американского селекционера Лютера Бербанка и труд молодого исследователя, впоследствии ученого с мировым именем В. Н. Сукачева «Болота, их образование, развитие и свойства».

Почему даже в такие дни Ленина интересовало новое слово в науках землепользования? Переустройство общества неотделимо от переустройства природы, рационального использования, приумножения ее богатств, разумного хозяйствования.

На Земле в двадцатом веке пашнями, лугами, пастбищами, садами охвачена без малого треть суши. И почти на половине обрабатываемых земель гуляет эрозия.

Алтайские мотивы. Фото Т. ЧЕХОВСКОЙ

Такой вот итог... В чем, однако же, дело?

«Человеческие проекты, не считающиеся с великими законами природы, приносят только бедствия» (Маркс), — было записано у Ленина в одном из конспектов.

Не считающиеся с великими законами природы...

СДВИГ ВО ВРЕМЕНИ

Природа нетороплива. Десятилетия и века — обычно это самый краткий миг, за который на земле успевают произойти сколь-нибудь существенные изменения. У людей иной масштаб времени. Даже обширную местность сейчас можно

ПОКОРЕННАЯ ИНГУРИ

Стройка в горах — всегда неожиданность. Казалось, природа столь крепко возвела здесь каждый камень, так неприступно вознесла вершины и произошло это так давно, что человеку ничего не оставалось, как привыкнуть к замершему величию гор. Вот почему в горах удивляет каждая встретившаяся на пути сакля. И даже полуразвалившаяся от времени старинная крепость, сыплющая осколки с вершины неприступной скалы, смотрится здесь трудной победой человека.

Вот почему эта стройка поражает еще больше. Невозможно определить степень удивления, когда человек, поднявшись по головокружительной гор-

ной тропе, охватит вдруг взглядом всю ее. Пенистоголубая змея Ингури стремится далеко вниз. Ее не слышно, ее шум только виден: не ревет же река, бегущая такими прыжками, не реветы! Но слышен мерный шум труда многих людей... На строительной площадке, раскинувшейся на семьдесят пять километров, режут машины, корябают и рвут камни огромные ковши экскаваторов, поднимая и перекладывая свою ношу с удивительной целесообразностью, на которую способен только человек, занятый нужным ему трудом...

Строится Ингури ГЭС. Новая ГЭС даст электроэнергии в сорок раз больше, чем вырабатывала Земоавчальская ГЭС в годы первой пятилетки. Во всю шумит стройка... Пенится Ингури.

Фото В. САККА

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

перекроить за считанные годы. Но едва окончены работы, как их результат попадает в круг неспешно действующих природных процессов. Долго идет притирка, медленно устанавливаются новые связи, и бывает так, что неожиданно природа показывает зубы уже при жизни других поколений.

Ибо природа — система невероятно высокой

сложности. Любой ее элемент не существует сам по себе. Дерево, например, может жить лишь в связи со строго определенным растительным сообществом, в «своей» почве, со «своими» микроорганизмами, насекомыми, птицами; ему необходим особый режим грунтовых вод, особый режим света, и характер ветров ему тоже безразличен. Но и

эти все элементы так же точно зависят от дерева. Стоит решительно изменить хотя бы один, как все придет в движение, система нарушится, и подчас незаметно для глаза это будет длиться, может быть, века, прежде чем наступит равновесие. Но это уже будет новое равновесие новой природной системы.

Природа неделима и мстит тем, кому это невдомек. Столь же сурово она наказывает тех, кого интересует минутная выгода, кто не хочет предвидеть, что будет завтра. Но именно такова рваческая психология дельцов: прибыль немедленно, любой ценой и на моем крохотном участке. А что вокруг и что потом — наплевать.

Под давлением этой психологии собственника и развилось хозяйствование человека на земле.

И по мере усиления техники задача строительства «земли человека» становилась все более противоречивой, так как силы, необходимые для преобразования, все шире тратились на борьбу... с последствиями самих преобразований!

Социалистическое хозяйствование должно было строиться на другой основе.

Именно Ленин был начинателем общегосударственных планов научной разведки и использования природных богатств. Общегосударственных и научных — оба прилагательных нуждаются в выделении.

Коль скоро план государственный, значит впервые появляется возможность преобразовывать природу как единое целое — не по кусочкам, не по звеньям, не по камешкам, близоручо вынутым из фундамента. Раз научный, значит план можно продумать с учетом великих законов природы и тем обезопасить себя от разрушительных последствий.

Нет, не случайно даже в грозные предоктябрьские дни Ленина интересовало последнее слово в науке земледелия и переустройства природы.

В МАСШТАБЕ КОНТИНЕНТОВ

За минувшие полвека изменились возможности человека. И прежде всего возможности человека социалистического общества.

В Средней Азии с глубокой древности и до 1917 года орошением удалось охватить немногим более трех миллионов гектаров. В других районах России орошение почти или полностью отсутствовало. Но уже к 1941 году орошенными оказались шесть миллионов гектаров. Сегодня планы орошения новых сотен тысяч и даже миллионов гектаров уже не удивляют. Подобный размах стал привычным, будничным, естественным.

Приведение в порядок болотистых земель хотя бы европейской части страны еще недавно, всего каких-нибудь лет десять-двадцать назад, казалось далекой мечтой. Сейчас объем мелиоративных работ ежегодно наращается чуть ли не в полтора раза, и можно ожидать, что лет через пятнадцать на территории европейской части СССР «мокрые земли» в основном будут преобразованы.

Далекий перспективный прогноз — вот на чем все более зиждется комплекс современных наук землеустройства. Без него невозможна выработка верной стратегии.

Вообразим на секунду, что некоторые проводимые сейчас исследования и разработки дальнего прицела уже осуществлены. Печора и другие северные реки замкнуты на Волгу; Обь, Иртыш, Енисей соединены с Сырдарьей и Амударьей. На севере, среди болотистой Западно-Сибирской низмен-

ности, от избытка влаги освободились десятки миллионов гектаров, на юге, в среднеазиатских пустынях, воду получили тоже десятки миллионов гектаров.

Подобного масштаба преобразования уже осуществляются на огромном участке Евразии. Есть величественный Каракумский канал, и уже изучаются варианты трасс поворота великих сибирских рек (о проекте соединения Енисея с Амударьей мы писали в «Вокруг света» № 9 за 1969 г.).

И здесь в перспективе намечается одно серьезное отличие от того, что делалось и раньше. В наметках обрисовывается не много ни мало единая водопроводная сеть, которая охватывает часть материка. Сеть, при проектировании которой надо думать и об отводах к городам (как в городе — к зданиям), и о поливе земли, о множестве насосных станций для поддержки циркуляции, и о судьбе израсходованной воды, ее очистке и использовании. Подобно тому как сложилась единая транспортная система, единая система связи, единое энергетическое кольцо, возникает единая регулируемая система круговорота воды, включающая в себя подземные бассейны, реки и даже моря.

Увидеть звенья этой системы несложно даже сейчас. Благодаря построенным и создаваемым каналам (Северный Донец — Донбасс, Краснознаменский, Южно-Украинский, Северо-Крымский) юг Украины и Крым уже переводятся на искусственное водоснабжение с таким размахом, как если бы там возникли новые реки. Кардинально решается проблема орошения засушливого Поволжья.

Северный и Центральный Казахстан. Длина строящегося канала Иртыш — Караганда — около пяти-шестидесяти километров, высота подъема воды — 475 метров (перепад Волги от истоков до устья — 256 метров). От Караганды до Джезказгана воду предполагается давать по водопроводу (проектируемая длина — 600 километров).

И так далее.

Даже такое море, как Каспий, уже не представлено само себе. Разрабатываются меры по его очистке, впереди забота о том, как, какими способами поддержать его уровень. Целое море подпадает под управление человека.

На севере же... Пожилой, опытный мелиоратор рассказывал мне в Ленинграде: «Удивительно, до чего меняется местность. Там, где все завершено, — верите ли — возник пейзаж Украины! Да, да, под Ленинградом...»

Так оно и есть. Кустарники, клочковатые луга, неровные поля — знакомая, привычная картина здешних мест. Но в тех хозяйствах, где земля окончательно преобразована, — ровные луга и поля, глаз видит далекий горизонт, и нет даже обычных при осушении канав — дренажирующая сеть спрятана под землю. Таких мест пока мало, но они образец того нового ландшафта, который идет на смену привычному.

...Станция находилась на вершине холма, откуда на много километров виднелись степи Ставрополья. Над вечерней землей, над гаснущим закатом, подобно былинной страже, застыли мирные пушки, и чаша локатора медленно озирала небо, высматривая врага, несущего полям град. И едва появилась опасная туча, дозор настораживался, все приходило в движение, и начинался бой человека со слепой стихией. Мы знаем, чем теперь заканчивает-

ся такое сражение: вовремя рассеянный в тучах ракетами или снарядами реагент предотвращает градобитие. Под такой защитой на юге уже находятся многие обширные плантации ценных сельскохозяйственных культур.

На обширных пространствах разворачиваются и менее заметные, но столь же важные битвы за плодородие. Если поля держат влагу, то даже засуха уже не может властно хозяйствовать на них. Современные методы возделывания земли и меры по накоплению влаги позволили увеличить ее ресурсы в почвах главных зерновых районов страны. В перспективе эти методы могут дать им столько воды, сколько они получили бы от оросительных каналов мощностью с Днепр и Дон.

Человек уже не так бессилён перед климатом, как прежде. Даже перед климатом.

СРЕДСТВА ПРЕДВИДЕНИЯ

Преобразование природы — работа тонкая и сложная. Простой вроде бы случай: надо осушить клочок земли где-нибудь возле Новгорода, где, как известно, влаги более чем достаточно. Но парадокс: даже там землю надо не только осушать, но кое-где и орошать, так как влаги не везде избыток, есть участки, где ее в обрез. Приходится руководствоваться и другими соображениями. Жизнь природы сплетена из переменных факторов. А мелиоративной системе присуще постоянство. На что же ориентировать ее дренажную способность? На максимум осадков? Тогда в сухую пору даже северо-западные земли могут подвергнуться засухе. Воды будет отсасываться больше, чем нужно. На минимум? Тогда в нормальные годы земля будет страдать от переизбытка влаги. Как же расчитать оптимум?

Прежние приемы в приложении к огромным пространствам и огромным масштабам преобразования уже не могут удовлетворить. Нужны качественные новые методы анализа, расчета, предвидения.

И они возникают, находятся в становлении. Например, приемы математического моделирования, когда состояние природной системы изложено на языке функций, графиков и формул, что позволяет проиграть модель на машинах, посмотреть, как сместится равновесие от изменения тех или иных параметров, как внесенные в природу изменения скажутся на системе взаимосвязей в ней через десять, двадцать, пятьдесят лет. Модель, конечно, отражает не все, на то она и модель, и составить сейчас полноценную «модель природы» чрезвычайно трудно из-за обилия пока еще не всегда ясных сплетений взаимосвязей, а также сложности перевода с «языка природы» на «язык математики». Но известно, что без испытания моделей развитие самолетостроения, скажем, сейчас не мыслится. Наступит время, оно уже не за горами, когда точно так же, как в инженерии, будут испытываться модели перемещения рек, изменения суши, а в дальнейшем и климата.

Наметились и другие приемы исследования. Климат на Земле не всегда был таким, как сейчас, потому что в древние геологические эпохи и хребты тянулись не так, и морские течения шли другими путями, и льдов было то меньше, то больше. История Земли являет нам огромное число моделей иной планировки суши, океанов, климата. Расшифровка древних ее состояний дает возможность

сравнивать, сопоставлять то, что было, с тем, что есть, и видеть, какие последствия влекли за собой изменения. Реконструкция палеоклимата может подсказать верный ответ при разработке крупных, масштабных преобразований природы.

На этих примерах легко заметить, что в орбиту землеустройства вовлекаются сейчас практически едва ли не все отрасли естественно-технических знаний. Такого раньше тоже не было.

«...Пока мы не знаем закона природы, — писал В. И. Ленин, — он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторил Маркс) **независимо** от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы».

Знать закон природы! Не будет ничего удивительного, если в скором времени в средней школе будут преподаваться правила обращения с природой, подобно тому как на технических курсах преподаются правила обращения с машинами и законами, по которым они действуют. Ибо на природу теперь влияет все: и культура производства, и культура мышления, и даже то, как мы отдыхаем на ее лоне. Нам всем необходимо знать законы природы, чтобы землю всюду сделать «землей человека».

ОСТАНУТСЯ ЛИ БОЛОТА?

Нашей точкой отсчета было болото, ибо на протяжении всех поколений топь была не просто клочком неудобья, а символом того враждебного, что в природе противостоит человеку.

Символ, который уже во многом утратил прежнее свое значение. Мы знаем, что быть или не быть болотам зависит теперь от нас, и это знание меняет наше к ним отношение. Мы смотрим на них и другими глазами; торф, добытый в их недрах, горит в волоске настольной лампы, и мы даже начинаем проявлять заботу о сохранении какой-то доли их для будущего. Ведь они тоже прекрасны, в конце концов. Золотится вечер в оконцах воды, ухает птица, причудливо — глаз не оторвать — клубится туман, а завтра можно пойти за клюквой и увидеть место, куда, может быть, еще не ступала нога человека. И еще приходят размышления о том, что болота, урезанные, укороченные, надо сохранить для водоплавающих птиц — они ведь тоже зависят от нас...

Мысль прослеживает проблемы использования биологических свойств болот дальше — в перспективе будущего — и замечает кое-что неожиданное. Ведь болота — одно из тех мест, где замыкается ветвь великого кругооборота живой природы. Органика тут выводится из общепланетного биологического цикла и растворяется в процессах минерализации. Что, если можно научиться улавливать выпадающую из цикла органику и перерабатывать ее с пользой? Ведь это новые источники ценного, нужного людям вещества...

Фантастика? Да как сказать... Подобные идеи уже обсуждаются среди биологов.

Ничто не бесполезно в природе и ничто не должно пропасть. Вся наша планета с ее могучими океанами, шумными лесами, разнотравьем лугов, заповедными угольями болот, кружевом барханов, и алмазами глетчеров должна стать землей человека.

И. ИВАНОВ

ОЛЕГ КУБАЕВ

ДЯДЯ ЯКИМ

Рассказ

Булькающее токование тетеревов слыло над левобережьем. У земли допотопный звук яростной птичьей страсти становился слышнее, как слышнее бывает, если приложить ухо к дороге, гул далеких моторов. Вверху же тетеревиный зов совсем почти пропадал, и невозможно было определить, откуда идет он по уставленной стогами, перегороженной непроходимыми чащами ивняка бесконечной полесской равнине.

Мы укрылись за стогом от ветра. Нас было двое: я и лесник со спаренным именем Дядяким, где прожитые в одной и той же местности десятилетия спрессовали в единое целое безличное «дядя» с собственным именем Яким. Дядяким — так звали его все, от пацанов до большого начальства.

Равнину заливал янтарный свет полесского «бабьего лета». В укрытом от ветра месте солнце грело сквозь штормовку и свитер с упрямой, сбереженной от лета силой, но вороненый ружейный ствол оставался холодным. Давно уже я заметил, что этот термический парадокс можно наблюдать только осенью или ранней весной и всегда почти одинаково, где бы ты ни был в то время: в Вятке, на Севере или здесь, в Белоруссии.

Сейчас было время осенних тетеревиных токов, когда косачи, отъездившие за лето, не то вспоминают минувшие любовные схватки, не то тренируются в предвидении новых.

— Ползи, — сказал Дядяким, — во-он за тот куст. Увидишь там косача.

— Может, не там? Может, в другой стороне? — с сомнением спросил я, прислушавшись.

— Там. От куста метров сорок.

Я пополз. Уверовал, что Дядяким и на сей раз не ошибся. Я полз и вместо тетерева, зов которого колдовски слышал над травой, почему-то думал о леснике, о том, как он за стогом сейчас свертывает беспалой рукой самокрутку из бийской махорки №2 средней крепости и прикуривает, сбочившись на ту сторону, где не хватало двух ребер. Уткнувшись в горький осенний запах травы, я, как наяву, видел тусклый при дневном свете огонек спички, и залитое солнцем в недельной щетинке лицо, и синий махорочный дым, отличный по цвету от любого табачного дыма, и видел его щемящую душу улыбку до беспомощности доброго человека. Не мог я спокойно смотреть, как он улыбается.

Косач действительно был за кустом. Он ходил по луку метрах в пятидесяти. Он ходил, великолепно распушив черно-белый хвост и отливающие металлом крылья. Загадочно-четкое, как звон воды в серебряном котелке, бормотание его летело над освещенной солнцем равниной и уходило в дальний сосновый лес. Дальний сосновый лес был темно-зеленым, почти черным, а по краю его радостно желтела полоска молодого березняка.

Фото В. МИНКЕВИЧА

Сбоку, совсем почти сзади, с шумом сорвалась тетерка. Я прополз мимо нее, не заметив, а она, конечно, заметила, но затаилась, не улетела сразу — видно, хотела еще посмотреть ослепительное мушкетерское хвостовство косача, которое для нее одной и предназначалось.

Вслед за тетеркой и сам «мушкетер» мгновенно сорвался, как черный сверкающий на солнце снаряд. Я выстрелил.

Дальше все было как во сне. Сверкающий на солнце снаряд оборвал полет и грохнулся в желтые травы. Я вспомнил слякотные московские вечера, когда мечтал об охоте в Полесье. Надо же, первый выстрел, и так удачно... И тут на бегу я провалился куда-то нескончаемо вниз, коленями, лбом врезался в неизвестный ржавый металл.

Была заросшая лебедой воронка и брошенный четверть века назад кузов машины, на котором еще сохранилась добротная краска «ИГ Фарбен-индустри», как сохранились рваные следы осколков и аккуратная строчка дырок вдоль кузова.

«Надо спросить Дядюшка. Наверное, знает», — машинально подумал я и потрогал ладонью расцарапанное лицо. И позабыв про азарт, поднял сбитого тетерева.

...Лесник действительно курил, сидя за стогом, в цигарке еще оставалось чуть меньше половины, а взгляд его был безмятежен и прост, как весь сегодняшний день. Он молча погладил беспалой рукой теплое перо прекрасной осенней птицы. Я заметил, что он многое предпочитает делать беспалой рукой, как бы самоутверждаясь, как бы напоминая, что он вовсе не инвалид.

— Метров с шестидесяти сбил, — похвастался я и погладил, в свою очередь, ствол бельгийского

своего ружья, пятизарядного, знаменитой в «мокрых делах» фирмы «Браунинг». Но лесник бездумно скользнул взглядом по браунингу и не сказал ничего, хотя другие всегда говорили. Он только повернулся ко мне на мгновение, и именно в этот миг я взвешен был со всем своим организмом, честолюбием, замыслами, неудачами и мечтами на весах бытия. И снова я увидел его улыбку, которую мне не дано описать и которую не мог я спокойно видеть.

— У меня дома тулка висит. Поди, соржавела вся. Почему соржавела? Да мне как в лесничестве выдали, я повесил и боле не трогал. В партизанах я надержался ружей в руках. Немецких, австрийских, итальянских, румынских. Автоматы ихние, пулеметы ручные, мины, гранаты, разные пистолеты. Ты воевал?

— Откуда, Дядяким? Мне семь как раз было, когда эта война началась.

— А до войны я любил с ружьем походить. В лесу живем. И война получилась почти что в лесу. Я по ранению попал в партизаны. Подальше отсюда. Не хотел воевать у своего огорода. Большая в этом неловкость. Стыд, если ты это поймешь. Но потом меня переправили. Проводник был тут нужен для большого соединения. Я и был проводник. А кому быть, если не леснику? Места у нас есть — не суйся. А после войны не до ружья уж. Птица распугана — жучка развелось. Дела в лесу не перехлабать.

Я молчал.

— Дел не перехлабать, — повторил Дядяким и, затушив окурок, высыпал табак обратно в кيسет.

— Привычка, елки лесные, — сказал он, поймав мой взгляд. — Пошли, что ли.

Мне без конца хотелось смотреть здешний лес: сосняк, березовую чащобу и заросшие ивняком нескончаемые болота. Можно сказать, что видал лес: вятские мачтовые бора, горные шубы тьян-шанских елей, глухую тайгу Приамурья и колымскую лесотундру, но здесь было другое и не с чем было сравнить. Главная особенность здешнего леса была в том, что лес и человек тут уживались рядом, как единый биологический симбиоз. Посреди забитого ржавой водой, осокой и непроходимым кустарником болота вдруг вырастала сухая песчаная рёлка с редкими сосенками, и посреди этой рёлки всегда почти находилась расчищенная поляна, и было видно, что когда-то здесь рос хлеб, а может, сажали картошку в укрытом от недруга месте.

Или вдруг в полном несоответствии с обстановкой в чаще раздавался крик петуха и собачий брех, и вырастал одинокий хутор, и хутора эти были как форпосты, выдвинутые из леса наблюдать за равниной. Я особенно уверовал в эту гипотезу, когда узнал, что на одном из хуторов одиноко живет прославленная здешняя партизанка, потерявшая в войну всю семью. С окончанием военных действий она не захотела из леса уйти и осталась там, как негасимый в пределах человеческой жизни памятник прошедшей беде.

В сотне метров от тех хуторов вырывались из осоки дикие утки и в свисте крыльев уносились прочь, суматошные, глухие птицы. Существование их рядом с жильем напоминало обетованную землю, ту самую, где волк возлежит рядом с агнцем. Видимо, обитатели сих хуторов в свое время, как дядя Яким, повесили на стенку дробовики, чтобы не добывать скудную послевоенную живность. А потом те двустовки соржавели, или о них просто забыли.

Одного селезня, вылетевшего из багровой осоки, я все-таки не удержался и сбил, нарушив вторым нынешним выстрелом законы обетованной земли.

— Упал в самый раз, — сказал Дядяким и полез в карман за махрой.

— Почему?

— В том месте, где он упал, схоронен наш танк. Экипаж, кого выходили, ушел в партизаны. Собрали мы, помню, баб, ребятишек, коров впрягли, но вытащить не могли из-за тяжести. Очень нам танк в отряде хотелось.

В безветренном воздухе дрожали багряные листья осины, под ногами шуршала хвоя и палый осенний лист. Песчаные холмы южной Гомельщины уходили вдаль, щетинясь лесами. Лесник шел впереди, выбирая ему одному известный маршрут. В драной своей телогрейке и ростом, и сухонькой фигурой сзади он совсем походил на мальчика, если бы не легкая хромота и наклон на тот самый бок, где не хватало вырванных минных осколком ребер.

На одном из подъемов он молча скинул с плеча полевую сумку и сел под сосной.

— Запыхался немного, — виновато сказал он, и рука машинально цапнула ватник в том месте, где сердце. — Запыхиваемся все понемногу. Много уж наших поумирало, кто живы из лесу вышли. А я все не успокоюсь. А как же иначе?

— Никак, — согласился я.

Нельзя было не поражаться скудости здешних почв и фантастическому при этом упорству земли. Хвоя и палый лист засыпали воронки, траншейные линии и цепи окопов. Живая ткань дерева закры-

вала покалеченные металлом места. И безымянные могилы врагов или тех, кто погиб вдалеке от своих, закрывали заросли буйной метлицы.

Не сразу я понял происхождение молодых сосняков, которые встречались часто, гораздо чаще, чем это положено в нормальном лесу. Этот молодой сосняк рос на стратегически важных участках, где лес был начисто сметен войной и уж посажен вновь человеком, вернувшимся с войны лесником.

На исходе третьего десятилетия после войны лес все-таки жил, как положено ему жить. Утки взлетали в болотах, заваленных боевым ржавым металлом, стада кабанов рыли землю на бывших полях сражений, и строили хаты бобры.

Я часами сидел у зеркальных бобровых озер. Сидеть было хорошо, потому что комар уже умер, а дожди еще не пришли. Сильно хотелось курить. Дядяким, который научил меня этим сидениям без ружья, пошутил однажды, что бобер и здесь самый умный зверь, потому что сдерживает людей от ненужного табачного яда.

Он сильно уважал бобров. Когда после долгого терпеливого выжидания в кустах возобновлялся шум бобровой работы по кормовому снабжению и прокладке коммуникаций, он улыбался счастливо, как будто именно он обучил работающего зверя мудрости трудовых процессов.

По вечерам над рекой начинал стучать шести-сильный движок лодки бакенщика. Его лодка двигалась медленно и надежно.

Было слышно в темноте, как лодка в спокойном стуке мотора поднимается вверх, с трудом справляясь с быстрым течением Березины, знаменитой реки, погубившей когда-то остатки наполеоновских войск. Стук стихал. Невидимый бакенщик выходил на берег, опускал на блоке фонарь, заправлял керосинном семилитровым лампой, чиркал спичкой и поднимал вверх уже зеленые, красные и белые спаренные огни, по которым ориентировались катера, тащившие вверх по исторической реке огромные груженные баржи.

Можно было бесконечно смотреть, как зажигаются и ползут вверх эти огни, за поворотом поворот, слушать тяжкий труд буксирного катера под обрывом, а за спиной был шум леса, или, точнее сказать, тишина, потому что естественный шум природы для горожанина уже тишина.

Деревня стояла на высоком песчаном обрыве. По сторонам деревни были поля, а за полями начинался сосновый лес. Но лес присутствовал всюду: сосны торчали на межах, разделяющих поля, и в самой деревне они были не вырублены, а сохранены, а там, где не сохранились, например в огороде, там росли отдельные ветлы и ивы, как будто здешний житель не мыслит себе жизни без дерева под рукой.

Внизу, под обрывом рядами лежали черные, долбленные из тополя лодки с жестяными заплатками на днищах и по бокам, через реку ходил ветхий паром, и ничто: ни новые, обжитые дома, ни древнего вида лодки, ни деревья на улицах — не напоминало о том, что все здесь когда-то было сожжено и вновь создано людьми на пустом месте.

Но память людей была крепче памяти дерева. В тот раз Дядяким снова шел на участок, и я увязался снова за ним с бельгийским своим ружьем, потому что по дороге он обещал показать мне место засидки на кабанов. Мы спустились вниз по обрыву, подошли к парому, и паромщик, сутулый

мужик в неизменном ватнике, подпоясанном ремешком, молча бросил окурок, и паром со скрипом пошел поперек течения, а Дядяким стоял на корме спиной к паромщику и молчал.

— Спасибо, — сказал я паромщику, но он ничего не ответил и в том же печальном скрипе поплыл, как Харон, через мрачные воды.

Дядяким же паромщику не сказал ничего, как будто его и не было совсем. Мы шли по берегу, а на той стороне уже скопились две телеги и «газик», и было видно, что паромщик сейчас разговаривает с людьми и даже машет руками.

Из деревенской хроники я уже знал, что паромщик этот когда-то был полицаем, за что и отбыл положенный срок. Брат его тоже был полицаем, но заслуженное получил раньше, потому что его пристрелил Дядяким за предательство.

— Как все это было, а, Дядяким?

— Да ведь как это было. Как бывает. Зашел к нему один, узнать про дорогу. Нездешний был, из того самого танкового экипажа. Дорогу он указал, а по следу направил фашистов. Командование мне говорит: «Поиди, Яким, разберись». Я пришел. «Здравствуй, — говорю, — Катя, здравствуй, Федор». Катя все поняла, ушла к соседке. «Пойдем, — говорю, — Федя». Он шапку взял. Помню, сказал я ему: «Шапку ты оставь, сыну сгодится». Тогда плохо с одежей было. Привел на то самое место, где танкиста схватили, и пристрелил из его же фашистского автомата. Жалко мне его глупость было. Неужели надеялся уйти от своих?

Я ждал кабанов в засидке. Засидка была сделана в стогу сена, где пахло ушедшим летом. С верхушки стога виднелись в сумерках десятки других стогов, полосы кустарников и болотного камыша вокруг одряхлевших озер. Еще виднелись навигационные речные огни и маячили в отдалении, как ноги гигантов, ажурные мачты высоковольтки.

На реке в этот час не было тишины, потому что был предвыходной день и по реке неслись и неслись в адовом реве форсированных моторов рыбацкие лодки из далекого города. В воскресенье вечером в том же реве они будут мчаться обратно к городской плакочной цивилизации.

Здесь, у опушки леса, была тишина. Лес стоял черный и молчаливый.

Туман вставал над равниной. Вначале он затопил ложбины, озера, потом корни кустов. Вскоре туман затопил и кустарник, и над ровной его пеленой торчали лишь отдельные ветви, верхушки. Торчали еще мачты далекой высоковольтки, но вскоре их скрыли сумерки.

Курить на верхушке стога было вовсе нельзя, и я сосал пустую трубочку, усмехаясь словам Дядякима о том, что зверь сберегает нас от вредного табачного яда.

Рев моторов на реке кончился. Наступила окончательная тишина, которую нарушали лишь непонятные всплески на соседнем болотце, взбалмошный утиный вскрик вдалеке, и в деревне, где жил Дядяким, вдруг заорал транзистор. Но тотчас же смолк, устыдившись.

Где-то около двенадцати в кустарнике раздался треск, чавканье воды под копытами. Кабанья стая тяжелоносно проламывалась к местам кормежки. И думать было нечего увидеть их сквозь этот туман. Так они и прошли совсем рядом со стогом, и треск затих. Я загрустил. Вспомнил, как в Москве читал Куприна и мечтал в тайниках души о том,

что увижу Полесье таким же, точно не было прошедших десятилетий. Потом я стал вспоминать другие места, где бывал: Чукотку, Тянь-Шань, Усть-Урт и Якутию, но досада не проходила, хотя каждое из этих мест было прекрасно по-своему. Пожалуй, досада еще более усугубилась. Мелькаешь как мотылек из местности в местность, и почему не случится так, чтобы душа прикипела по-настоящему: к заросшим арчей склонам и ледникам Тянь-Шаня, или к невероятной расцветки водам Аральского моря, или к той же Чукотке, где прожил не год и не два, а гораздо больше. А может, все было проще, и само понятие родной местности стало для моего поколения гораздо шире, чем для поколения наших отцов?

...Кабаны прошли обратно той же дорогой перед самым рассветом, и туман все так же скрывал их спастительным одеялом.

За ночь небо очистилось, и солнце всплыло над дальним зубчатом лесом. Вид у солнца был уверенный и добродушный, как у хорошо отдохнувшего здорового мужчины в расцвете лет. И ей-богу, слезая со стога, я порадовался, что не стрелял этой ночью. Так, видно, двумя выстрелами и ограничится моя полесская эпопея, о которой столько мечтал в комнатной тесноте.

Дядяким наставлял шило здоровой рукой, а потом ловко вгонял его ударом беспалой ладошки по ручке. Он подшивал хомут леснической лошади. Я расположился напротив за дощатым столом и, как всегда после неудачной охоты, чистил ружье. Такая была привычка.

Он все вскидывал и вскидывал глаз, наблюдая, как я колдую над хитрым бельгийским затвором. Потом сказал:

— Я когда-то ловок был разбирать. Сейчас, поди, ППП разобрать не сумею.

Я посмотрел на него. Он сидел на пороге и орудовал над хомутом с непостижимой точностью движений, какая часто встречается у калек и еще у бывалых людей. И неожиданно пришло наитие: я понял, кого он мне напоминал все эти дни. Я же десятки раз встречал его в тундрах Чукотки, в Якутии, в колымской тайге и на горных тропах Тянь-Шаньских хребтов, во всех местах, где бывал. В этих людях с полувекowym «стажем» таился огромный запас жизненной силы. И еще была уверенность, что происходила, наверное, от четкого знания итогов прошедшего дня и знания планов на будущее.

Опыт давно научил меня, что на этих людей можно полагаться не меньше, а больше, чем на себя. По крайней мере, до тех пор, пока ты не обрел их свойства души или хотя бы способность улыаться так, как они.

— Ну, положим, ППП я разберу, — сам себе сказал Дядяким. — Если голова забыла, так руки помнят. Разберем, если будет надо. А как же иначе?

— Никак, — ответил я. — Никак быть иначе не может.

И мы улыбнулись друг другу и каждый себе, потому что эти слова стали у нас чем-то вроде пароля.

И долго же, черт возьми, долгое время потом я не мог избавиться от видения этой улыбки, как и от мыслей о том: через какие испытания надо пройти, чтобы понять относительную ценность и сущность вещей, чтобы так в улыбке дарить себя людям.

ОРЕСТ МАЛЬЦЕВ

НОВЫЙ МЕТАЛЛ ЛАНЦ-ХИДА

Человека тянет в те места, где он сражался, где пролилась кровь товарищей, остались их могилы...

Четверть века назад я попал в Будапешт с Советской Армией, принесшей венгерскому народу освобождение. С тех времен остались у меня потрепанные блокноты, где карандашные строчки, полустертые, кривые, напользают одна на другую, где многого я теперь не могу разобрать: торопился, записывал сокращенно.

Но стоит открыть старый блокнот, и прежние картины предстают передо мной, как в те дни, когда я впервые увидел Будапешт, и гору Геллерт, и взорванные мосты.

И вот четверть века спустя я вновь в Будапеште, брожу по изменившимся, но знакомым мне улицам, пытаюсь найти по старым адресам знакомых. Так я вышел к набережной Дуная.

Река пересекает Будапешт надвое. На высоком западном берегу — древний крепостной район Буда, а на восточном, низменном, — более молодой Пешт. Когда наши войска в феврале 1945 года, завершив окружение будапештской группировки гитлеровцев, уходили дальше на запад, в Пеште уже налаживалась мирная жизнь, а в Буде все еще продолжались упорные бои.

Фашисты засели в старой крепости за каменными стенами, в глубоких подземельях Королевского замка, в пещерных ходах под горами и холмами Буды и сопротивлялись с ожесточенностью смертников. Сражение затянулось еще и потому, что мы щадили город.

В те дни начальник германского генерального

штаба Гудериан заверил Гитлера, что освободит окруженный фашистский гарнизон Будапешта или ляжет костями под его стенами. Он собрал отни танков в бронированные «кулаки» и от озера Балатон стал пробиваться к Будапешту.

Тут я хочу процитировать одну из записей в старом блокноте:

«Это случилось возле маленькой железнодорожной станции между Балатоном и озером Веленце. Двадцать восемь советских воинов оказались отрезанными от своей части. Им удалось выбить гитлеровцев из двухэтажного каменного дома, и пять дней и пять ночей они сражались с превосходящими силами противника. Враги выпустили по дому более ста снарядов. Они обстреливали дом из танков, бронетранспортеров и пулеметов. Через рупор они кричали: «Ваше положение безнадежно, прекратите сопротивление!» В ответ в окне второго этажа дома появлялся красный флаг.

То днем, то в сумерках, то ночью при свете пожара — всего сорок раз! — гитлеровцы бросались в яростные атаки. Несколько раз они даже проникли в самый дом. Гвардейцы стойко держались.

На шестые сутки подошли наши. В темную ночь гвардейцы, неся на плащ-палатках раненых товарищей, вылезли из дома через проломы в стенах и ползком, обойдя немецкие танки, вышли к своим.

В блокнот вложена поблекшая страница красноармейской газеты «Красное знамя». Она сохранила имена некоторых героев. Это старший сержант Стариков, старшина Николай Онопя, старший сержант Филипп Столбов, пулеметчик Иван Авдеев, рядовые В. Сорока, Гаврил Шикалов, Иван Чимириш,

---

**4 апреля — 25 лет со дня освобождения Венгрии
от фашистских захватчиков**

Бутковский, Скорик, Горбачев, Максим Могилевич, Тихон Лебедеко, Владимир Раскопанский, Николай Евстратов.

Память не спеша перебирает эпизоды и картины тех дней. А перед глазами — искрящийся огнями, сверкающий зеркальными стеклами витрин, шумный, улыбающийся, живой Будапешт дней сегодняшних, прекрасный город, один из красивейших в Европе. Семь чудесных, заново воссозданных мостов перекинуты над Дунаем. А выше, над всем городом, на горе Геллерт вознесся памятник Победы в честь советских воинов.

Я ищу в Будапеште человека, с которым познакомился в те дни и вот при каких обстоятельствах.

Фашисты заминировали мосты через Дунай задолго до нашего наступления. По их расчетам, чаши войска должны были появиться со стороны Пешта. Пешт — город равнинный, с прямыми широкими проспектами, защищать его труднее, чем Буду с ее улицами, карабкающимися вверх и повторяющими все капризы гористого рельефа. В Буду гитлеровцы предполагали стануть свои части для того, чтобы задержать наступление советских войск, а потом уйти на запад и соединиться с перегруппировавшейся армией. И Дунай должен был стать естественной преградой на нашем пути.

Но часть наших войск зашла с запада и окружила Буду, в то время как другая освобождала Пешт. С севера и юга по прибрежным улицам ворвались мы в Буду.

И в тот момент, когда из-за поворота мелькнул перед нами Дунай и ровная перспектива Пешта на том берегу, к которому вел широкий мост, подвешенный на цепях, раздался взрыв, и средняя часть моста тяжело осела в воду. Фашисты взорвали перьяч и, может быть, самый красивый из будапештских мостов Ланц-хид — Цепной мост.

Теперь, когда наши войска были на обоих берегах Дуная, этот взрыв был бессмыслен, как бессмысленно было и сопротивление фашистского гарнизона, как бессмысленна была злоба, с которой гитлеровцы перед отступлением уничтожали дома и расстреливали население.

— Товарищ майор, — обратился ко мне водитель. — Гляньте-ка, кто это там в подворотне?

В подворотне лежал на снегу человек. Попытался подняться, приподнялся на руках и вновь рухнул на снег. Я подбежал к лежащему, склонился над ним и увидел, что это женщина. Из-под зеленого шарфа, повязанного на манер тюрбана, выбивался клок седых волос. Я разжал ей рот и влил немного спирту из своей фляги. Она открыла глаза, слабо вскрикнула, инстинктивно пытаясь прикрыться рукой, но тут же успокоенно произнесла: «Орос! Русский!» — и отняла руку от лица. Когда грохот затих, она заговорила. Я не понимал ее, но чувствовал в словах женщины страдание, боль. И в эту минуту кто-то коснулся моего плеча. Я поднял голову. Передо мной стоял мужчина лет сорока.

— Ви мени простиче, — он старательно выговаривал русские слова и застенчиво улыбался. — Здравствуйте, пожалуйста. Вам нужен переводчик. Я, могу, пожалуйста. Мой отец был в России, и я немножко знаю русски, пожалуйста.

Так мы познакомились. Аладар Тот работал на машиностроительном заводе «Маваг» токарем. (Завод этот американцы поспешили разбомбить, и по его цехам бродили лишь одичавшие кошки.) Отец Аладара, тоже токарь, еще в первую мировую войну попал в плен к русским. Из лагеря

военнопленных под Самаркандом он ушел бойцом в интернациональный отряд Красной Армии, сражался против белогвардейцев и басмачей. В Венгрию пробрался через Германию и Австрию уже после подавления венгерской революции. На родине тут же попал на каторгу. Выжил. Навсегда осталась в нем любовь к Советской России, не забыл он русский язык и детей научил. Месяц назад, сказал мне Аладар, его убили нилаши — венгерские фашисты из банд Салаша. Гитлер привел Салаша к власти уже в последние месяцы перед разгромом фашистов в Венгрии. В его «армию» собрался уголовный сброд и махровые фашисты из салахистской партии «Скрещенные стрелы». Этот гитлеровский прихвостень объявил тотальную мобилизацию. Отец идти в армию Салаша отказался. Его арестовали, отвели в нилахистский штаб и там убили. Аладара тоже хотели мобилизовать. Но ему удалось скрыться. Несколько месяцев он прятался — и вот дождался русских.

Все это Аладар рассказал мне позже, когда мы шли с ним по улицам города. А сейчас он переводил невероятный, страшный рассказ женщины в зеленом шарфе.

— Вы мне не поверите, в это трудно поверить. Но они убивали меня три раза... Пожалуйста, не смотрите на меня так внимательно. Я сама боюсь взглянуть в зеркало. Не пойму, как я осталась жива.

Это началось в ноябре. Уже слышалась пушечная канонада. Русские приближались. Фашисты выгнали все население, даже детей и стариков, рыть окопы. Нас заставили работать в липкой грязи Дьялпуста. Мы с мужем решили бежать, но далеко уйти не успели, нас арестовали и заперли в одном из подвалов на Доб-утца. Там уже было много народу.

На вторую ночь рождества нам с мужем, как и многим другим, связали руки и повели к Ланцхиду. Когда мы были уже на середине моста, я почувствовала удар по голове.

Опомнилась в ледяной воде Дуная. Уже почти задыхалась, намочшая одежда тянула ко дну. Напрягая силы, я плыла, плыла к берегу, к Пешту.

Выбралась из воды. Легла на снег. Холода совершенно не ощущаю. Тело страшно ноет, хочется спать, спать. Ничего не соображала, даже не поняла, чего хотят от меня полицейские и почему я оказалась в бункере... Из подвала каждый день вызывали по пять-шесть человек и тут же во дворе убивали.

18 января раздалась сильные взрывы. Захватчики рвали мосты через Дунай, отступали из Пешта. Нас построили по четыре человека и ночью связанными повели к Горе роз — Рожадомбе. Ночь была лунная, морозная. Синий снег искрился, хрустел под ногами. Мы шли мимо богатых вилл. И вдруг затрещали выстрелы.

В глазах у меня потемнело. Очнулась, не знаю через сколько времени. Пес лизал мне щеки. Я с трудом приподнялась, и это заметили нилаши — патрульные. Опять меня расстреливали, но и на этот раз я осталась жива: сосед, сраженный первой же пулей, прикрыл меня телом...

Вы опять смотрите на мое разбитое лицо. Не нужно, прошу вас...

На своей машине я отправил ее в лазарет, а сам остался с Аладаром.

Мы долго глядели вслед этой трижды убитой, чудом живой женщине...

В тот день мы с Аладаром не расставались.

Гитлеровцы засели в Буде, в верхних кварталах, надеялись как-нибудь вырваться по темным полночным улицам в лесистые горы Будаихедь. С самолетов им еще сбрасывали оружие и продовольствие. Один из транспортных самолетов врезался ночью в верхний этаж шестиэтажного дома и застрял там; его хвостовое оперение дрожало, и наружная стена дома, покрытая глубокими трещинами, тоже вся вздрагивала.

Среди серой дунайской воды чернели обломки мостов, тех мостов, которые делали Будапешт Будапештом. Ведь до 1872 года Буда и Пешт были двумя разными городами, соединенными Ланц-хидом. А потом один за другим были построены семь великолепных мостов и, словно широкие улицы, пролегали над Дунаем, и эти улицы соединили два города в один. Каждый мост был не только детищем инженерного расчета, но и произведением искусства. Каждый был продуман так, что с него открывался вид на самые красивые места Буды и Пешта.

Теперь мостов не стало.

Из Буды, наполненной гулом и треском неутраченного боя, уходя все дальше от всплеск цветных ракет, по временам озарявших развалины домов, мы возвращались на исходе ночи в Пешт. Дорога к уйпештинскому понтонному мосту была запружена. Автомобили, повозки. Толпы переполошенных людей. Увидев мою форму, они забросали нас вопросами:

— Скажите, как попасть на тот берег? У меня там муж и трое детей. Я пришла сюда к сестре за продуктами, а они взорвали мосты, — проталкивалась ко мне сквозь толпу какая-то женщина.

Аладар не успевал переводить вопросы. Я, как мог, старался на них ответить, немножко подбодрить людей.

Саперная лодка перевезла нас через шершавый от битого льда Дунай. Пешт еще тонул в морозной ночной серо-лиловой дымке, прочно застрявшей в коридорах узких улиц. Ни малейшего звука, ни одного прохожего.

И вдруг улица ожила. Из ворот дома выбежало с десяток мальчишек с кипами газет в руках. Перебивая друг друга, они закричали во все горло: — Сабадшаг! Сабадшаг! — Свобода! Свобода!

Из подворотен, из подъездов, как будто ждали этого крика, стали появляться люди. Они обступали мальчишек, вырывали у них газеты, совали им мелочь.

— Советские войска пересекли германскую границу к западу и юго-западу от Познани и вошли в Бранденбург, — тут же развернув газеты, вслух читали люди.

— А как в Буде? Как в Буде?

— Написано, что в Буде немцы еще в двадцати трех кварталах.

— Временное правительство Венгрии призывает население страны вернуться к своим местам работы, начать восстанавливать разоренную родину.

Какой-то мужчина в полушубке крикнул:

— Вернуться! Нашли дураков!

Вот тогда-то, услышав эти слова, увидев нерешительность и испуг некоторых из своих соотечественников, сын «красного мадьяра», сын рабочего, Аладар Тот взобрался на кузов разбитого «копеля», приткнувшегося к стене дома.

— Дорогие граждане! — крикнул он. — Не верьте этому типу. Вам говорили, что гитлеровцы наши друзья и защитники. Посмотрите, что они наделали

в Будапеште только за эти дни. Разве русские взорвали мосты? Разве русские убивали людей? Я такой же мадьяр, как и вы, и я сегодня же иду на свой завод. Если не мы будем восстанавливать родину, кто за нас это сделает?..

Здесь, на Йожеф-кёрут, меня застал редакционный «газик». Надо было срочно возвращаться в часть. Я предложил было Аладару подбросить его домой, но он отказался, и я оставил его среди толпы возбужденных, спорящих людей. Хорошо, что еще раньше он успел дать мне свой адрес. Но в те дни я так и не смог заехать к нему.

Спустя четверть века я неожиданно для себя легко разыскал Аладара. Он живет по старому адресу. Аладар все такой же бодрый, хотя, конечно, и постарел, работает на том же заводе, только уже не у станка, а в профсоюзном комитете.

Он узнал меня сразу.

И вот мы бродим по городу, и он рассказывает обо всем, что было в его жизни за те двадцать пять лет, что мы не виделись.

— Подожди, подожди, Аладар. Ты начни с самого начала, с того дня, когда мы расстались. Помнишь, я уехал, а ты так и остался стоять на «копеле», ты продолжал говорить, размахивая кулаком.

— Я тоже не забыл тот день. После того как мы расстались, я отправился на свой завод. И оказался там не первым. Подошли другие товарищи, старики, подростки — те, кто уцелел. Закопченные, полуобвалившиеся стены, чертополох, суслики понарыли кучки земли в цехах, словно в глухих оврагах. Знакомые встречались и узнавали друг друга без улыбок. Точно на кладбище.

И вдруг в цехе появляется русский майор на костылях (как потом узнали, Коптев по фамилии, из комендатуры) и с ним два офицера. Подозвал он к себе рабочих и говорит по-венгерски, но очень, правда, гладко, но понять можно: не могли бы отремонтировать мотор для поврежденного танка.

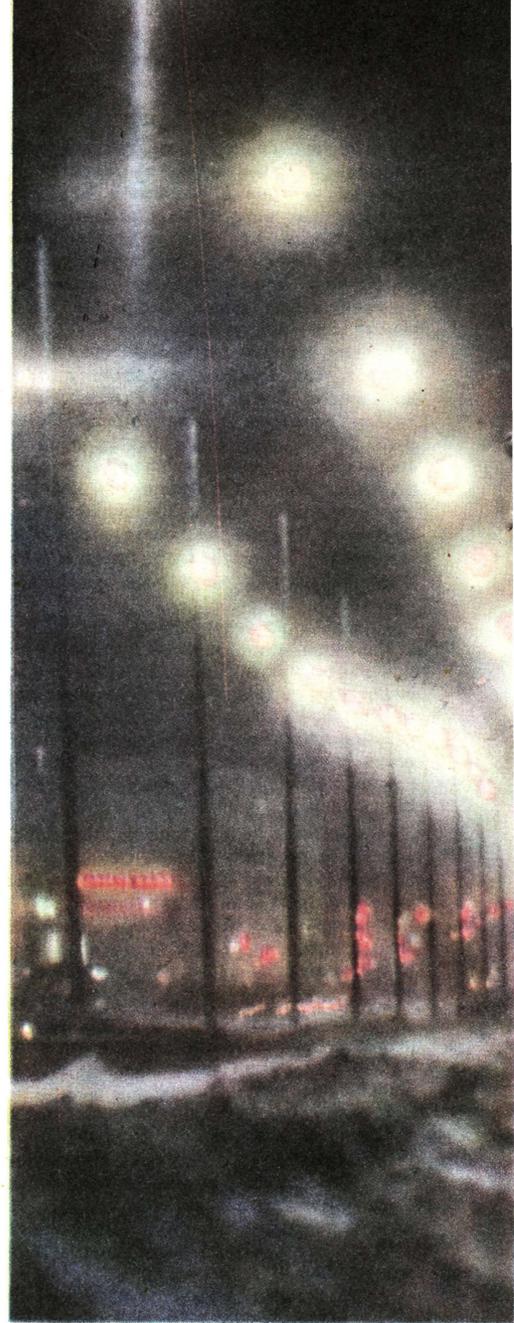
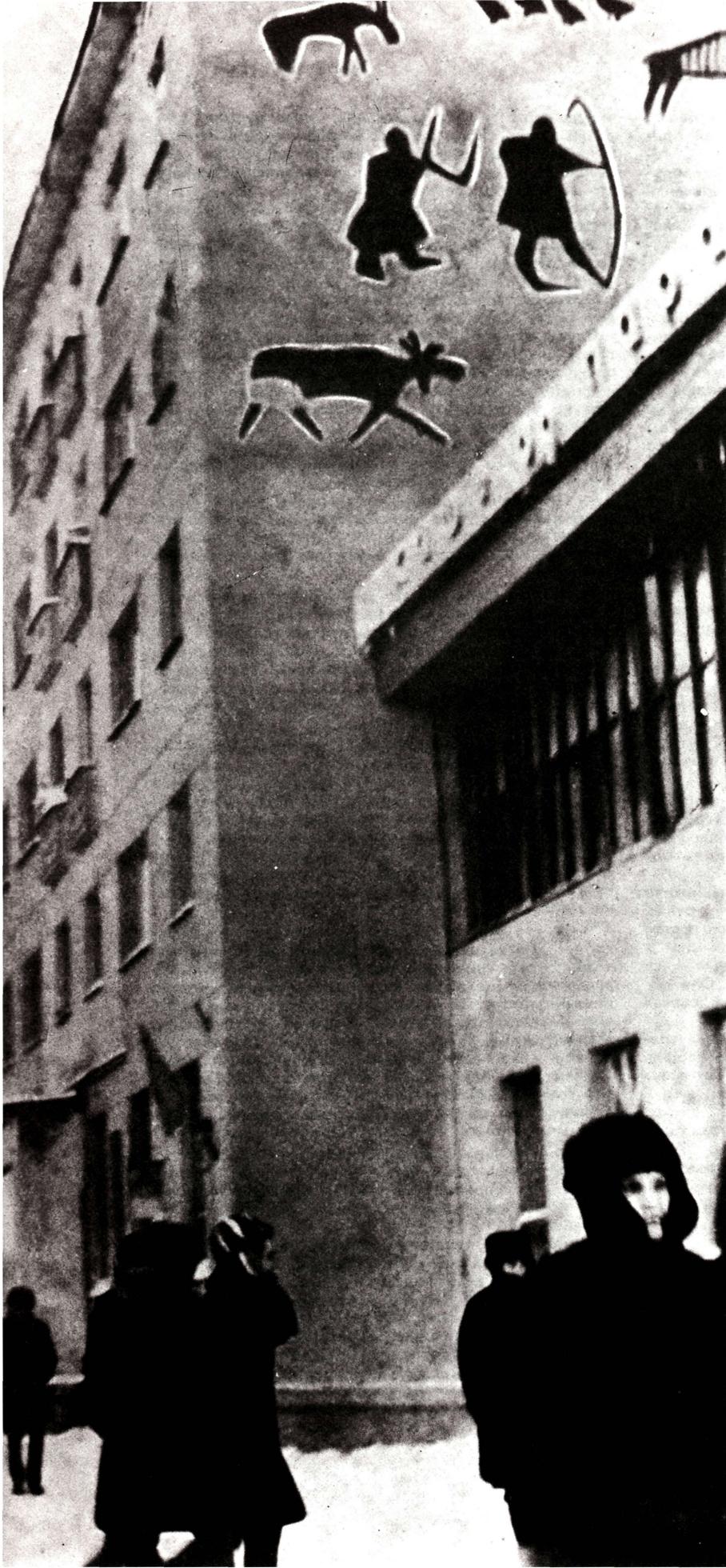
Мотор? Среди развалин? Посовещались между собой и ответили Коптеву, что можно, пожалуй, приступить к делу, но не раньше как через несколько месяцев.

— И что же ты думаешь? — Аладар улыбнулся. — Коптев добыл для рабочих хлеба, «выбил» паек, и уже через восемнадцать дней в кое-как налаженном цехе мы не только отремонтировали старый мотор, но и выпустили новый. Сами рабочие «Мавага» торжественно подарили его маршалу Малиновскому. Дело пошло. Вскоре на заводе отлили кое-какие части для временных мостов, их навели быстро у Маргит-сигет и напротив горы Геллерт, где был мост Ференц-Йожеф-хид. Правда, они получились не такие красивые, как прежде, но по ним можно было свободно ходить и ездить.

Потом взялись восстанавливать завод. Помогали и советские солдаты. Ну, а когда люди вместе работают, сам понимаешь, между ними такое доверие возникает, какого и сотней митингов не добьешься.

С тех пор я так и работаю на нашем «Маваге». Завод, конечно, не узнать. Теперь мы отправляем продукцию в десяток-другой стран. Обычная в общем-то история. Ты уж извини, что расхвастался.

Разговаривая вышли мы к Ланц-хиду. Мост такой же, как и прежде, даже более красивый, словно не было того страшного мига, когда в грохоте и пламени рухнул он в воду. Вместо старых камней стали новые, и новый металл заменил старый.

ДОМ ЗА

В полярную ночь каждый день бывает час, когда город становится синим. Синечерными кажутся горы, возвышающиеся над ним, синим ветром наполняются улицы, синева скрывает тундру, убегающую от города. Снова загораются фонари, окна домов (они и гасли на какой-то час), и город выплывает из синевы, как корабль, у которого зажжены

ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

сигнальные огни. А он и есть корабль, разве недвижимый, в этом море холодной тундры, холодных гор, снегов и ветра... Поземка режет глаза; ветер мечется по площади вокруг тяжелого камня (скоро здесь встанет памятник строителям Норильска), пытаясь сорвать его с места, и с посвистом устремляется в широкое русло проспекта, задувая снегом нео-

новые вывески «Северянка», «Хантайка», «Таймыр», бросающие алые, синие, зеленые всполохи на мостовые. Ветер словно хочет вымести проспект до ледяного звона или умчаться его в синий простор тундры...

В пелене снежных вихрей то скрываются, то вновь оживают строчки огней, которыми проши-

Л. ЧЕШКОВА, наш спец. корр.

Фото Л. АЛИНА

ты вдоль и поперек склоны гор. Там шахты, рудники, заводы — там горно-металлургический комбинат, благодаря которому и для которого существует этот город. Уже полузабыт первоначальный смысл его имени: «норило» —

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

этом коварном грунте, строить так же свободно и надолго, как где-нибудь в средней полосе? Когда норильские градостроители приступали к решению этой проблемы, инженерное мерзотоведение мало что могло подсказать. Приходилось начинать почти с нуля.

Первые промышленные здания возводили на редких скальных участках. Потому так разбросаны предприятия по склонам гор; колоссальные средства вложены в дороги.

Первые дома Норильска — в два этажа, не выше, — словно забрели сюда случайно: есть в них какая-то незащитность перед северной непогодой. Строили их почти так, как строят на обычной земле, — и вечная мерзлота многие из них покорежила, разорвала трещинами. Первые многоэтажные дома возводились только на счастливо найденных скальных участках. Но город с единой системой коммуникаций не мог быть разбросанным...

Градостроители задумались: а что, если попробовать вступить в контакт с вечной мерзлотой? Во многих северных городах дома стоят как бы над землей: продуваемое подполье не дает теплу, идущему от здания, «растопить» землю, распатать природный фундамент. Правда, эти города создавались тогда, когда еще люди не думали, как провести трубы канализации, горячую воду и т. п. Норильск же должен был отвечать всем требованиям современного градостроительства.

Вскоре после того, как решено было работать в контакте с вечной мерзлотой, то есть сохранять ее, поднимая дом над землей на бетонных столбах фундамента, пришло и решение проблемы коммуникаций.

...На широких улицах Норильска между лентами асфальта, там, где положено быть газону (норильчане говорят, что летом есть и газон — зеленые веселые всходы овса и ячменя), на равном расстоянии друг от друга поднимаются бетонные тумбы. Под ними, в земле, проходят двухъярусные железобетонные коллекторы с трубопроводами теплоснабжения, водоснабжения, канализации. Ось коллектора специально отнесена подальше от домов: трубы выделяют тепло. Выходит, не случайно широки улицы в городе... Дома же, напротив, приближены к границе квартала и друг к другу: чем ко-

роче вводы коммуникаций, чем их меньше, тем лучше. Зачем лишний раз «беспокоить» вечную мерзлоту? Даже проезжую часть улиц чистят от снега особо тщательно, как добрая хозяйка скоблит пол избы, чтобы ветер крепче выстуживал землю, где проходят трубы.

Норильчане практически решили проблему цивилизации города за Полярным кругом. Ни в Якутске, ни в Воркуте, ни в канадских городах в то время так коммуникаций не прокладывали.

Но ставить точку — все, мол, мерзлота освоена — было рано. Как боялись строить на этом коварном грунте первые высокие, понастоящему городские здания! Многие из тех, кто приходит сегодня в универсам «Талнах», помнят, с каким трепетом следили архитекторы и строители за этим домом, когда он уже жил. Стоит год — никаких трещин, стоит два, три года... Город начал расти, но рос еще медленно — трудно было закладывать в мерзлой земле столбы фундамента.

И тогда пришла счастливая, остроумная мысль: не только оберегать вечную мерзлоту, но и заставить ее работать! Мысль эту подсказали строителям теперь уже долгий опыт контакта с мерзлотой и, конечно, новая техника, которой не было и в помине, когда приступали к созданию города.

На практике это выглядит так: бурят скважины в вечной мерзлоте, заливают их песчано-глинистым раствором. Свая, вставленная в скважину, обволакивается раствором и намертво смерзается с грунтом. На сто свай, возвышающихся метра на полтора-два над землей, настилают перекрытие — и можно возводить дом. Вечная мерзлота сама «работает» на фундамент, проветриваемое подполье охраняет «покой» этой земли. Союз с вечной мерзлотой стал естественным, полным, выгодным человеку, не нарушающим никаких особенностей природы.

Метод этот, получивший название свайного фундаментирования, был настолько прост и экономически выгоден (6—8 рабочих, несколько буровых станков — и в течение короткого времени фундамент готов), что Норильск быстро пошел в рост. Светлые многоэтажные дома — сегодняшний индустриальный Норильск — стоят, сомкнув плечи, глядя сотнями горящих окон в черно-синюю, уносящуюся с ветром вдаль тундру.

Кстати, сегодня освоено и промышленное строительство на вечной мерзлоте.

Историю о том, как вечная мерзлота из врага превратилась в союзника строителей, я услышала от лауреата Ленинской премии Михаила Васильевича Кима, старожилы города, руководителя Норильского научно-исследовательского отдела Красноярского института по строительству. Михаил Васильевич умолял только о том, что он был первым, кто высказал идею полного союза с вечной мерзлотой.

Город, приподнятый над мерзлой землей. Ты идешь по его улицам, как по улицам любого другого города, и не ощущаешь его необычности. Всматриваясь в лица прохожих, заходишь в магазины, кафе, слышишь обрывки разговоров — и начинаешь понимать, что необычность этого города заключена в обычной, наблюдаемой тобой жизни, в том, что эта жизнь есть здесь, за 69-й параллелью...

Стояла удивительная для норильского ноября погода — минус десять. Она пришла ненадолго, пришла после сорокаградусных морозов, прихватив с собой и привычный городу ветер, и все-таки это была почти весна, подаренная жителям неожиданно-негаданно. Норильчане говорили: «Эта оттепель еще скажется. Должна же природа выдержать нашу среднегодовую — минус десять». Все ждали скорых морозов и, ожидая, пользовались благами короткой передышки.

На улицах города, особенно на Ленинском проспекте, было черным-черно от полушубков, меховых шапок и меховых унтов. В этих одеждах все мужчины выглядели сильными, широкоплечими. Казалось, что все 150 тысяч жителей выспали на проспект и что все они знакомы друг с другом: так часто слышались слово «привет» и общие, «рабочие» разговоры про руду, кубометры, проценты.

Возле витрин «Вареничной» в санках лежали безмолвные меховые младенцы. Их было много — целый санный поезд. Кажется, они уже умели ждать. Норильчане любят забегать в стеклянные кубки «Пирожковой», «Вареничной» или «Чебуречной», чтобы посидеть десять минут в тепле, выпить стакан горячего бульона или кофе, а потом снова, открыв тяжелую дверь и впус-

МОЖНО ЛИ ЗАБЛУДИТЬСЯ В ПУСТЫНЕ?

холодные клубы воздуха, выскочить на улицу. В сильные морозы они, похоже, так и передвигаются, «скачками». В магазин, в другой магазин, в «Пирожковую», а там, глядишь, дома.

Мягко ступая войлочными сапожками или меховыми ичигами (в кожаных — холодно!), шли по улицам женщины. В белых пушистых, как только что выпавший снег, шапках из меха песка, меховых ушанках, с завязанными под подбородком ушами. Привычка... И, видно, по привычке девочка с нотной папкой в руках спросила у девушки, ожидавшей кого-то у входа в кинотеатр: «Тетя, у меня не белая щека? Я так давно иду...»

В руках у многих женщин — букеты, укутанные бумагой. В тот день самолетом, из Сочи, из санатория «Заполярник», привезли махровые гвоздики и хризантемы. В городе пока нет магазина цветов, и потому прилавки многих магазинов запестрели алым, белым, желтым, розовым цветом. В этом снежном городе любят зелень: густая березка — керрия японская, с раскидистыми мягкими листьями, живая и веселая; китайская роза, кактусы и бегонии — их встретишь и в гостинице, и в магазинах, и в Доме техники, и в учреждениях; увидишь и в окнах домов. Но вот на улицах, кроме редких заледеневших на ветру прутиков ивы, не встретишь ничего. Как не хватает рядом с камнем и снегом силуэта дерева! Летом — газоны, цветы, клумбы, а зимой — ничего... Конечно, архитекторам трудно здесь рассчитывать на зелень как на декоративный элемент: полярное лето коротко, растут деревья плохо, посреди улицы не посадишь; тут же наметет снег, «обогреет» вечную мерзлоту. Но вот в зонах затишья, где можно не убирать снег, попробовать стоит.

Первый большой настоящий парк в заполярном городе с высокими лиственницами, густыми аллеями, веселыми ледяными горами, с русскими санями и оленьими нартами — об этом мечтают многие норильчане. Что ж, приживается человек даже на суровой земле и хочет внести в жизнь веселье и красоту.

Слово «первый» их не останавливает, не испугает; здесь все когда-то было «первым» и «самым северным» — и тонны никеля, выплавленные в трудный 1942 год, и мост через широкую замерзшую

на стр. 76 ►

устыня Кызылкум изменилась с тех пор, как я впервые увидел ее.

Здесь по-прежнему можно заблудиться. Но уже не от бездорожья, а от обилия дорог.

Вот и на этот раз по пути на раскопки мы заблудились. Дважды возвращались к колодцу, чтобы узнать дорогу на стоянку Учачи. Оба раза из юрт выходило все их население: ребяташки, старик с транзистором, женщины в малиновых платках. Все наперебой объясняли, как проехать. И опять не тот поворот. Слишком много автомобильных следов.

Пришлось ночевать в пустыне. Вдали со всех сторон движущиеся огоньки фар. Впереди неподвижное красное зарево. Подъезжаем. Горит сухой колючий куст. Перед ним молодой чабан с ружьем. Рядом дремлют овцы. Чабан давно не видел людей. Он говорит не переставая. О дороге. О своем стаде. О том, какая трудная была зима. Мы плохо понимаем его взволнованное бормотание, похожее на молитву. Но чабана это не смущает. Он спешит выговориться.

А у нас странное чувство; ведь и нас ждет это уединение, это безлюдье в мире, иссеченном дорогами, где ночью видны движущиеся желтые и неподвижные красные огни.

На рассвете вернулись к знакомому колодцу.

— Две ваши машины уже проехали вчера, — уважительно сообщили чабаны. — Езжайте по их следам!

То-то было смеху, когда все, даже малыш на руках у матери, узнали наши лица!

Попробуем разобраться в путанице следов, пересекающих пустыню.

Хорошо наезженные дороги ведут к колодцам. Возле них можно встретить поселки и небольшие оазисы. Особенно у скважин, которые пробурили недавно. По всем правилам науки. Вот скважина с горячей минеральной водой. Прекрасная вода. Мы пили ее. А потом в бетонной поилке для скота приняли укрепляющую ванну. Пришло время поливки. По бетонным лоткам двинулась в поселок горячая целебная вода, что-то вроде нарана. Здесь ее пьют и молоденькие тополя, и арбузы, и люди, и верблюды.

Не менее укатанные дороги

ведут в никуда: на пустую кошару, на бывшую буровую, на такыр, где стояли палатки изыскателей.

Особенно много одиночных следов: проехали однажды, а вернулись уже другим путем.

Что значит, например, вот этот петляющий рубчатый след?

Может, ученые с биостанции Шурук проверяли, как взойли саксаул и верблюжья колючка в многокилометровых контрольных бороздах, прорытых с севера на юг. Земля здесь трудная, и ученые довольны, что сумели приучить к ней хотя бы самые неприхотливые растения. Больше корма скоту, меньше воли пескам. Я был на биостанции. Чудесный сад. Перед каждым растением табличка с его латинским именем. Верблюжьей колючку рстят для дела, розы — для души.

А может, сотрудники станции защиты растений подсчитывали, сколько личинок и зрелых особей саранчи приходится на такую-то площадь и не предвидится ли «биологический взрыв», когда насекомые, похожие на мотоциклистов в защитной униформе, начнут бурно размножаться и станут тупой ненавистной ордой...

В пустыне всегда есть ростки зла. О них помнят.

А может, проехали еще одни дозорные науки — паразитологи. Как-то паразитолог путешествовал вместе с нашей экспедицией. Старый китель военного врача вводил нас в смущение: слишком много времени проводил он на стенах и башнях крепостей, словно изучал древнюю фортификацию, ведь как-никак бывший военный. Прощальный вечер. Радуюсь своим находкам, своим крепостям. Встает паразитолог и сообщает, что именно крепости принесли ему самую большую профессиональную радость. Оказывается, клещи особенно любят развалины.

Часто одиночные следы приводят к шурфам, оставленным геологами или геофизиками. Заглянули в землю, прочитали слои, простукали недра и двинулись дальше.

Копыта ишака и две пары кед. Может быть, именно эти скромные следы несут в пустыню важные перемены.

Однажды на крепость, где мы вели раскопки, явились двое молодых людей в ковбойках,

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

джинсах и кедах. За ними шел белый ослик, нагруженный полиэтиленовыми мешками с водой. То ли туристы, то ли художники, то ли сумасшедшие нумизматы, которых страсть к старинным монетам привела в пустыню, где эти монеты валяются прямо на земле.

Молодые люди не спешили рассказывать о себе. Один воткнул в землю железный кол, другой привязал ишака. Странники расспросили нас про нашу работу и принялись хвалить своего длинноухого спутника.

— Умнейшее животное! Обратите внимание, как он ест.

Ишак обглодал сначала самые сухие кустики, потом кустики посвежее, а зеленые и цветущие оставил на закуску. Если его задачей было слопать все, до чего можно дотянуться, оставаясь на привязи, то нельзя не согласиться, что ишак действовал с умом.

Даже его упрямство трогало и умиляло хозяев. Они видели в этом твердый характер и самоуважение.

— Встанет — и ни с места. Но с ним можно поладить. Мы, например, садимся на корточки и начинаем переставлять ему ноги. Ишак понимает, что достоинство соблюдено, уважение оказано, и движется сам.

Путешественники открыли у ишака даже чувство юмора. Вышли они на шоссе, а там наискосок стоит сломанный экскаватор. Машины его объезжают. Ишак, видя такое дело, стал под тем же углом, перегородил дорогу и не шелохнулся, пока его не объехало десятка два машин. Это он шутил.

Воздав должное своему помощнику, молодые люди окинули взором громаду нашей крепости и соразмерили ее с ножами и кисточками у нас в руках.

— Небольшой направленный взрыв, — по-хозяйски заметил один, — и порядок: ходи и подбирай находки.

— Не волнуйтесь, — утешил другой. — Нам дано указание не трогать ваших древностей. Мы их пощадим.

Эти могущественные, но великодушные деятели, оказываются, разрабатывали вариант трассы газопровода.

— Хорошая вещь — пусты-

ня! — сказал один. — Ведешь трассу и не боишься, что кому-нибудь этим помешаешь.

— Идеальная, — согласился другой. — Ни тебе городов, ни посевов, ни водных преград.

Ишак потянулся к дальнему кусту, выдрал кол из земли и тронулся в путь. Изыскатели торопливо простились с нами.

Странная у нас работа — искать стоянки первобытного человека.

Идешь по берегу сухого русла. В руке розовая папка с белыми тесемками. На кармане ковбойки блестит английская булава. Идешь и смотришь взором грибника на землю и по сторонам.

Разноцветных камешков, окатанных рекой много тысяч лет назад, а теперь покрытых «пустынным загаром», почти не замечаешь. Но вот наклонился, поднял узкий граненый камень. Стоянка!

Выпрямляешься, отрываешь взгляд от земли, вынимаешь из розовой папки аэрофотоснимок, берешь булаву и смотришь то на снимок, то на извивы русла, островки, серые лоснящиеся тапыры на сухих перекатах, на невысокие сиреневые горы Кульдруктау.

Здесь красиво. Дышится легче, работает веселей, видится дальше, да и ветерком обдувает. Находишь на снимке место стоянки, протыкаешь его булавкой и пишешь на обороте, рядом с булавочным отверстием, порядковый номер. И привычно остришь: «Вкальваем!»

Раскопок не нужно. Об этом сама природа позаботилась. Стоянка развеена, размыта, переотложена. Бери музейный материал голыми руками и клади в мешочки.

Чтобы заметить кремни, надо наклонить голову к плечу, взглянуть под углом, — они так и заблестят своими сколами и гранями. В косых лучах заката они играют, как елочные украшения. Как-то мы увидели это праздничное сверкание прямо с машины — стоянка сама просилась к нам в руки.

А когда обернешь стоянку до последнего отца, становится грустно. Вот и потускнело, навсегда померкло место, семь или девять тысяч лет хранившее следы человека.

И опять поглядишь вдаль, на горы, излуки и перекаты. Красиво. Много красивее, чем там, где

никто не жил и не останавливался.

Чтобы проверить себя, я начал нарочно выискивать красивые места, куда так и тянет, где хочется постоять, оглядеться, по мечтать. И почти всегда там была первобытная стоянка.

Видно, у нас с древними людьми общие вкусы, общее чувство красоты. Здесь нет мистики. Всегда можно найти разумное объяснение, почему древние выбрали для жизни именно это место, а не другое. Вот, скажем, тут береговой вал защищал стоянку от господствующего ветра, но воздушных потоков все же было достаточно, чтобы смягчить зной и отогнать мошкору. А здесь, наверное, было удобно ставить сети, причаливать долбленые лодки, видишь отсюда далеко, а сам остаешься незамеченным.

И веяние былой красоты живой реки, дюн, холмов, где людям жилось привольнее, чем в других местах, как некая таинственная улыбка, дошло до нас сквозь тысячелетия, сквозь одичалую кору пустыни.

Сначала мы забили в землю гвозди. Ряды гвоздей, ориентированные по странам света, стали параллелями и меридианами стоянки, разделив ее на квадраты стороной в один метр.

У каждого из нас планшет с миллиметровкой. Раскапываем квадрат за квадратом и помечаем на плане находки: кремь — крестиком, черепок — треугольником, косточку — одной, уголек — двумя косыми линиями. Стоянка Учаши-131, на наше счастье, неразвеенная. Ищем пятна от костров и ямки от столбов — следы землянок.

Копаем мы ножами, скальпелями, метем землю кисточками. Отвал (смешно звучит это слово, когда речь идет о горсти земли) ведем совками, сыплем его в ведро. Маслянисто-черный перегной с трухлой исплевшего камыша. Семь тысяч лет назад здесь было болото.

Потом ведро уносят за пределы стоянки. Один, сидя на корточках, трясет грохот с узкими ячейками, а другой не спеша сыплет туда землю из ведра. Ветер подхватывает черный прах и несет его в сторону Бухары. А на грохоте нет-нет да и останется какой-нибудь кремешок, не замеченный при раскопках.

Двадцать два года назад я

раскопал свой первый квадрат, гордясь романтической должностью коллектора. И вот уже десять лет езжу в пустыню прощаться с археологией. Прощание затягивается.

Снова передо мной квадрат, метр на метр. В нем обнаружилось двести кремней. Цифра рекордная для нашей стоянки. Возможно, это последняя горсть находок, которую я высыпал в бездонный карман науки.

Будет время, когда вся пустыня расцветет. Никто в этом не сомневается. Пустыня вполне к этому способна. Она доказывает это каждой весной.

Удивительная весна провожала меня. Даже пыльные бури несли с собой тонкие запахи цветов и свежей зелени.

Мы видели корову, у которой из пасти торчал букет нежданных гиацинтов. Мы целыми охапками рвали белые и голубые лилии. Мы собирали фиалки со странными волосатыми листьями и закладывали в книжки, на память, адежные васильки с золотыми цветами. Мы любовались низенькими колючими кустами, когда они в одну ночь превратились в роскошные клумбы лиловых цветов.

На рассвете в палатке нас будил мелодичный звон и шум набегающей волны — это проходило стадо. Гремел умывальник. Что за гость к нам пожаловал? Выбегаем и видим красавца верблюда. Сбросил крышку и пьет из умывальника.

Стада то и дело прогоняли мимо наших раскопок. Чабаны делали это нарочно, чтобы на ходу обменяться приветствиями и посмотреть, чем мы занимаемся. Овцы, жуя, бляя, толкаясь, на миг отдавали нас уютным запахом хлеба и деревенского двора. Быстро им, бедняжкам, приходится ходить — слишком далеко от одного куста до другого, от одной травинки до другой.

Уезжаем. Последний колодец на пути в оазис.

— Товарищ шофер! Бензин давай! Подведра бензина!

— Зачем тебе, отец? Ты же на верблюде?

— Зачем? — волнуется старик чабан. — Бензина нет — баран пить не будет.

Ах, вот что! Над круглой дырой бетонированного колодца сверкает новенький подвесной мотор.

Таково мое последнее впечатление от пустыни Кызылкум.

С. МИЛИН

«Большое значение для будущего Африки и дела мира имеет освобождение Юга Африки — одного из последних районов колониального господства. Вооруженная борьба, которую ведут народы Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Зимбабве, Намибии и Южной Африки, наносит тяжелые удары по союзу фашистских и расистских режимов, поддерживаемых империалистами, и открывает перспективу новых крупных побед африканской революции».

Из Документа «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», принятого международным Советанием коммунистических и рабочих партий в Москве.

ГНЕВ МОЗАМБИКА

НАЧАЛО БОРЬБЫ

Природа никогда не засыпает сразу и целиком. Даже после захода солнца она еще долго бодрствует. Вот и сейчас душный мрак тропической ночи был полон звуков. Где-то выли шакалы, мягко шелестели крылья невидимых птиц, вдали слышался глухой рык льва. И лишь со стороны барачков, где ютились «контратадос» сеньора Медейроса, не доносилось ни звука. Однако и там не спали. В одном из барачков в углу на грубых нарах, прикрытых когда-то яркими, а теперь превратившимися в лохмотья одеялами, сгрудились человек тридцать африканцев. В центре сидел один из новеньких — высокий плечистый негр по имени Нампула. Его живые, умные глаза перебегали по лицам слушателей, следя за их реакцией.

— Братья! — громким шепотом говорил он. — Посмотрите на себя. Ваши руки в мозолях, а тело стонет от побоев. В ваших деревнях матери, жены, невесты устали ждать своих мужчин у осиротевших очагов. Кто виноват в этом?

— Мзунгу, — послышался робкий голос.

— Да, мзунгу, португальцы, — подхватил Нампула. — Кто, как не они, отнял у нас родину, превратил свободных людей в невольников! Разве можно дальше терпеть это?

— Что поделаешь, брат, — горестно отозвался «контратадо» Лоренсу. — У португальцев сила, а перед силой смиряется даже лев... Да и что можно сделать голыми руками?

— Конечно, если действовать в одиночку. А если против португальцев поднимется вся страна от Рувумы до Лимпопо, разве сладят с нами мзунгу? Меня прислала к вам наша партия, Фронт освобождения Мозамбика — ФРЕЛИМО. Другого она послала к макау, третьего — к ломве, малави, маконде...

Нампула потянулся за лежащим в изголовье мешком и, порывшись в нем, достал сложенный вчетверо лист бумаги. Несколько рук торопливо протянулись к нему с самодельными светильниками. Теперь вокруг группы на нарах собрались все обитатели барака.

— «Обращение к мозамбикскому народу», — откашлявшись, Нампула начал медленно читать текст листовки.

— «Португальские колонизаторы не считают нас людьми. Им противен черный цвет нашей кожи. У белых все наши богатства, а у нас — ничего. Друзья! Настало время действовать. Фронт национального освобождения Мозамбика призывает вас вступить в его ряды. Надо объединиться, взять в руки оружие, и тогда колонизаторы будут изгнаны...»

Не вечер и не два собирались вокруг Нампулы его товарищи по бараку. Хватало и споров, и сомнений. Но и терпения, а главное, убежденности Нампуле было не занимать...

Была обычная ночь. Так же выли шакалы, издалека доносился рев льва. А среди высокой травы саванны пробирались маленький отряд вчерашних «контратадос», ставших солдатами ФРЕЛИМО.

ПУТЬ ЭДУАРДО МОНДЛАНЕ

Издавна пасти овец или коз у тсонга доверяют только самым смелым и сметливым мальчишкам. В зарослях кустарников и трехметровой слоновой травы чуть зазевался, и не то что не-

досчитаешься половины стада, а и сам угодишь на завтрак льву или леопарду. В деревеньке Мачека, что затерялась среди бескрайней саванны в самой южной мозамбикской провинции Газа, не было лучшего пастуха, чем сын старого Мондлане Чивамбо. К десяти годам он уже отлично владел копьём, знал, где в засуху найти водопой. Случалось и одному с горящей головней отпугивать от стада подкрадывавшегося льва.

Но что действительно выделяло Чивамбо среди сверстников, так это неумная страсть к знаниям. Под палящим солнцем и тропическим ливнем ходил Эдуардо, как окрестили Чивамбо миссионеры, за много километров в католическую миссию. Премудрости чтения, письма, арифметики он схватывал буквально на лету. А большего, по мнению его наставников, африканцы и не нужно. Но Эдуардо этого было мало.

Собравшиеся на совет старики деревни долго не могли решить, отпустить ли настойчивого подростка. Где же это видано, чтобы тсонга уезжал в город учиться! И кто знает, как сложилась бы судьба Эдуардо Чивамбо Мондлане, не поддержи его деревенский староста. «Пусть идет к мзунгу и узнает все тайны их джу-джу»¹, — решил он.

Учителя в школе в Лоренсу-Маркише не могли нахвалиться новым учеником. На его блестящие способности обратили внимание даже португальские власти: он первый из коренных жителей Мозамбика направлен учиться в Лиссабонский университет. Можно было считать, что карьера молодого африканца обеспечена. Надо было только выказывать смирение и покорность, и по возвращении ему бы дали крупный пост в колониальной администрации.

Однако и в далеком Лиссабоне Эдуардо Мондлане не забыл печальных песен своей родины. «Когда я голодный ухожу на работу, я знаю — это смерть, — пелось в них. — Надеяться больше не на что. И удача убегает от меня, как заяц». Впрочем, не нужно было иметь глаза леопарда, чтобы убедиться, что и в самой Португалии судьба простых людей неамного лучше. «Неужели

¹ Дж у - д жу — черная магия, колдовство.

нельзя изменить ее? Что нужно для этого?» — задавал себе вопросы Эдуардо. В саванне, в тропическом лесу охотник всегда найдет дорогу по сотням верных примет. А как выбрать верный путь в жизни?

Вскоре Мондлане знакомится с членами подпольного кружка демократической молодежи. То, что он слышит и узнает там, заставляет его на многое взглянуть по-новому.

...В пять часов утра дверь комнатки под самой крышей, которую снимал Эдуардо, затряслась от яростного стука.

— Открывай! Полиция!

Ворвались трое в штатском.

— Мондлане? Одевайся! — грубо приказал старший.

Камера в лиссабонской тюрьме Алжубе, куда бросили арестованного, напоминала могильный склеп: ни звука, ни лучика света не проникало сюда. На четвертые сутки Мондлане отвезли в управление тайной полиции ПИДЕ на Антониу Мариа Кардозу. Начались бесконечные допросы. Следователи требовали фамилий, адресов, признания в том, что он коммунист. Мондлане не отвечал. Тогда его бросили в карцер, морили голодом, лишали сна. Арестованный молчал.

Несмотря на все усилия, следователи ПИДЕ так и не добились нужных признаний. Единственное, что у них было, — донос провокатора — слишком легковесная улика, чтобы без лишнего шума упрятать в тюрьму первого «показательно» студента из Мозамбика. Мондлане оказывается на свободе, однако остается в Португалии ему запрещено. Чтобы завершить образование, приходится ехать в Соединенные Штаты. И там его способности не прошли незамеченными. Ему предлагают остаться при кафедре права, сулят карьеру ученого. Но Африка, родина ждет его. Нет, не кабинетной работе, а борьбе за свободу своего народа решает посвятить он себя отныне. А для этого прежде всего нужно было собрать разрозненные силы мозамбикских патриотов.

Наконец первый успех. В июле 1962 года из мелких политических группировок создается Фронт освобождения Мозамбика — ФРЕЛИМО. Мондлане — его председатель. «Главное сделано, — утверждают одни. — Ветер перемен,

дующий над Африкой рано или поздно заставит и португальские власти пойти на уступки». Однако Мондлане не согласен сидеть сложа руки, надеясь лишь на то, что колонизаторы когда-нибудь смилятся. Португальцы никогда сами не предоставят независимости, доказывает он. Единственный выход для Мозамбика — вооруженная борьба.

25 сентября 1964 года Фронт освобождения Мозамбика выступил с историческим «Обращением к мозамбикскому народу», где были и такие слова: «Мы должны укреплять нашу политическую организацию, создавая новые боевые ячейки ФРЕЛИМО в портах, на шахтах, на заводах, железных дорогах и плантациях, на лесопильных предприятиях и в деревнях, в школах и учреждениях. Повсюду должны находиться преданные делу члены ФРЕЛИМО, способные мобилизовать все силы для борьбы и в любых конкретных условиях направлять народные действия... Мы должны постоянно разъяснять политические, экономические и социальные задачи нашей революции, чтобы народ глубже понимал ее причины».

ПЛАМЯ РАЗГОРАЕТСЯ

...Деревня Вакомбо еще не спала. Мужчины, беседовавшие у костра под гигантским баобабом, внезапно умолкли и стали напряженно прислушиваться к доносившимся издалека глухим дробным звукам.

«Слушайте! Слушайте! Слушайте! — призывали звуки. — Говорит тамтам деревни под тремя пальмами. Завтра две большие лодки мзунгу поплывут туда, где заходит солнце...» — звуки, накатываясь из темноты, напоминали то треск падающего дерева, то щелканье челюстей голодного крокодила, то частый перестук дождевых капель по пальмовой кровле.

От группы мужчин отделился морщинистый старик и направился к деревенской площади, туда, где был выдолблен в огромном пне тамтам-нгома.

«Говорит тамтам в деревне у источника! — зарокотал тот под ударами его искусных рук. — В лодках будут тридцать мзунгу...»

На опушке тропического леса

там, где густой кустарник пытается ворваться в плотный строй великанов-деревьев, притаился юноша с винтовкой в руках. Чутко вслушивается дозорный в язык ночных джунглей. Где-то у реки шумно заворочался бегемот. А это пронзительно заверещали потревоженные леопардом обезьяны. Все спокойно. Внезапно юноша встрепенулся. Со стороны побережья, обгоняя друг друга, понеслись громкие звуки. Несколько минут, и по коже антилопы, натянутой на вбитых в землю колышках, забарабанили две быстрые палочки. Пусть приплывают завтра португальцы. Командир Нампула будет знать, где встретить их!

Сплошная стена леса зеленым коридором стискивала извилистую Мсалу. А тут еще целые плавучие острова водорослей то и дело заставляли стопорить моторы. Непрерывные задержки выводили из себя лейтенанта Мануэля Белармино да Сильву.

Катера опять сбавили ход. «Ползем, как черепахи», — раздраженно проворчал лейтенант, и в ту же секунду сонную тишину джунглей распорол сухой треск залпа.

— Огонь! — запоздало закричал лейтенант и тут же свалился на дно катера. Стараясь не высовываться из-за бортов, солдаты наугад стреляли в лесные заросли, где укрывались бойцы ФРЕЛИМО. Первый катер, изрешеченный пулями, начал тонуть. Оставшиеся в живых солдаты попрыгали за борт. Второй резко вильнул в сторону и с разгону ткнулся носом в илистый берег. С побелевшими от страха лицами португальцы старательно тянули руки вверх. Из-под полога густой зелени показались люди в выгоревших защитных куртках.

— Собрать все оружие! — послышалась команда Нампулы.

Его отряд одержал важную победу. Восстание, поднятое ФРЕЛИМО на плато Маконде, что в провинции Кабу-Дельгаду, разгоралось.

СОВЕЩАНИЕ В ПРЕТОРИИ

...В иоганнесбургском аэропорту имени Яна Сметса ждали важного гостя — главу роде-

зийского правительства Смита. Еще утром из Претории сюда прибыла целая кавалькада сверкающих лаком лимузинов с высшими лицами южноафриканского государства. На обращенной к летному полю веранде среди встречающих был и сам премьер-министр Бальтазар Форстер. Чуть поодаль от остальных в обществе министра финансов Донгеса и министра экономики Дидерихса стоял сухопарый мужчина лет шестидесяти с выправкой военного — специальный эмиссар Лиссабона генерал Карреско.

— В мире идет война рас. И надо признать, пока белая раса не на высоте, — сумрачно цедил Донгес.

— Такой пессимизм с утра, что это с вами, дорогой Донгес, — с усмешкой бросил подошедший к ним грузный великан — шеф полиции и начальник Бюро государственной безопасности генерал-лейтенант Хендрик Ванденберг.

— Наверно, потому, что в вашем бюро не полторы тысячи агентов, а полторы тысячи бездельников, которые даром едят хлеб, — не принял шутки министр. — Не поймешь, то ли облава на окапи, то ли встреча высокого гостя, — с ехидством добавил он, кивнув на густо окруживших периметр летного поля полицейских.

— Мы отвечаем за безопасность господина Смита, — сухо отрезал Ванденберг.

Реактивный лайнер подрулил к зданию аэровокзала. Приветственно помахав встречающим, Смит резко сбежал по трапу. Рукопожатия, обмен короткими приветствиями, и вот уже кавалькада «линкольнов» под вой полицейских сирен со скоростью ста миль в час устремляется по обычно самому оживленному, а сегодня непривычно пустынному шоссе из Иоганнесбурга в Преторию.

С высоты птичьего полета столица ЮАР напоминает шахматную доску с бесчисленными квалратиками старых, приземистых голландских домов и вытянувшимися вверх коробками ультрасовременных зданий. На зеленом холме за городом поднимается к небу монументальный правительственный дворец — широкий полукруг серого бетона, завершающийся башнями в стиле барокко и окаймленный могучей псевдоантичной колоннадой. В центре

приткнулась нелепая каменная беседа, где обычно отдыхают туристы. Но сегодня она пустила: в этот мартовский день 1967 года в оцепленном полицейской дворце пишутся первые строки новой главы в книге судеб Африки, страницы которой окрашены алой кровью ее сынов.

Начиная с 1965 года в связи со стремительным подъемом освободительной борьбы на юге Африки, и в частности в португальских колониях Мозамбике и Анголе, правительства ЮАР, Родезии и Португалии решили объединить свои усилия для ее подавления. Между Преторией, Солсбери и Лиссабоном один за другим следуют обмены высокопоставленными визитерами, ведутся трехсторонние переговоры. И хотя содержание их держится в строжайшей тайне, о нем можно судить хотя бы по публичным высказываниям представителей соответствующих правительств.

«Мой предшественник господин Фервурд подчеркивал, что «туземцев следует учить тому, что равенство не для них»... Я пойду дальше, чем Фервурд, каковы бы ни были последствия». Премьер-министр ЮАР Форстер.

«Мы достигли такого этапа в нашей национальной жизни, что все больше осознаем: в истории всякой нации бывают времена, когда должны говорить не только разум, но и кровь, и для нас это время наступило». Министр ЮАР Донгес.

«Я считаю, что мы не можем проходить мимо событий... в Мозамбике. Белые решили отстаивать свои принципы и объединиться с Южной Африкой и Португалией в твердой решимости спасти эту часть Африки от экстремизма и в конечном счете от коммунизма». Премьер-министр Родезии Ян Смит.

«Вы не должны думать, что мы вооружаемся против внешнего врага. Нет, мы вооружаемся для того, чтобы расстреливать черные массы». Министр ЮАР Эразмус.

«Конечно же, Португалия полностью поддерживает необходимость решительных региональных мер «к югу от экватора» в Африке». Министр иностранных дел Португалии Ногейра.

«ОПЕРАЦИЯ ДЖУ-ДЖУ»

Традиционная июльская саба-саба¹ была многолюдной. Еще вчера здесь был поросший травой пустырь на окраине Дар-эс-Салама. И вдруг, словно здесь постарался какой-то добрый джу-джу, за одну ночь появился целый городок с площадями и улочками красочных лавок и павильонов, флагами и гирляндами цветов. Водоворот толпы разряженных в яркие одежды африканцев, громкие выкрики продавцов, смех, музыка. Чуть в стороне, на площадке плотное кольцо зрителей наблюдало за необычным зрелищем: полуобнаженный мужчина исполнял танец с двумя черными мамбами, которых он вешал себе на шею, скручивал в жгуты.

— Черт побери, настоящее волшебство, — восторженно пробормотал высокий европеец с шелушащимся от солнца носом, меняя пленку в камере.

— Да, мамба — самая опасная змея в Африке, мистер Ломбард. Ее укусы смертельны, — заметил подошедший в этот момент африканец в выгоревшей зеленой куртке.

— О, мистер Нампула! — резко повернулся первый. — Очень рад вас видеть.

— Добрый день, мистер Ломбард...

— Пожалуйста, просто Ганс. В такую жару протокольные условности выше моих сил...

— Между прочим, — кивнул Нампула на заклинателя. — в Африке искусство обращения со змеями десятки лет передается от отца сыну...

— Поразительно, — с готовностью поддержал разговор Ломбард. — Кстати, вы не возражаете, если я приглашу вас ко мне в «Твигу»? У меня к вам целая куча вопросов...

В танзанийской столице Ломбард появился сравнительно недавно, но уже обзавелся широким кругом знакомых. На его визитной карточке значилось: «Писатель, журналист, фотограф». Глядя на этого веселого, «компанейского» человека, трудно было поверить, что ему немало пришлось вынести в жизни. Со своей родины, ЮАР, он тайно бежал за грани-

цу, спасаясь от преследования шпиков генерала Ванденберга. Скитался по разным странам, потом на несколько лет осел в Лондоне. Он не скрывал, что ненавидит расизм и апартеид, и поэтому быстро сошелся с южноафриканскими эмигрантами и по мере сил старался помогать им. Ломбард подумывал даже купить в Лондоне собственную газету для этой цели, тем более что нужды в деньгах он не испытывал. Но много ли толку писать о борьбе с расистами и колонизаторами за тысячи километров, из Англии? Он переехал в Дар-эс-Салам, чтобы иметь возможность самому побывать там, где гремят выстрелы, и рассказать миру о героях, увиденных своими глазами.

— ...Вам, европейцам, много просто трудно понять, — Нампула задумчиво посмотрел на журналиста. — Взять хотя бы джу-джу...

— Неужели и вы верите в джу-джу? — иронически поднял брови Ломбард.

— Я лично нет. Но колдовство так прочно вросло в быт Африки, что с этим нельзя не считаться. Расскажу вам один любопытный случай. Пока в деревнях суеверия почти так же сильны, как и сто и двести лет назад. Поэтому для нас важно, чтобы те, кого десятки лет приучали беспрекословно повиноваться всем и вся, начиная с деревенского старосты и колдуна и кончая тем же «шефе де посто», почувствовали себя свободными людьми. Португальские чиновники в наши партизанские районы давно уже носа не показывают. Старосту, если нужно, всегда можно заменить. А вот как быть с джу-джу? Ведь многие действительно верят в талисманы и заклинания колдунов.

И знаете, что придумали партизаны? Стали раздавать крестьянам кусочки обшивки сбитых португальских самолетов. Раньше те думали, что это сверхъестественные чудовища, насылаемые мзунгу, а оказалось — просто машина. И с ней вполне можно справиться.

— При чем же здесь джу-джу?

— Сейчас поймете. Допустим, приводят на деревенский сход тамошнего колдуна и спрашивают: «Можешь помешать железным птицам мзунгу

¹ Саба-саба — ежегодная семидневная ярмарка в Танзании.

сеять смерть и разрушения?» Тот мнется. «Не можешь, значит? А мы смогли. Вот тебе на память от нее кусочек». И вручают кусочек джурала.

— И помогает?

— Чаще всего да. Те из колдунов, кто поумнее, теперь горой за партизан. Некоторые даже в разведку ходят...

— Мистер Нампула, вы даже не представляете, какой потрясающий репортаж можно сделать об этом. Обещайте, что, когда будете возвращаться к себе в Мозамбик, обязательно прихватите меня с собой. В штабе ФРЕЛИМО мне, увы, ничего определенного относительно поездки пока сказать не могут. А я просто больше не могу сидеть здесь сложа руки. Ручаюсь, что не буду обузой. Однажды мне уже довелось пробираться по тайной дороге в Южную Африку...

— Что ж, раз так, придется за вас походатайствовать, — улыбнулся Нампула.

«ВОЛШЕБНИК» ИЗ ЮАР

Перспект Двадцать четвертого июля серой лентой прорезает мозамбикскую столицу Лоренсу-Маркиш. До поздней ночи катит по нему поток машин мимо спрятавшихся в зелени вилл, сияющих неоновыми рекламными магазинами, шикарными ресторанами и кинотеатрами. На его тротуарах, усыпанных алмами цветами фламбуанов, которые в ярком электрическом свете кажутся каплями засохшей крови, африканцы стараются не появляться. Это «белый» район, где на каждом шагу можно встретить полицейского, и даже если твой пропуск в порядке, все равно рискуешь нарваться на неприятности. Неподалеку от проспекта Двадцать четвертого июля в тихом переулке находится мозамбикское управление ПИДЕ.

...Несмотря на поздний час, генерал Каулсу де Арриаге и не думал заканчивать совещания. Из доклада начальника отдела агентурной разведки Антонио Ребелу было ясно, что группы сипайо — террористов-убийц, на заброску которых в отряды ФРЕЛИМО делался упор, надежд не оправдали. Задача же оставалась прежней: уничтожить руководящие кадры фронта. А для этого

прежде всего нужно было обнаружить центральные базы ФРЕЛИМО.

— Что доносит агентура? — не скрывая раздражения, перебил генерал.

— Разрешите доложить, господин генерал, — привстал начальник отдела по координации информации Альваро да Коста Морейра. — Генерал Ванденберг обещал подключить к нам в помощь одного из своих опытейших людей. Его псевдо «Ньянга».

— «Ньянга» — «Волшебник»? Он что, черный?

— Об этом в сообщении не говорится, но генерал Ванденберг считает его ценным агентом. Мне кажется, отделу агентурной разведки следует параллельно активизировать операции при содействии наших родезийских друзей. Думается, таким образом нам быстрее удастся установить местонахождение главных баз ФРЕЛИМО.

Танзанийская столица Дар-эс-Салам — это целое море причудливо переплетающихся улочек, переулков, тупичков, что, подобно прибою, подступают к фешенебельному центру. На одной из них, носящей имя Кваме Нкрумы, стоит внешне ничем не примечательный двухэтажный дом, где помещается центральная штаб-квартира Фронта освобождения Мозамбика.

В тесной комнате на первом этаже, заваленной литературой на английском, португальском, суахили, кипами вестника «Мозамбикская революция», пачками листовок, собралось человек тридцать журналистов. Пресс-конференцию проводит Джулио Разао Нлиа из департамента информации ФРЕЛИМО:

— ...Господа! Мы пригласили вас, чтобы познакомить с решениями II съезда Фронта освобождения, который был проведен недавно в очищенных от португальских колонизаторов районах Мозамбика...

Журналисты еле успевали записывать.

— ...Вооруженные силы фронта выросли за четыре года с 250 человек до 15 тысяч хорошо обученных бойцов, способных наносить серьезные удары по регулярной армии колонизаторов. Они располагают современным оружием вплоть

до реактивных гранатометов... Сейчас части ФРЕЛИМО почти полностью освободили провинции Ньяса и Кабу-Дельгаду. Еще один фронт вооруженной борьбы против португальцев открыт в провинции Тете... В последнее время все более отчетливо вырисовываются детали тройственного расистского заговора против африканских борцов за свободу. На границе Родезии и Мозамбика с участием ЮАР строятся военные базы и аэродромы. На одну из них — Вилья де Мансиа уже переброшены более трех тысяч человек из так называемых мобильных частей — объединенных карательных отрядов Форстера, Смита и португальцев...

Когда журналисты стали расходиться, к Нлиа подошел Ганс Ломбард.

— Разрешите мне поздравить через вас руководство ФРЕЛИМО с новыми успехами. Молодцы партизаны, геройские ребята. Я просто не дождался, когда лично увижу их. Как с моей поездкой? Не могли бы вы отправить меня с господином Нампулой? Он, кажется, скоро возвращается в свой отряд.

— Я думаю, господин Ломбард, что на следующей неделе вопрос будет решен.

Через несколько дней в кабинете председателя ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане обсуждалась просьба Ганса Дж. Ломбарда о посещении освобожденных районов Мозамбика. Джулио Нлиа коротко докладывал руководству некоторые факты из жизни журналиста Ломбарда.

— Ломбард старается выдать себя за старого газетного волка, но вот что странно — он нигде не напечатал ни одной серьезной статьи...

— Но это еще ничего не доказывает, — вступился Нампула. — Может быть, он просто пока собирает материалы?

— Подожди, я еще не кончил, — поднял руку Нлиа. — В том же Лондоне он не столько собирал материалы, сколько старался втереться в доверие к членам южноафриканских освободительных организаций.

— Сведения надежные?

— Абсолютно. От нашего друга южноафриканского коммуниста. Знаете, как отозвались

о Ломбарде в редакции «Саут Лондон уикли», которую, по его словам, он якобы собирался купить? «А, этот развязный бур... Он проработал у нас младшим репортером несколько недель и не написал ни одной стоящей строчки».

— Да, характеристика далеко не лестная, — смущенно заметил Нампула. — А он произвел на меня хорошее впечатление. Боевой парень, судя по его рассказу о поездке в Южную Африку.

— Кстати, а он не говорил, что произошло тогда? Его сопровождал Мэтью Мгаю из Панафриканского конгресса. Так вот на обратном пути из Транскея Ломбард уговорил Мгаю заехать в Йоганнесбург, где на конспиративной квартире их обоих накрыла полиция. А через неделю наши южноафриканские друзья засекли «журналиста» в «Радужном зале». Это самый дорогой ресторан в городе, причем, судя по всему, он был там в компании сотрудников Бюро безопасности.

Нлиа подождал, пока стихнут возмущенные голоса.

— И наконец, последнее. Есть данные, что Ломбард встречался здесь с американским агентом Эдвардом Ли Вудсом, когда тот нелегально был в Дар-эс-Саламе...

На следующей неделе Ломбард, к своему величайшему удивлению, услышал в штабквартире на улице Кваме Нкрумы, что «ввиду осложнившейся обстановки в зоне боевых действий руководство ФРЕЛИМО не вправе подвергать опасности его жизнь». Тщетно доказывал он, что готов взять весь риск на себя, Джулио Нлиа из департамента информации был вежлив, но непреклонен.

Устроившись в глубоком кресле сбоку от массивного письменного стола генерала де Арриаге, Ганс Дж. Ломбард, «писатель, журналист, фотограф», а по своей основной профессии агент «Ньянга» — «Волшебник» из южноафриканского Бюро безопасности, не спеша потягивал виски.

— Что же вы конкретно предлагаете, мистер Ломбард? — вкрадчиво осведомился генерал.

— Сколько агентов вы потеряли за последнее время?

— Что-то около двадцати, — поспешил уклончиво ответить начальник отдела агентурной разведки Ребелу.

— Тогда вам прямой смысл рискнуть еще одним-двумя. Вы знаете, кто работает под кличкой Джон Браун?

— Родезийский резидент в Лондоне?

— Он самый. У него в Дар-эс-Саламе есть старый агент. Нет, нет, на вашу операцию Браун его не отдаст. Но кое-что подсказать вашему агенту, например куда, когда и как доставить «посылку», он вполне сможет. Я дам вам к нему пароль для связи. По приезде туда ваш человек — конечно, если его не прихлопнут на границе, — со смехом добавил Ломбард, — должен поместить в газете «Лоукал эдвертайзер» объявление, что ищет квартиру с машиной на два месяца. Желательно на Оушн-роуд. План вполне реальный. К тому же, если он удастся, в сеть попадет не мелкая рыбешка...

ПОСЫЛЬНЫЙ ПРИДЕТ В СЕМЬ

Сквозь сон Филипп Гомиш услышал пронзительный трезвон телефона.

— Мистер Билфорд? — мягко пророкотала мембрана.

— Э... э... Да, да! — сообразил наконец Гомиш.

— Вас интересует квартира на Оушн-роуд?

— Только если у владельца найдется «пежо». Хотя бы на два месяца.

— Я звоню вам по поручению мистера Эдуардо. Сейчас он в Аруше, но к вечеру вернется и будет ждать вас. Скажем, от семи до девяти. Правда, мистер Эдуардо живет на Палм-роуд, но это совсем рядом с Оушн-роуд. Он оставил вам «пежо» у вашей гостиницы. Номер T13-7. T13-7. Посмотрите, устроит ли он вас. Ключ от зажигания в конверте у вас в номере.

Частые гудки отбоя. Гомиш подбежал к двери. Схватил с пола конверт. Так, ключ. Ага, записка: «Рекомендуем агентство «Смит Маккензи», посылного лучше вызвать на улицу Кваме Нкрумы». Подписи нет.

Гомиш машинально бросил взгляд на часы. 9 часов утра. 3 февраля 1969 года. Святая Мария! Скорее бы все кончилось!

Дар-эс-Салам — «Гавань мира», как называли этот город арабы, — особенно хорош по вечерам, когда, кажется, на улицы высыпает все его население, чтобы после дневного пекла насладиться освежающим, пахнущим морской солью и водорослями бризом. Привычно лавируя среди неспешно текущей толпы гуляющих, Мунги, посыльный из конторы «Смит Маккензи», в этот вечер мысленно был далеко отсюда, в родной деревне, где не был вот уже два года.

На углу улицы Кваме Нкрумы его остановил резкий окрик:

— Эй, бой! Ты посыльный из конторы Маккензи? Сколько, черт побери, можно ждать?! Я вам звонил уже час назад!

— Да, мистер, я из конторы господина Маккензи. Простите, но хозяин только что послал меня по вашему вызову.

— Ладно. Отнесешь посылку на Палм-роуд, вилла Бетти Кинг. Спросишь господина Эдуардо. Понял?

— Да, мистер.

— Знаешь, чей это дом? — махнул Гомиш в сторону штабквартиры ФРЕЛИМО.

— Нет, мистер.

— Неважно. Скажешь господину Эдуардо, что мы только что получили ее здесь, на Кваме Нкрума. Дело срочное. Вот тебе фунт. Управисься за час, получишь второй.

— Можете быть уверены, мистер, я все сделаю. Как мне потом вас найти?

— Спроси в этом доме Антонио Фернадеса. Да, не забудь попросить у господина Эдуардо расписаться на адресном ярлыке и обязательно принести его мне...

— Хорошо, мистер Фернадес...

Весело напевая незамысловатый мотив, услышанный на днях в кино, Мунги спешил по торговой Индийской улице. Хорошо, хоть посылка попалась легкая. Юноша крепче прижал локтем небольшой четырехугольный сверток с ярким адресным ярлыком, пристроенным к серой оберточной бумаге.

«Вилла Бетти Кинг», — про-

читал он на табличке у асфальтированной дорожки, которая вела к небольшому дому за жилой изгородью.

— Срочный пакет для господина Эдуардо, — торопливо бормочет запыхавшийся посыльный вышедшему на стук юноше. Тот недоверчиво оглядывает скромную фигурку Мунги. — Меня послал господин Антонио Фернандес с улицы Кваме Нкрумы...

— Хорошо, подожди здесь, — кивнул головой юноша.

Не успел Мунги осмотреться, как в холл вышел высокий африканец в распахнутой у ворота легкой рубашке.

— Господин Эдуардо, господин Фернандес просил передать вам... — Мунги поспешно протягивает пакет. Ему как-то неловко говорить о расписке этому человеку с высоким лбом и внимательными, спокойными глазами. Но ведь он же обещал принести ее господину Фернандесу. — Минуточку, я оторву ярлык...

Посыльный дергает за цветной картонный прямоугольник, и в ту же секунду ослепительная вспышка взрыва с дикой силой бросает в сторону его тело...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

11 марта 1969 года газета «Замбия мейл» вышла под крупным аншлагом через всю первую полосу: «Тайна заговора раскрыта. Союз нечестивых не унимается». Недавно, говорилось в сообщении, органы безопасности Замбии арестовали некоего Гарольда Барри Бойса. Как выяснилось в ходе следствия, он выполнял задания секретной организации «Рыжая лиса», созданной расистами для совершения террористических актов против борцов за свободу и ведения подрывной деятельности против независимых африканских государств. В частности, Бойсу было поручено взорвать штаб-квартиру партии Союз африканского народа Зимбабве в Лусаке. Имея при себе служебный пропуск, диверсант пересек замбийскую границу под видом техника, следящего за исправностью линии энергопередачи с гидростанции Кариба. В багажнике его машины находились мощ-

ные пластиковые бомбы, спрятанные в канистрах для горючего. До декабря 1968 года Бойс был подданным ЮАР. Затем он перебрался сначала в Мозамбик, а оттуда в Родезию, где окончательно отработывались детали предстоящего диверсионного акта. Это ли не доказательство, писала газета, наличия тесных связей между португальской тайной полицией ПИДЕ, секретной службой ЮАР и «Рыжей лисой», опекаемой Солсбери? Причем, как заявил на пресс-конференции вице-президент Союза африканского народа Зимбабве Джеймс Чикерема, «главари Претории, Лиссабона и Солсбери давно уже ведут тайную войну против борцов за свободу и независимость Африки. Запланированная диверсия в Замбии должна была совпасть по времени с подлым убийством руководителя Фронта освобождения Мозамбика Эдуардо Мондлане».

Две недели спустя в танзанийской печати появилось сообщение властей, которые вели расследование покушения на Мондлане. В последнее время, говорилось в нем, зарегистрированы новые попытки проведения террористических актов против лидеров мозамбикских патриотов. Полиция перехватила еще две «посылки» с бомбами замедленного действия, в том числе 13 марта, которая была адресована одному из руководителей ФРЕЛИМО Марселино дос Сантосу. Причем, по словам начальника следственного департамента Танзании Савайя, «они были явно из одного и того же источника».

«Судя по всему, расисты замыслили кампанию террора против лидеров освободительных движений, чтобы сорвать важные решения о дальнейшей активизации борьбы, принятые на сессии Комитета освобождения Организации африканского единства, — подчеркнул один из видных деятелей национально-освободительного движения в Африке Джордж Ниандоро. — Однако, к каким бы маневрам ни прибегали наши враги, народы португальских колоний, Южной Африки и Родезии полны решимости довести великую битву за освобождение до победы!»

...То, что осталось от Муэды, даже при богатом воображении трудно было назвать укрепленным лагерем. Разбитые парти-

занскими минометами окопы, обуглившиеся стены бункеров, разбросанные в хаотическом беспорядке мешки с песком, снарядные гильзы, мотки колючей проволоки, сорванные взрывами антенны, обломки самолетов на травяном поле за казармами — жалкие следы португальской базы, еще недавно контролировавшей весь сектор.

Километрах в двадцати от Муэды на небольшой прогалине в делях сумрачного тропического леса, куда ведут неприметные узенькие тропинки, под кронами деревьев приютились несколько барачков с плетеными стенами и крышами из пальмовых листьев. Рядом — закопченные очаги из камней, помятые бидоны с водой, штабеля ящиков с амуницией, гранатами, разобранными минометами. К одному из барачков тянутся телефонные провода. Внутри вокруг разложенных на столе карт склонились несколько человек в защитных куртках с накладными карманами. Идет разбор другой операции, в ходе которой была разгромлена рота карателей.

— Пойми, Лоренсу, — терпеливо втолковывает Нампула одному из командиров, с которым когда-то создавал свой отряд, — партизанский рейд — это не только чисто военная, но и политическая операция. Нужно всегда учитывать интересы населения, избегать ничем не оправданного риска.

— Товарищ Нампула, — слабо пытается возразить Лоренсу, — у нас же были реактивные гранатометы, и мы сразу подбили оба броневика. После этого из пулеметов отсекали португальцев от деревни.

— А если бы каратели подбросили подкрепления на вертолетах? Могли бы напрасно пострадать мирные жители. Лучше было бы перехватить их подальше от деревни, непосредственно около поста. Учти это на будущее.

Требовательно зазуммерил телефон. Нампула взял трубку. Все притихли.

— Да. Знаю. Начальник штаба будет у вас через два часа. Решите с ним на месте. Хорошо, подбросим вам минометов. Атаку не начинайте, пока не убедитесь, что пулеметные точки подавлены...

Партизанские будни продолжались.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЦЕМ МЭРОМ О ДЕЛАХ КОММУНЫ СЕН-ДЕНИ

Вывраться из автомобильной круговерти парижских улиц не так-то просто. Течение несет настолько быстро, что лишает какой бы то ни было самостоятельности. Машины обступают тесно, слиш-

ком тесно. Причем здесь, чтобы найти свой путь, нужен не самый сильный мотор, не самая приемистая машина. Куда важнее психология. Выдержишь натиск соседей, сидящих в авто поновей и

помощней, — только тогда ты можешь взять свою скорость и свое направление.

(Не подумайте, что автор задался целью долго задерживать ваше внимание на перипетиях уличного движения во французской столице. Просто в этой связи пришли на ум аналогии из совсем другой области. Но немного терпения...)

Мой французский друг везет меня на своем юрком «рено» на северную окраину Парижа, в предместье Сен-Дени на встречу с мэром этой коммуны Огюстом Жилло. Товарищем Жилло. И пока мы, вырвавшись из города, едем по новой автостраде, мой друг, склонный, как многие французы, к широким и смелым историческим параллелям, говорит о взаимоотношениях своего знаменитого города с не менее знаменитыми пригородами.

— Смотри вот, возьмем Версаль. Король недаром перебрался туда, подалее от глаз Парижа. Когда Париж восставал, Версаль всегда оставался оплотом сил, враждебных Городу. И не только во времена Тьера. Недаром после того, как нацисты оккупировали Францию, не в Париже, а именно в Версале начали формировать из коллаборационистов «версальскую милицию» — она, кстати, так и называлась... Честное слово; когда возишь гостей смотреть изысканные красоты Версаля, хочется напомнить и об этом. Можно было бы вполне создать там Музей реакции. Иное дело Сен-Дени. Кстати, мы уже подъезжаем. Вон слева от шоссе первые дома, а чуть подалее — видишь шпиль? — ратуша и впритык к мэрии — собор.

— Базилика Сен-Дени, — произнеся это, мой друг не выдер-

«Макизары» в зале коммунистической мэрии Сен-Дени.

жал и высунулся в окно — как не посмотреть на нее еще раз! — Строил собор великий Пьер де Монтрэй. Историки связывают с его именем рождение во Франции готики.

Это известно. Известно и то, что базилика Сен-Дени долгое время была средоточием религиозной, а значит и политической жизни средневековой Франции. Здесь освящала свое оружие Жанна д'Арк, прежде чем пойти на Ля-Рошелль. Здесь принял католичество Генрих IV (помните: «Париж стоит обедни»). Здесь короновались французские монархи, и сюда же рыночные силачи относили на вечный покой усопших властелинов страны. Стая автобусов уже разгружала разноязычных туристов, приехавших взглянуть на дивно украшенные скульптурами могилы Генрихов, Францисков, Людовиков и Марии-Антуанетты.

— Вот что любопытно, — продолжал прерванную мысль мой спутник, когда мы, пройдя фронт базилики, подходили к мэрии. — Сен-Дени, которому, казалось бы, просто на роду было написано стать оплотом монархии и церкви, этот самый Сен-Дени столько раз в истории выказывал свободолюбивый нрав... Скажем, в 1436 году Сен-Дени первым изгнал англичан. В 1461 году здесь разразилась первая во Франции, а может и в мире, организованная забастовка возчиков соли. Средневековая забастовка — каково!.. Во время Великой французской революции опять-таки здесь был создан первый во Франции орган местного самоуправления — муниципалитет... Если Версаль был в истории против Парижа, то Сен-Дени всегда был за него, вернее за то, что было в нем лучшего.

В 1925 году десять тысяч рабочих этого пригорода объявили забастовку в знак протеста против подавления восстания в Марокко. В мгновение ока выросли баррикады. Правительство бросило против них войска — и парни в рабочих комбинезонах трое суток вели уличные сражения. Бульжники против штыков. А в тридцать четвертом, когда «Боевые кресты» полковника де ля Рокка пытались устроить в столице фашистский путч, отсюда, из Сен-Дени, грузовики с рабочими прибыли в центр города, чтобы преградить им дорогу.

В сороковом началась оккупа-

ция. Сен-Дени остался верен себе. Боевые отряды парижского Сопротивления и укрывались здесь, и находили поддержку. Кстати, мэр Огюст Жилло, ждущий нас на разговор, — один из известных партизан-«макизаров», кавалер нескольких орденов.

Сен-Дени свято хранит традиции Сопротивления. Это видно уже из перечня названий его улиц: рю Вайян-Кутюрье, рю Габриель Пери, рю Даниэль Казанова, проспект Сталинграда. То, что дух Сопротивления здесь жив, становится ясным любому посетителю, зашедшему в центральный зал мэрии Сен-Дени. Стены зала целиком, от пола до потолка, скрыты огромным полотном художника Жана Амблара «Французские партизаны». Впечатление эта работа производит колоссальное. И не только своими размерами. Главное, что, войдя, не ощущаешь никакой музейности. Полотно Амблара воспринимаешь скорее как происходящее, нежели как изображенное. Макизары находятся в зале. И от этого, вступая в мэрию, ощущаешь какую-то исподволь волнующую торжественность.

Хотя ничего торжественного в ожидающей нас встрече не предвидится — просто беседа с товарищем Огюстом Жилло, главой коммунистической мэрии Сен-Дени, одного из центров знаменитого «красного пояса» Парижа.

О нем, о «красном поясе», стоит сказать чуть подробнее. В 1967 году из Большого Парижа, составлявшего до этого единое целое с пригородами, выкроили семь новых департаментов. А сам город, значительно уменьшившийся, превратился в особую административную единицу. Цель этого мероприятия была ясна как день: уменьшить до минимума число проживающих в столице рабочих, в основном голосующих за коммунистов; буржуазия боялась, что в один прекрасный день большинство депутатов муниципального совета Большого Парижа окажется коммунистами. Сейчас в 68 окружающих Париж городках-коммунах муниципальные советы состоят либо сплошь из коммунистов, либо контролируются ими. Ситуация создалась своеобразная...

Напротив нас сидит в рабочем кресле невысокий, немолодой, крепко скроенный (еще бы, ведь он бывший кузнец) человек. Только что кончился прием посетите-

лей. И первое, что я спрашиваю у мэра, дабы не отнять у него много времени, каков его распорядок дня на сегодня. Он смотрит на календарь:

— Надо побывать на строительстве жилого дома, потом — заседание комиссии по благоустройству, потом — встреча с представителями коммерсантов, вечером — разговор в молодежном клубе... Обычный день, — улыбается он.

Перехожу к главному: как строится работа органа коммунистического самоуправления в рамках буржуазного государства?

— Что ж, рамки, прямо скажем, жесткие. Для жителей нашего города мы представляем власть. К нам они обращаются со своими нуждами, вопросами, претензиями. И мы делаем все, что можем, вернее, то, что нам удастся сделать. К примеру сказать, нам постоянно урезают права распоряжаться местными финансами; префектура департамента, состоящая из назначенных правительством чиновников, ограничивает нас в решении многих местных проблем. Именно здесь и разгорается основная наша борьба с буржуазным государственным аппаратом. И мы добились немало. Вот конкретные цифры. В конце войны — а мы были впервые избраны 25 апреля 1945 года — нашему муниципалитету досталось тяжелое наследство: 750 зданий были признаны непригодными для жилья, 10 тысяч квартир были без водопровода, 23 тысячи без канализации. А что сейчас? Построено в общей сложности 8 тысяч новых квартир в муниципальных домах (их зовут во Франции «ашэлэм» — «дом с умеренной платой»). Построили бы и больше, кстати, но земля-то в частных руках, а цены на нее скандально растут. У нас в Сен-Дени за последние пятнадцать лет цены на квадратный метр подскочили в сто раз! Правительственные субсидии? Сами понимаете, что коммунистические муниципалитеты не в особом фаворе у распорядителей кредитов. Приходится брать займы в банках. Под проценты, и немалые.

Кроме того, ни один проект постройки жилого дома или здания мы не имеем права осуществить, не получив одобрения префекта, поставленного контролировать деятельность мэрии. Когда речь идет о «красном поясе», то «одобрения» тянутся годами...

Два десятка лет нам отказывают продлить до Сен-Дени линию метро... А ведь здесь сто тысяч жителей!

Огюст Жилло откинулся в кресле и с маху стукнул по столу своим кулаком молотобойца. Метро было явно большой темой.

— Или вот вам еще пример. Чтобы лишить город финансовых поступлений в виде налогов с предприятий и уменьшить на них число рабочих, поддерживающих, как известно, коммунистов, правительство вдруг предложило некоторым капиталистам — за счет государства! — свернуть свое дело в Сен-Дени и переехать куда-нибудь в провинцию. Кое-кто из предпринимателей так и сделал. И прогорел! Не так легко найти квалифицированных рабочих, которые, естественно, не поехали с ними. Тем не менее в Сен-Дени уже ликвидировано 31 предприятие...

Наша работа говорит сама за себя. Наглядная агитация, — улыбка собирает морщинки вокруг глаз Огюста Жилло. — У наших же противников только одни обещания. Раз в шесть лет происходят выборы муниципальных советов, и наши избиратели неизменно голосуют за коммунистов. (Огюст Жилло не добавляет при этом, что уже четверть века его неизменно выбирают мэром.)

Муниципалитет создал в Сен-Дени медицинскую школу для обслуживания населения, открыл в городе около двух десятков детских яслей и садов. Наш родильный дом даже правая печать называется одним из лучших в Европе — по оснащенности современным оборудованием, по квалификации персонала. Результаты заботы о детях налицо — перед войной задымленный Сен-Дени занимал первое во Франции место по детской смертности. Сейчас детская смертность у нас самая низкая в стране. А наши школы! Давайте найдем в одну. Это тут недалеко.

Мы вышли на улицу. Возле магазина трое парней стаскивали ящики с грузовика. Увидев мэра, они сняли кепки:

— Здравствуйте, товарищ!

А водитель, он был постарше, замахал рукой из-за баранки:

— Добрый день, Огюст!

Не было прохожего, который не улыбнулся бы и не приветствовал своего мэра. Тот тоже с удовольствием раскланивался, чуть ли не каждого второго называя по имени. Я подумал, что слова «народная власть» обрели

здесь свое конкретное, зримое выражение...

Мы посмотрели оригинальный комплекс из шести школьных зданий («Архитектор, который проектировал его, — тоже коммунист»).

Разговор перешел на формы работы с населением.

— Каждый месяц муниципалитет проводит публичные сессии, на которых могут присутствовать и высказывать свою точку зрения жители... Но мы заняты не только административной работой. Мэрия непременно поддерживает борьбу трудящихся за удовлетворение экономических и политических требований. Мы возглавляем выступления нашего населения за мир, за прекращение агрессии во Вьетнаме. Достоинно встретим мы и великий юбилей: одна из улиц Сен-Дени решением муниципалитета переименована в проспект Ленина. Мы организуем выставку, которая расскажет о достижениях Советского Союза. Кстати, наша коммуна породнилась с Киевским районом Москвы, к нам часто приезжают советские гости... Не забудьте, когда вернетесь домой, передайте им поклон от Сен-Дени.

Мы остановились возле здания, на котором значилось: «Театр имени Жерара Филипа».

— Наш театр, — сказал мэр с той интонацией, с которой называют новорожденного дитя, интонацией, где смешались восхищение и озабоченность. — Его существование под угрозой. Мы узнали недавно, что субсидии, с боем выбитые у министерства, перестали поступать. Причем с прозрачным намеком на то, что репертуар театра «односторонен»... Видите, даже при условии, что телевидение, радио, большая пресса — такой колоссальный пропагандистский аппарат в их руках, репертуар нашего маленького театра внушает им опасение! Мы же видим в нем важный фактор идеологической работы.

(Уже вернувшись в Москву, я узнал, что 15 января в театре Жерара Филипа состоялся вечер ассоциации «Франция — СССР», на котором выступали артисты Большого театра. Вечер был устроен в честь ленинского юбилея.)

Мы попрощались с товарищем мэром — его ждали дела.

Опять дорога. Опять малолитражку теснили машины. Но мой французский друг не снижал скорости. Ему хватало твердости характера, чтобы вести ее нужным путем.

ДОМ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

▼ со стр. 64

Норилку, и черная нитка газопровода, подвешенная на бетонных опорах над мерзлой белой землей, и санаторий, стоящий меж снежных распадков, скрывающийся за своими стенами зелень пальм и берез.

...Мальчишки в расстегнутых пальто, звеня коньками, бежали на стадион «Заполярик» — их подгоняли яркий свет огней на ледяном поле и веселая музыка, слышная еще в переулке; черные фигурки взбирались на высокую ледяную гору, на которой возвышался светлый куб здания с зеленой неоновой надписью «Плавательный бассейн». Ребятишки тянули по снегу пластмассовые мешки с мохнатыми полотенцами, ползли на четвереньках, чтобы не опрокинул их ветер и не заставил снова взбираться с самого низа. Парни в лыжных костюмах штурмовали автобус, и мне вспомнился рисованный плакат около стадиона — фигура слаломиста и надпись: «Не солнцу, так ветру навстречу!»

Ветру навстречу... Да, в нелегкое плавание вышел Норильск: ветры здесь дуют в основном с юга, но сила их достигает иногда 40 метров в секунду. «Черной пургой» называют норильчане такие ураганы. Мороз за 50 градусов да еще ветер... Именно ветер сообщает Норильску самый высокий балл жесткости погоды. Выше, чем в Оймяконе, на Полюсе холода.

Как же строить город, чтобы уменьшить жесткость погоды? Балл жесткости определяется по формуле: температура плюс удвоенная скорость ветра. К первому «не подкопайся». Но можно «сломать» ветер, сбить его с пути, снизить его скорость, можно преградить дорогу снежным заносам... Ведь страшен не тот снег, который легкими снежинками падает на крыши и мостовые, а тот, который белым хвостом летит с ветром; страшна поэмка, она может засыпать двухэтажные дома с головой; из-за нее, как вспоминали старожилы, в зиму перед войной встал транспорт, замерла жизнь в городе. Проблема «заветренности, снеганосности» — так называют ее специалисты — по своей серьезности, значимости стоит рядом с «проблемой вечной мерзлоты» и требует своего реше-

ния как инженерного, так и архитектурно-планировочного.

Пройдя из конца в конец самый длинный в городе Ленинский проспект, увидишь все площади: Октябрьскую, широкую, в свете прожекторов, с нее начинается новый Норильск, и с нее, как ни с какого места города, видна панорама синих гор и огней комбината; Гвардейскую, как бы созданную для того, чтобы изменить направление проспекта, лишить его идеальной прямизны; и площадь Metallургов, которая будет замыкать проспект, а пока на ее месте взрытая земля, краны и снежные вихри.

Норильск — город редких площадей и в основном коротких улиц: чтобы не слишком гудел ветер на открытых пространствах, чтобы не мчался он, как по широкому прямому коридору, а терял свою силу, путаясь в переулках или в сломанных, под прямыми углами магистралей. Да, кроме вечной мерзлоты — точнее, заботы о ее сохранении, борьба с ветром и снегом добавляет свои штрихи в рисунок улиц и кварталов города.

Если свернуть в одну из улиц, выпадающих в главный проспект (сразу чувствуешь, как перестал толкать в спину ветер), а потом, очень скоро, свернуть на другую улицу, потому что та кончилась, и снова свернуть — кончилась и эта! — возникнет ощущение, что идешь по снежному лабиринту, стены которого сложены из красного кирпича и светящихся окон. С одной и другой стороны каждой улицы — кварталы, сходные по планировке. Рисунок их читается легко, даже в сумраке полярной ночи: белый снег, красный кирпич — четкие краски, четкие линии.

Дома очерчивают прямоугольный контур квартала, лишь кое-где отступая на шаг от улицы, а внутри двора пристраиваются друг к другу под разными углами, словно холодно и неуютно было бы им в одиночестве. Бульдозеры работают между домами, собирая снег в огромную гору, которую с криками штурмует машина.

Конечно, не все кварталы Норильска имеют такой рисунок. Нетрудно проследить, двигаясь от бывшего рабочего поселка к новостройкам микрорайонов, как отказывались архитекторы от домов, выстроившихся цепочкой вдоль улицы и не прячущих за своими спинами другие дома, как стали избегать отдельно стоящих

зданий уже внутри дворов, как постепенно расширялся контур квартала, и он превращался в микрорайон, как усложнялся рисунок (словно в калейдоскопе!) смыкающихся друг с другом зданий.

И тем яснее, следя за этими изменениями, понимаешь, какие же средства борьбы с ветром и снежными заносами отобрали окончательно норильские градостроители. Замкнутый контур квартала — эдакий бастион против непогоды, узкие разрывы между домами, минимальное число улиц и проездов, открытых ветрам, блокировка зданий, многоэтажность. Многоэтажный дом сам играет роль хорошего «ветролома». Данные Института санитарной гигиены имени Эрисмана, полученные в результате исследования опытного квартала, подтверждают, что в условиях Севера отобранные приемы застройки действительно целесообразны: они снижают скорость ветра во много раз и, конечно, уменьшают заносы.

Перестав опасаться вечной мерзлоты, градостроители возводят уже девяти-двенадцатиэтажные здания. Рост в высоту — это путь к необходимой северному городу компактности. Высотные дома предположительно будут стоять на площади Metallургов и на углу Красноярской; девятиэтажные — на новых улицах, которые носят имена Нансена, предсказывавшего большое будущее норильским углям, и Бегичева, исследователя Севера, соратника Урванцева по экспедициям...

Многоэтажный, компактный, единый город сам себя защитит, уже защищает от северной природы.

О долгих, непрекращающихся поисках градостроителей, поисках средств защиты от ветра и снега мне рассказал лауреат Ленинской премии, главный архитектор «Норильскпроекта» Витольд Станиславович Непокойчицкий.

Норильск подобен флагману, ведущему караван судов в море вечной мерзлоты. И роль его тем более велика, что «море» это занимает огромные пространства, что в недрах вечной мерзлоты скрыты, как установили геологи, несметные запасы угля, железной руды, меди, никеля, золота, алмазов, нефти, газа...

В 1966 году одиннадцать норильских инженеров-строителей, среди которых были и М. В. Ким,

и В. С. Непокойчицкий, были удостоены Ленинской премии за разработку метода свайного фундаментирования, за строительство комбината и города в условиях вечной мерзлоты. Инженеры из Игарки, Воркуты, Якутска, Алдана — частые гости Норильска, хотя точное копирование методов строительства невозможно: в каждом из этих городов свои грунты, своя вечная мерзлота, где «вялая», где сильно оттаивающая — «талики», как говорят строители, и т. п. В Норильске создана комплексная лаборатория (такие же есть и в Якутске, и в Мирном) Красноярского научно-исследовательского института, который занят разработкой проблем строительства в условиях сурового климата и вечной мерзлоты.

Сегодня по методу норильчан тысячи железобетонных свай вбиваются в вечную мерзлоту. Тысячи... Каждый год... Это значит — сотни новых домов начинают жизнь под холодным небом Севера. Норильск не только теоретически доказал возможность их существования. Норильчане, еще три десятка лет назад смотревшие как на чудо на первый, созданный ими кирпич, дают сегодня новостройкам и кирпичные блоки, и сантехкабины, и стеновые детали...

Растет пятиэтажный кирпичный Талнах. Дорога, что стелется через распадки, бежит мимо чахлах лиственниц и белых стволов берез, сбросивших даже сучья, беззащитных перед ветром, связывает Талнах с Норильском. Талнахское месторождение руд настолько перспективное — колоссальная сырьевая база Норильского комбината! — что архитекторы уже вплотную работают над проектами Талнаха и совсем нового поселка с общим населением в пятьдесят тысяч человек. А ведь история Талнаха исчисляется несколькими годами.

Идет работа и над проектом Дудинки: порт, морские и речные ворота норильской земли, должен иметь современный облик. Растет Снежногорск на реке Хантайке, поселок гидростроителей Хантайской ГЭС. Растет Мирный в Якутии...

Норильчане любят улетать на «материк» и возвращаться. Возвращаться за Полярный круг, который (пусть прстят географы это утверждение) переместился сегодня севернее Норильска.

У мыса Дежнева. Фотоэтиюд Ф. ГАБДУЛИНА

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК С ПРЕДЕЛА ЗЕМЛИ

Иногда, встречая меня в поселке, Клим Аккан еще издали машет мне руками, и я знаю, сейчас он скажет: «Приходи, будет репетиция». Об этом же извещают листочки бумаги, прикрепленные к столбам, к стене клуба. «Сегодня состоится репетиция чукотско-эскимосского самодеятельного ансамбля». Эти объявления пишет сам Клим Аккан, заведующий клубом и художественный руководитель. Мне непонятно, зачем он это делает: поселок наш маленький, и всех артистов можно встретить на дню по нескольку раз. Впрочем, Клим любит, чтобы все было по правилам. Он учился в музыкальном училище в Магадане, но не закончил его. «Почему?» — поинтересовался я. «Взял академический, — отвечал Клим. — Работать надо. Писать музыку. Здесь кругом полно музыки». При этом он поводит рукой, как бы давая понять, что в поселке, протянувшимся вдоль косы, в море, в окружающих сопках, в скалах, на которых во время заката появляются красноватые отблески, и заключена музыка. В начале моего с ним знакомства, когда я еще не знал о его музыкальном образовании, он порастил меня тем, что во время одной из наших прогулок по берегу моря вдруг остановился, прислушался к хриплым и до неузнаваемости изуро-

дованным звукам, доносившимся из поселкового динамика, и определил: Гендель...

Работа у него — необычная в сравнении с занятиями его земляков, бьющих в море моржей или уходящих зимой к разводьям за нерпой. Минуты его торжества наступают на очередном концерте, когда конференсье объявляет со сцены клуба: «Клим Аккан. Вариации на темы русских песен», и выходит он с аккордеоном, и начинает сплетать хитрый узор звуков, в котором, как рыба в сети, трепещет знакомая мелодия. Царит он также на репетициях ансамбля — в черном костюме, в белой, не совсем, правда, свежей рубашке, и при галстучке. Тонкий, бледный, черноволосый: «Еще раз... вот это место», — говорит он, и все послушно повторяют. Перед ним сидят старики с бубнами, позади них, образуя хор, стоят мужчины и женщины, а в последнее время добавился еще целый, обученный Климом оркестр: здесь и балалайки, и домры, и еще какой-то большой, в человеческий рост, треугольный инструмент, на котором играет школьник Кейнон, внук Нутетегина. Под стать своему имени — Кейнон по-чукотски означает «медведь», «бурый медведь» — это коренастый подросток с выпуклой, сильной грудью, и я думаю, что ему не трудно удерживать такой большой инструмент.

Еще мне приходит в голову, что на этом неведомом мне инструменте можно было бы, приделав к нему руль-мотор, выходить на охоту в море...

В центре хора сидит старик Нутетегин. Слава его уже прогремела от Чукотки до Москвы, где он выступал на Всероссийском смотре художественной сельской самодеятельности, слава его узаконена и определена: он — «классик чукотско-эскимосского танца». Старик привык к тому, что каждый из приезжающих сюда журналистов приходит к нему, расспрашивает его о прежней жизни, а потом просит облачиться в национальную одежду, взять карабин и ведет на берег моря, к ближайшим торосам — фотографировать. Другой бы европейской знаменитости все это, наконец, надоело, но старик уважает чужой труд — раз надо, значит надо. Идет, держит карабин, взглядывается в даль, как когда-то, давно, не в последние годы — слишком стар уже, слаб, чтобы охотиться.

Нутетегин — значение этого имени попало мне у Тана-Богораза в его монографии «Чукчи». Красивые имена у чукчей: Тнечтыгрев — это значит «Спустившийся с рассвета», Тнечейвун — «Пришедший пешком от рассвета», а Нутетегин — «Предел земли». Но он и в самом деле с «предела земли», родился и вырос в Наукане, на самой крайней точке Чукотки. Несколько раз я ходил туда — это в двадцати километрах от нового поселка — и видел Наукан: развалины оставленного жителями (переселившимися в новые поселки) селения, стены жилищ из камней, переложенных земель, крутой обрыв к морю, и вечная — даже зимой, когда все замирает, — толчея льдов в прольве...

— Яа-а... Яа-а-йа-а, — высоким, тонким голосом начинает старик.

Хор подхватывает, включаясь не весь сразу, а постепенно: сначала другие старики с бубнами, потом мужчины, а за ними и женщины. Разом гремят бубны. Если вы наделены воображением, то услышите в песне и шум волн, и крик птиц, и рев ветра; если не наделены... все равно услышите.

Из хора выступают танцоры: один, или два, или целая группа. Танцор обязательно в варежках или перчатках — на репетиции они пользуются обыкновенными, купленными в магазине. Для чего, кстати, они? Ведь в остальной одежде на репетиции «жизненной правдой» пренебрегают. Это там, на смотре в Анадыре или в Магадане, они выйдут во всем великолепии наряда — в легких расшитых кухлянках, камлейках, торбасах и узорных рукавицах — а здесь они по-домашнему: мужчины в обычных европейских брюках, ковбойках и... в варежках.

Между тем начинается танец — «Охота с копьём». Охотник — Аляпедрин — выслеживает зверя. Резкое движение туловищем в одну сторону, в другую. Согнутые и широко расставленные ноги на месте. Увидел. Подкрадывается... Только впечатление, что подкрадывается — ноги по-прежнему на месте. Хор подбадривает. Бубны стучат. Выглядывает, прячась, из-за тороса. Примеряется. Хор неистовствует, сквозь пение слышатся отдельные выкрики. Кидает копьё. Хор разом смолкает, слышны только резкие глухие удары бубнов. Бросает закидушку-акын, вытаскивает добычу, перебирая ремень руками. Под возобновившееся торжествующее пение поворачивается спиной к добыче, перекинув ремень через плечо, — и потащил, коротко переступая по-прежнему широко расставленными ногами. Что это? Древняя молитва

или воспоминание об удачной охоте? Когда море закрыто, и нет охоты, и свирепствует ветер, и соседней яранги не видно за несущимся снегом, мне кажется, все здесь: и жажда движения, и воспоминание, и предвкушение того дня, когда утихнет пурга, проглянет солнце и на горизонте глаз различит нечто вроде темного облака — дымящегося на морозе разводье. Теперь же это — искусство.

Исконно мужские танцы: «Охота на пса», «Охота на каяке», — сменяются женскими: «Шитье», «Сбор зеленых кормов». Женщины не ставят ноги так широко, как мужчины, наоборот, ступни их ног составлены вместе, в движении только голова, руки, плечи, туловище, и так они ухитряются передать и глупую радость недавно народившегося олененка, и снисходительную материнскую нежность важеники.

Когда знаешь название танца, легко видеть в движениях танцора определенный смысл, угадывать сюжет.

Новое время — новые танцы. В репертуаре ансамбля — «Моторист», «Санитарка», «Фестивальный танец», «Космонавты»... В «Космонавтах», правда, внимательный глаз уловит отзвуки, и движения, и развитие другого, давно сочиненного танца о летчике — «Петренко делает посадку». Это любимый танец Гонома. Он высматривает путь впереди, широко разбрасывает руки, кричит, заходит, накренившись, и садится, поднимая лыжами тучу снега. Сам Петренко давно на пенсии и покинул север, но танец о нем остался. Сейчас здесь летает его ученик Комков, и иногда, в знак уважения и к его мастерству, танец исполняют в его честь: «Комков делает посадку».

Но главное, для чего я прихожу не только на концерт, но и на каждую репетицию, — это надежда, что Нутетегин исполнит свой танец Ворона. Это старый, говорят, сочиненный им еще в Наукане танец. Если Нутетегин — классик, то это — классика. Каждое движение танца давно отработано, отшлифовано до мелочей, и на обычной репетиции нет нужды повторять его, но иногда Нутетегин, задав мелодию хору, вдруг откладывает ярар — бубен и встает, натягивая варежки, — невысокий, сухой, ловкий старик с красивой белой головой. (Тут надо отдать должное фотографам — они любят снимать его без шапки, в кухлянке с откинутым капюшоном.)

Ворон был у эскимосов почитаемой птицей — есть и сказка, в которой говорится, как он выкрал у злых духов мяч, расклевал его оболочку и выпустил на волю солнце, месяц и звезды. Тогда-то он и опалил свои белые перья и стал черным. Нечто вроде эскимосского Прометея. Попадал Ворон и в смешные положения, и об этом тоже есть сказки. Как-то я спросил Нутетегина, почему он сочинил танец именно о Вороне. Он сказал, что когда-то жил в Наукане и часто наблюдал за повадками этой птицы. Но я все же думаю, что не так это просто: ведь не сочинил же он танец какого-нибудь баклана или утки, а уж, наверное, видел их тысячи раз и не хуже изобразил бы.

Да тут и не в правдоподобии дело, хотя все это есть, есть! Одно простое движение шеи, и вот он

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ВОКРУГ ЗЕМЛИ

№ 4 АПРЕЛЬ 1970

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь каждый камень Ленина знает	1, 6, 14
А. ШАМАРО — Атлас Ленина	2
ГЕННАДИЙ ФИШ — Машинисты паровоза 293	8
В. ОРЛОВ — Пересечь Уральский хребет	16
Загадки, проекты, открытия	19, 31
ФАУСТО АНДРАДЕ — Над нами Котопакси	20
Н. САФИЕВ — Квадрат в океане	26
А. ЛЕХМУС — Открыватели касситерита	28
Ю. СТЕПАНОВ — Служба «желтого карлика»	32
В. ДЕМИДОВ — Идем через Тихаму	36
Ю. ЛОЩИЦ — О, поле светлое	40
В. КОЛУПАЕВ — Ma-a-a-ma!	44
И. ИВАНОВ — Под солнцем разума	47
В. САКК — Покоренная Ингури	48
ОЛЕГ КУВАЕВ — Дядя Яким	52
ОРЕСТ МАЛЬЦЕВ — Новый металл Ланц-хида	57
Л. ЧЕШКОВА — Дом за Полярным кругом	60
ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ — Можно ли заблудиться в пустыне?	64
С. МИЛИН — Гнев Мозамбика	67
ЮВЕНАЛИЙ ПОЛЯКОВ — Разговор с товарищем мэром о делах коммуны Сен-Дени	74
БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ — Человек с предела земли	78

На первой странице обложки: Памятник Владимиру Ильичу Ленину в Кремле.

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 6/II 1970 г. Подп. к печ. 20/III 1970 г. А00654. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 66. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

выглядывает из-за кочки, именно из-за кочки, смотрит осторожный Ворон, не грозит ли ему откуда опасность, вот выходит и, подпрыгнув, взлетает. Взгляд старика устремлен вверх, видно, что мощный спокойный поток воздуха стремится ему навстречу, но он не расставляет рук в стороны, как «самолет» — Гоном, а делает ими чуть заметные движения из груди, как бы разводя этот поток перед собою... Выше, выше. Ворон хрипло и торжественно кричит — может быть, в этот момент он похищает солнце и звезды, но вот увидел что-то внизу, и взгляд становится сразу земным, хитрым. Резко изменяется наклон крыла. Ворон снижается, планирует, сел и... тут старик перегибается в пояс, заведя руки за спину, сложив их наподобие хвоста, идет вперевалку, клекоча горлом, сразу теряет все свое величие, вновь предстает неуклюжей, смешной в своей хитрости птицей...

Как-то я прихожу к старику, чтобы он сам разрешил мои сомнения. В доме у него на стенах развешаны почетные грамоты, дипломы и посвященный ему плакат «Ветеран народного творчества».

Я задаю свой старый вопрос: — Нутетегин, зачем ты, да и все вы, когда танцуете, надеваете варежки?

— Без варежек плохо. Неудобно руке, — говорит Нутетегин. Он недоуменно смотрит на свою руку и вертит ею в воздухе, как бы стараясь представить, как это он будет танцевать без варежек. — В варежках красиво, — добавляет он, потом, подумав, идет и, порывшись в чемодане, достает и протягивает мне рукавицы.

— Жена делал.

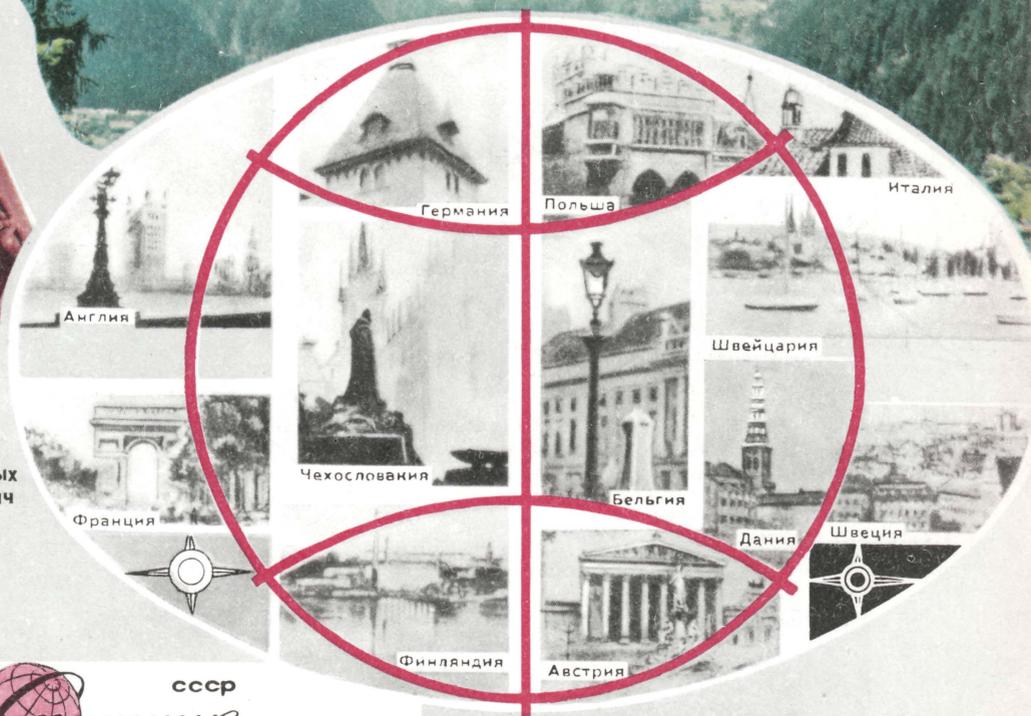
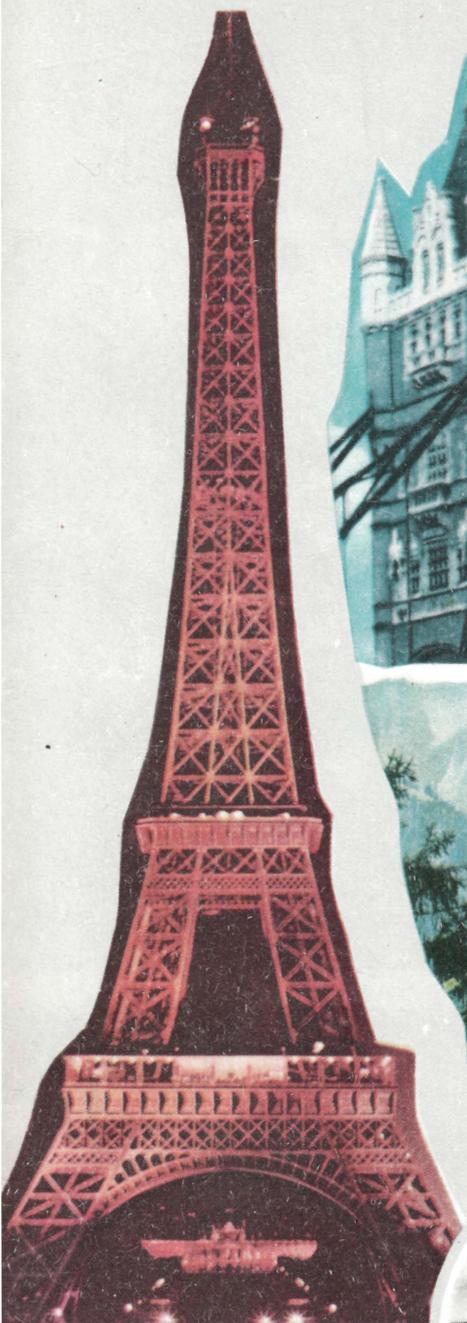
Рукавицы действительно очень красивые — отороченные светлым мехом нерпы и расширенные разноцветным бисером. Я возвращаю старику рукавицы, он надевает одну из них и сразу как-то приподнимается, хотя продолжает сидеть, и делает этой рукой всего одно привычное движение, и этого достаточно, чтобы увидеть мне, как встает за его спиной хор и тонкий высокий голос начинает: «Я-а-а... Я-а-а йа-а-йа...» Хор подхватывает.

Фото **А. САНДЛЕРА**

38

Цена 60 коп.
Индекс 70142

Зарубежные страны, в которых жил и работал Владимир Ильич Ленин.

СССР
путник
бюро международного
молодежного туризма